А. А. ДЕЛЬВИГ

Советский писатель

А. А. ДЕЛЬВИГ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1959

А. А. ДЕЛЬВИГ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. В. Томашевского

А. А. ДЕЛЬВИГ

Судьба Дельвига тесно связана с именем Пушкина. Он принадлежит к числу ближайших друзей Пушкина с детских лет. Поэтический талант Дельвига сложился в Царскосельском лицее, где вместе с Пушкиным, Илличевским, Кюхельбекером он был непременным участником всех литературных предприятий лицеистов, организатором рукописных журналов, одним из первых лицейских поэтов, уже на школьной скамье печатавшим в журналах стихи, обратившие на себя внимание знатоков. По окончании Лицея Дельвиг деятельно вошел в петербургскую литературную жизнь, принимая участие во всех молодых группировках, боровшихся за новую литературу, то есть в первую очередь за Пушкина. Затем он выступил как литературный организатор альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты». Эту газету Дельвиг издавал вместе с Пушкиным и вместе с ним дал отпор ожесточенным нападениям Булгарина. Смерть застала Дельвига за обширной рецензией на «Бориса Годунова», оставшейся недописанной.

И в историю литературы Дельвиг вошел главным образом как друг Пушкина, представитель «пушкинской плеяды». Однако Дельвиг, безусловный почитатель Пушкина, не был ни его подражателем, ни тем более эпигоном, каким иногда его изображали. И в поэзии, и в литературной критике он сказал свое слово.

Его творчество связано не с теми традициями в поэзии, которыми определялся путь Пушкина. В поэтическом творчестве Дельвиг сохранил свой характер, отличный от поэзии его современников. И стихи его имели свою судьбу.

1

Отец Дельвига (1772—1828) был плац-майором в Москве, затем бригадным генералом в Риге и Кременчуге и наконец окружным генералом 2-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи в Витебске. Это была полувоенная служба, не слишком крупная. Он был из дворян Эстляндской губернии, баронского рода. Оскудение баронов Дельвигов началось, вероятно, уже давно, но особенно отразилась на судьбе предков поэта приверженность бригадира Дельвига Петру III. Этот бригадир «во время бывшей в Петергофе в высоком правленьи перемены (то есть переворота в пользу Екатерины II), будучи с полком, всего своего имения лишился». Павел I, награждая приверженцев своего отца, не забыл и Дельвигов, но, очевидно, дела их так и не поправились.

Мать Дельвига, Любовь Матвеевна Красильникова,[1] была из дворян, ничего общего с землей не имеющих. Дед ее был астроном и служил в Академии наук. Родители оставили ей усадьбу в Тульской губернии, представлявшую собой клочок земли и дом, который больше походил на крестьянскую избу, чем на помещичье владение.

Антон Антонович Дельвиг родился в Москве 6 августа 1798 года, когда отец его был еще только плац-адъютантом (плац-майором он стал в 1806 году).

Несмотря на свое немецкое происхождение, генерал Дельвиг тяготел к русскому. Это выразилось в обычной по тому времени форме: в переходе его в православие. Русское происхождение матери и русофильство отца объясняют, почему Дельвиг был немцем только по имени. До поступления в Лицей он даже не знал немецкого языка.

О детстве Дельвига известно очень мало. В. П. Гаевский сообщает, что «первоначальное образование он получил в частном пансионе в Москве».[2]

С открытием Лицея в Царском Селе Дельвиг был определен туда по ходатайству московского главнокомандующего графа Гудовича.

К поступлению в Лицей готовил его Александр Дмитриевич Боровков, впоследствии литератор. Он по просьбе отца Дельвига отвез его в Петербург. Вступительный экзамен Дельвиг держал

---

[1] Пушкин ошибся, именуя в своей заметке мать Дельвига рожденной Рахмановой.

[2] «Современник», 1853, № 2, стр. 63.

12 августа 1811 года, одновременно с Пушкиным, и с 19 октября 1811 года началось шестилетнее пребывание Дельвига в Царскосельском лицее.

Наиболее ценная характеристика Дельвига, его способностей, развития дана Пушкиным в набросках статьи о Дельвиге (1831): «Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды ему вздумалось рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покамест он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю семью. В детях, одаренных игривостью ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания».

Учреждение Лицея имело целью «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Программа была составлена в духе и по образцу Московского университетского благородного пансиона. В ней обращает на себя внимание ее пестрый энциклопедизм и преобладание гуманитарных дисциплин. Впрочем, и точные науки были представлены в программе обширными курсами математики, астрономии, физики. На старшем курсе лицеисты должны были получать понятие даже об архитектуре и перспективе. Этот энциклопедизм, обилие и трудность курсов приводили к тому, что многие лицеисты занимались только тем, что их влекло.

С первого года пребывания в Лицее у Дельвига сложилась репутация беспечного ленивца, и сам он, по-видимому, охотно разыгрывал эту роль, хотя в то же время усердно читал любимых поэтов, обдумывал и отделывал свои стихотворения. Лицейский

«национальный» гимн запечатлел эту репутацию Дельвига такими строфами:

Полно, Дельвиг, не мори
Ты людей стихами;
Ждут нас кофе, сухари,
Феб теперь не с нами.

Разрешаю: век ленись;
Попусту хлопочешь,
Спи, любезный, не учись,
Делай что ты хочешь.

В классах рифмы прибирай;
С чашкой здесь дружися.
С Вилей — Клопштока читай,
С нами — веселися.

Особенностью Лицея, так же как Московского университетского благородного пансиона, было поощрение литературных занятий воспитанников, что выражалось не только в литературных журналах, созданных лицеистами, но и отчасти входило в программу занятий по литературе. Н. Ф. Кошанский, преподававший в Лицее русскую и античную словесность, требовал от лицеистов стихотворных произведений на заданные темы. Хотя эти требования Кошанского отличались устарелым педантизмом, он не сочувствовал новому, не умел оценить лучших поэтов и хвалил посредственных подражателей Державина и Дмитриева, тем не менее в курсе словесности, который читал Кошанский, было и нечто очень положительное: основательность знакомства с античной поэзией. Пристрастие Кошанского к греческим и латинским авторам, по-видимому, имело воздействие и на Дельвига, в поэзии которого античный мир занял значительное место.

Гораздо более значительным, чем лицейское воспитание, в общем несистематическое и недостаточное, было для Дельвига влияние его товарищей, среди которых намечались люди выдающиеся. Хотя Царскосельский лицей и был привилегированным учебным заведением, но на подборе воспитанников отразилось намерение правительства подготовить в Лицее высшие бюрократические кадры. Состав воспитанников Лицея был вовсе не аристократический. Главную массу лицеистов составляли дети чиновников, дворянство которых было не родовое, а полученное в служебном порядке. В этой среде легко возникали оппозиционные настроения, чем и

объясняется отчасти наличие будущих декабристов (Кюхельбекер и Пущин) среди лицеистов и позднейшая репутация «лицейского духа» как противоправительственного.

Во всяком случае, в среде лицеистов первого выпуска было много таких, которые способны были самостоятельно пробивать себе дорогу. Эта лицейская самостоятельность проявилась в литературных занятиях, в издании журналов, сборников, антологий и т. п.

Среди лицейских поэтов отличались Илличевский, обладавший легкостью стиха и впоследствии специализировавшийся на переводных эпиграммах, Пушкин, Кюхельбекер, примыкавший к литературному направлению, не находившему сочувствия в среде товарищей, и Дельвиг. Он значился на некоторых лицейских журналах «цензором», то есть, вероятно, исполнял обязанности редактора и рецензента.

О литературных занятиях Дельвига Илличевский писал своему приятелю Фуссу 28 февраля 1816 года: «Познакомясь рано с музами, музам пожертвовал он большую часть своих досугов. Быстрые способности (если не гений), советы сведущего друга отверзли ему дорогу, которой держались в свое время Анакреоны, Горации, а в новейшие годы Шиллеры, Рамлеры, их верные подражатели и последователи; я хочу сказать, что он писал в древнем тоне и древним размером — метром. Сим метром написал он «К Диону», «К Лилете», «К больному Горчакову» — и написал прекрасно. Иногда он позволял себе отступления от общего правила, то есть писал ямбом: «Поляк» (балладу),[1] «Тихую жизнь» (которую пришлю тебе — мастерское произведение!), и писал опять прекрасно. Странно, что человек такого веселого, шутливого нрава (ибо он у нас один из лучших остряков) не хочет блеснуть на поприще эпиграмм».[2]

Из этого письма видно, что в литературном отношении Дельвигу близок был еще в Лицее Вильгельм Кюхельбекер, которого и назвал Илличевский «сведущим другом».

О том, что именно он приобщал Дельвига к поэзии, говорят стихи лицейского послания «К Кюхельбекеру»:

Мой друг, вожатый мой в страну, где, ослепленный,
Могу, как Фаэтон, я посрамить себя.

и т. д.

---

[1] Илличевский ошибся: баллада «Поляк» написана не ямбом, а хореем.

[2] К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 63.

В цитированных набросках статьи о Дельвиге Пушкин писал почти то же, что Илличевский, отмечая при этом своеобразие поэзии Дельвига, характер которой определился еще в Лицее: «Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание Русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды к Диону, к Лилете, Дориде писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. В то время (1814) покойный Влад. Измайлов был издателем «Вестника Европы». Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта!»

В 1814 году Дельвиг усердно печатал свои стихи в «Вестнике Европы». На следующий год В. Измайлов предпринял издание другого журнала — «Российский музеум». Сюда, в числе прочих лицейских поэтов, перекочевал и Дельвиг.

В течение последнего года пребывания в Лицее Дельвиг (как и Пушкин) ничего не печатал и возобновил участие в журнале только после окончания Лицея. Выпуск первых лицеистов состоялся 9 июня 1817 года. Дельвиг к этой дате сочинил кантату («Прощальная песнь воспитанников Царскосельского лицея»), и она затем постоянно распевалась на лицейских годовщинах.

Дельвиг окончил Лицей почти последним: по свидетельству А. И. Дельвига, двоюродного брата поэта, выйдя из лицея, он плохо говорил по-французски и совсем не говорил по-немецки, что, впрочем, не мешало ему свободно читать на этих языках.

Тем не менее, Лицей дал Дельвигу очень много. Именно там он определился как поэт, там обрел круг друзей, сохранившийся на всю жизнь, имевший влияние на его творчество.

По выходе из Лицея Дельвиг уехал к родителям в Кременчуг.

Этим объясняется посвященный ему куплет из лицейской «национальной» песни, сложенной, вероятно, незадолго до окончания Лицея:

Дельвиг мыслит на досуге:
Можно спать и в Кременчуге.

Здесь он пробыл недолго и, вернувшись в Петербург, вступил в исполнение должности, на которую был назначен при окончании Лицея, в канцелярию Департамента горных и соляных дел.

О служебной и литературной деятельности Дельвига в первый год после окончания Лицея известно очень мало. Уже в 1818 году Дельвиг связался с литературными кругами. Он был избран в С.-Петербургское общество любителей словесности, наук и художеств, в котором в это время председательствовал А. Е. Измайлов, известный баснописец и издатель «Благонамеренного», лично знакомый с Дельвигом как дядя его лицейского товарища Михаила Яковлева. Это был период полного упадка общества, когда вокруг него группировались мелкие литераторы из чиновников, одинаково скептически относившиеся к главным враждующим партиям в литературе: к карамзинистам и к шишковистам. Дельвиг был в числе самых молодых членов общества и не мог, конечно, примириться с убогой бесцветностью литературного направления Измайлова.

Интересы Дельвига еще в Лицее не ограничивались литературой. В бумагах Кюхельбекера сохранился список участников кружка, в который входили офицеры военных частей, расположенных в Царском Селе, и лицеисты. Во главе этого кружка стоял офицер И. Г. Бурцев, из лицеистов там бывали Вольховский, Ив. Пущин, Дельвиг и Кюхельбекер. Пущин сообщает о содержании разговоров в этом кружке, значительная часть членов которого в той или иной мере позднее оказалась прикосновенной к декабристам: «Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком». [1]

После окончания Лицея Дельвиг оказался в кругу все той же мыслящей молодежи, с 1818 года уже объединенной тайным обществом Союз Благоденствия.

В марте 1819 года Дельвиг вступил во вновь основанное общество «Зеленая лампа», где его товарищами были Пушкин, Гнедич,

---

[1] И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма. М., 1956, стр. 68.

Ф. Глинка, Я. Толстой и др. Как подробно рассказано П. Щеголевым,[1] «Зеленая лампа» была «вольным обществом» Союза Благоденствия. По уставу союза «сии общества, управляемые одним или двумя членами Союза, коего существование им не открывалось, не входили в состав оного. Им не была предназначена никакая политическая цель, и от учреждения их ожидалась только та польза, что, руководимые своими основателями или начальниками, они, особенно своей деятельностью по литературе, художествам и так далее, могли бы способствовать достижению цели Коренной Управы».

От природы наделенный трезвым, реалистическим умом, далеким от какого бы то ни было мистицизма и идеализма, Дельвиг примкнул к идеологии радикальной молодежи. Влияние декабристских идей на Дельвига усилилось после вступления его в Вольное общество любителей российской словесности (22 сентября). В это общество перекочевала оппозиционная молодежь «Зеленой лампы», и там она оказалась в более широком, более демократическом окружении. Именно здесь сблизился Дельвиг с Рылеевым.

О раннем периоде этого общества Плетнев сообщал Гроту в письме от 24 мая 1844 года: «Общество, издававшее «Соревнователь просвещения и благотворения», основано было по большей части членами масонской ложи избранного Михаила, как-то: Крикуновским, Боровковым и Никитиным. Ты видишь, что вначале не было почти и литераторов, а собирались люди, видавшиеся в одной масонской ложе и желавшие как-нибудь помогать беднякам ученого сословия. После министр народного просвещения исходатайствовал им особый устав и позволил издавать журнал... Наконец членами общества избраны были и мы, то есть Дельвиг, Баратынский и я».[2] В этой масонской ложе некоторое время состоял и Дельвиг. В ней были также В. Кюхельбекер и его брат Михаил, А. Измайлов, Н. Кошанский, Н. Бестужев, Г. Батеньков, Ф. Глинка, фон Фок, Н. Греч и др. Об этой ложе сообщал Михайловский-Данилевский: «Заседания ее, конечно, подробно были известны правительству, потому что Фок, не пропускавший ни одного собрания, был начальником тайной полиции. В сей ложе я находил молодых людей различных состояний, хорошо воспитанных, прекрасного поведения, отличных художников и литераторов. Главною целью была благотворительность. Каждый член неоднократно

---

[1] П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, стр. 142.

[2] «Переписка Грота с Плетневым», т. 2. СПб., 1896, стр. 254.

возил деньги бедным семействам, особенно накануне больших праздников». [1]

По вступлении в общество Дельвиг занял должность «цензора стихов», то есть рецензента представлявшихся в общество стихотворных произведений. Оппозиционные его настроения были отмечены в политических разоблачениях, предшествовавших ссылке Пушкина. Именно на Дельвига, Кюхельбекера и Баратынского намекал В. Н. Каразин, представитель правого крыла литераторов Вольного общества, [2] когда в своей речи «Об ученых обществах» [3] говорил о «соблазнительных элегиях», о «сладострастных и вакхических произведениях» поэтов, которые в то же время помышляют о «мнимых правах человека», о «свободе совестей», столько прославленных и столько во зло употребленных в XVIII столетии. В записке министру внутренних дел Кочубею (от 2 апреля 1820 года) Каразин писал, что «в Лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей... это доказывают почти все вышедшие оттуда. Говорят, что один из них, Пушкин, по высочайшему повелению наказан. Но из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом...» [4]

Самая идея «союза», якобы существовавшего между поэтами пушкинского круга, возникла у Каразина при чтении стихов молодых поэтов. Первым, кто ввел в поэзию эту тему, по-видимому, был Пушкин. В стихотворении, адресованном Кюхельбекеру («Разлука»), он говорит о верности «святому братству» поэтов. Стихотворение это было напечатано в «Невском зрителе» в апреле 1820 года. В апрельском же номере «Соревнователя просвещения и благотворения» появилось стихотворение Кюхельбекера «Поэты», где опять-таки говорится о свободном союзе любимцев муз. Стихотворение Кюхельбекера, в свою очередь, связано со стихотворением Дельвига «Поэт» («Что до богов? Пускай они...»), читанном на заседании Вольного общества в марте 1820 года, но не пропущенном в печать цензурой. Стихотворение Кюхельбекера является развернутой репликой на тему стихотворения Дельвига о высоком

---

[1] «Русская старина», 1900, № 9, стр. 643—644.

[2] Вас. Наз. Каразин (1773—1842) — литератор, основатель Харьковского университета, в конце 10-х годов выступил как охранитель самодержавия и запятнал себя доносительскими записками, содействовавшими изгнанию Пушкина. См. «Русскую старину», 1899, № 5, стр. 277.

[3] Речь была произнесена Каразиным, когда он был вице-председателем Вольного общества.

[4] «Русская старина», 1899, № 5, стр. 278.

назначении поэзии и независимости поэта, который должен оставаться внутренне свободным, несмотря на «грозное презренье» и «под звук цепей». Завершающие строфы стихотворения «Поэты» Кюхельбекера повторяют мысль «Поэта» Дельвига:

О Дельвиг! Дельвиг! что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел,
И сладостного песнопенья!

За этим следуют слова, вызвавшие особое подозрение, обращенные к Дельвигу, Баратынскому и Пушкину:

Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастьи и в несчастьи твердый,
Союз любимцев вечных муз.

Хотя этот «союз» вовсе не носил характера политического объединения, но блюстители порядка не совсем напрасно усматривали в нем единство направления, в основе которого были вольнолюбивые идеи декабристского поколения.

Литературную молодежь этого поколения только сплотили гонения. Вскоре после ссылки Пушкина в Вольном обществе (в 1821 году) были даны сражения реакционному лагерю и одержана победа. Руководство Вольным обществом перешло на некоторое время в руки членов Союза Благоденствия. Председателем общества стал Ф. Глинка, среди активных членов выделились Рылеев, Кюхельбекер, главную роль стали играть те, кто по направлению своему был им близок, в частности Дельвиг и Гнедич (в 1821 году ставший вице-председателем общества).

Многие члены Вольного общества высказались против Каразина, сыгравшего роль доносчика в деле Пушкина, высланного в мае 1820 года из Петербурга. И несмотря на то, что эти высказывания носили характер литературных возражений, они, так же как сами обвинения, были политическими по существу. Среди высказываний, противопоставленных речи Каразина, особое значение имело слово Гнедича «О назначении поэта». Гнедич взял в основу своей речи те же мысли, которые были выражены в стихотворениях Дельвига и Кюхельбекера. Против Каразина сказано было несколько речей, в том числе и Дельвигом. Дельвиг говорил первый. Речь его, сравнительно с другими весьма умеренная, была заключена двустишием В. Л. Пушкина:

Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот выражается приятно и свободно...

Каразин, как бы не поняв иронии, принял эту цитату как похвалу себе и благодарил поэта; но дело кончилось тем, что Каразин был исключен из общества. Борьба молодой группы литераторов с писателями реакционного лагеря велась не только в недрах литературных организаций, но и на страницах журналов и даже в литературных дамских салонах.

В конце 1810-х — начале 1820-х годов Дельвиг был постоянным посетителем салона Софьи Дмитриевны Пономаревой. Первоначально салон этот был ареной деятельности членов Общества любителей словесности, наук и художеств. Измайлов, Панаев, Сомов, Павел Яковлев, Княжевичи и др. были усерднейшими посетителями Пономаревой. Собраниям своим они придали характер пародии на литературное общество. Объединялось это шуточное общество обожанием хозяйки салона. Был выработан устав и принято наименование «Сословие друзей просвещения»; начальные буквы слов, составляющих это наименование, совпадали с инициалами Пономаревой.

Салон Пономаревой не был литературным салоном в обычном смысле слова. Литературным занятиям придана в нем была форма своеобразной игры. Читали стихи и прозу, которая здесь же обсуждалась, иногда шутливо, но чаще вполне серьезно, так что «Благонамеренный», журнал Измайлова, одно время фактически редактировался на вечерах Пономаревой. Но все это подавалось как предлог, чтобы провести вечер у обаятельной, живой, умной и шаловливой хозяйки. Все посетители салона последовательно влюблялись в Пономареву, не стесняясь присутствием ее мужа, добродушного сибарита из купеческого звания.

Посетители салона не принадлежали к высшему свету Петербурга. Это были мелкие и средние чиновники, занимавшие и в литературе не слишком заметные места. Состоятельный муж Пономаревой (сын откупщика) привлекал эту публику к себе в дом отчасти и хлебосольством.

Салону Пономаревой не суждено было долго просуществовать. Пономарева умерла 4 мая 1824 года, и смерть ее вызвала дождь эпитафий.

В 1819—1820 годах в салоне Пономаревой появилась молодежь, начавшая теснить стариков. Среди них были Дельвиг и Баратынский. Образовались две враждующие и соревнующиеся партии.

Эти две партии салона Пономаревой не были только партиями, боровшимися за симпатии гостеприимной хозяйки. В них были представлены два поколения в литературе, формировавшиеся под разными влияниями и выражавшие интересы и стремления разных групп. Несмотря на склонность к эклектизму, идиллик Дельвиг не мог быть товарищем идиллика В. И. Панаева, который с чиновническим педантизмом и в 20-е годы «пел» по формулам XVIII века. Группа старших сотрудников измайловского «Благонамеренного», несмотря на поползновения к независимости взглядов и даже некоторой полемической бойкости на литературном фронте, состояла из литераторов-эпигонов. Они обслуживали мелкого и среднего чиновника, читателя-мещанина, не слишком грамотного и не слишком притязательного. А. Е. Измайлов менее всего претендовал на гегемонию в литературе и не собирался овладевать вниманием ведущей в те годы группы средней дворянской молодежи. Из этой группы вербовались передовые писатели и передовые политические деятели, как деятели революционной оппозиции — декабристы, но также и деятели крупной передовой бюрократии, которым суждено было впоследствии перейти в лагерь реакции и заняться укреплением великодержавных идей, что в начале 20-х годов еще недостаточно определилось. Эта литературная аудитория не настолько дифференцировалась, чтобы усмотреть в среде гвардейской литературной молодежи будущую реакцию, в то время как в чиновниках типа читателей и сотрудников «Благонамеренного» литературный и культурный застой ощущался весьма явственно. Сам Измайлов в эти годы тяготился изданием журнала, который явно хирел и естественным образом прекратился в 1826 году, почти одновременно с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств, органом которого он был.

Дельвиг оказался в оппозиции к «Благонамеренному». В 1822 году особенно выразилось это в ряде эпиграмм и сатирических заметок, направленных против молодых поэтов и напечатанных в органе Измайлова. Вот характерное стихотворение, несколько громоздкое, но зато уточняющее пункты, по которым расходился Измайлов с молодежью. Стихи эти писаны Борисом Федоровым. Имена здесь весьма прозрачны: Сурков — Дельвиг (за его сонливость), Тевтонов — Кюхельбекер (за немецкое происхождение), Барабинский — Баратынский; курсивом выделены цитаты из пародируемых произведений: [1]

[1] См. «Благонамеренный», 1822, № 99, стр. 512. Стихотворение тогда же было перепечатано «Вестником Европы».

СОЮЗ ПОЭТОВ

Сурков Тевтонова возносит;
Тевтонов для него венцов бессмертья просит;
Барабинский, прославленный от них,
Их прославляет обоих.
Один напишет: *мой Гораций!*
Другой в ответ: *любимец граций!*
А третий друг,
Возвысив дух,
Кричит: *вы, вы любимцы граций!*
А те ему: *о наш Гораций!*

Тевтонова Сурков в посланьях восхвалял:
О Гений на все роды!
Тевтонов же к нему взывал:
О баловень Природы!
А третий друг,
Возвысив дух,
Кричит: *вы баловни Природы!* —
А те ему: *о Гений на все роды!*

А я скажу питомцам муз:
Цвети хвалебный ваш союз!
Друг друга прославляйте,
Друг друга разбирайте,
С Горацием равняйте,
Посланья сочиняйте,
В журналы отсылайте,
Видения слагайте,
Друг другу посвящайте,
Слепую нас *толпу*, счастливцы! забавляйте —
И, свой отборный слог любя,
Хвалите вы — самих себя!
Условные желанья,
Немые ожиданья,
Кипящие лобзанья,
И сладострастье нег
Твердите и твердите!
Увядши для утех,
В окно *не зря, глядите!*
Над *чашами* дремлите!
И *чашами* стучите!

Читателей глушите!
Друг другу дребезжите
О *чашах* вы своих!
Без *чаш* не полон стих!

Беспечность, свободу
В кустах огорода
Зовите летать,
Летать и порхать,
Друзей прикликать!

И в юности *бывалой*
Венки *брусники алой*
Любите вспоминать!
Заслугой вы велики —
Вам музы воздадут!..
Венками вас брусники
К бессмертию увьют!

Д. Врс—в

Подобной литературой заполнялись страницы «Благонамеренного» в течение трех лет. А в конце 1823 года Измайлов даже решил особо отмежеваться от группы Дельвига, заявив в подписном объявлении, что в журнале впредь не будут иметь места «сладострастные, вакхические и даже *либеральные* стихотворения наших баловней поэтов».[1]

Биограф Дельвига В. Гаевский, по сообщению Плетнева, писал: «Частною причиною этой литературной войны могли быть отчасти споры в Вольном обществе любителей российской словесности по поводу разногласий с вице-председателем общества Каразиным».

2

Как уже говорилось, по выходе из Лицея Дельвиг был причислен к гражданской службе, так же как и другие лицеисты. Но ему служба была необходима как способ содержания себя, а позднее и своей семьи (после смерти отца, а затем и своей женитьбы). В феврале 1819 года он ушел из Департамента горных и соляных дел и вскоре определился на новое место: в третье отделение канцелярии министра финансов.

---

[1] Это не помешало Измайлову позднее примириться с Дельвигом и сотрудничать в «Северных цветах» и «Литературной газете» до самой своей смерти (1831).

Затем в октябре 1821 года Дельвиг, оставя и министерство финансов, перешел на службу в Публичную библиотеку, в которой директором был в это время А. Н. Оленин. Дельвиг поступил в помощники И. А. Крылову, занимавшему должность библиотекаря. Казалось бы, уйдя из канцелярии в такое учреждение, как библиотека, Дельвиг должен был найти себе место по призванию. Однако некоторые документы, дошедшие до нас, показывают, что и эта служба была не по душе Дельвигу. Вот, например, официальное письмо Оленина к Дельвигу, правда относящееся к более позднему времени, к 29 ноября 1824 года: «По письму вашему я давно уже приказал изготовить представление о повышении вас в следующий чин за выслугу лет, но не прежде оное представлю, как тогда, когда вы приведете, милостивый государь мой, часть библиотеки, вам вверенную, в надлежащий порядок, о чем поручил я меня известить господину библиотекарю императорской Публичной библиотеки надворному советнику Крылову».[1]

Но, очевидно, указанная часть библиотеки так и осталась не приведенной в порядок, так как через полгода (19 мая 1825 года) Дельвиг принужден был уйти из Публичной библиотеки по-прежнему титулярным советником, без производства в следующий чин.

По-видимому, некоторое, относительное благосостояние Дельвига началось со времени, когда он посвятил себя журнальному делу, то есть с конца 1824 года, когда начал выходить альманах «Северные цветы». По возвращении из Кременчуга в Петербург Дельвиг жил в полной нищете. Но, быть может, это были лучшие, наиболее творческие годы его жизни. Подобно Пушкину, жившему на петербургской окраине (в Коломне), Дельвиг в начале 1818 года поселился среди петербургских разночинцев и бедноты, в пятой роте Семеновского полка (ныне Рузовская улица). В 1819 году к нему переехал и поэт Баратынский (после поступления в Егерский полк рядовым). В. П. Гаевский, со слов Д. А. Эристова, так описывает их совместный быт: «Оба поэта жили самым оригинальным, самым беззаботным и потому беспорядочным образом, почти не имея мебели в своей квартире и не нуждаясь в подобной роскоши, почти постоянно без денег, но зато с неистощимым запасом самой добродушной, самой беззаботной веселости. Хозяйственные распоряжения в домашнем быту обоих поэтов предоставлены были на произвол находившегося у Дельвига в услужении человека Никиты, который в лености и беспечности мог поспорить разве

[1] Ю. Верховский. Барон Дельвиг. Пб., 1922, стр. 52.

только с своим барином... Дельвиг не отпускал Никиту, несмотря даже на то, что Никита был постоянно пьян, распоряжался карманом барина (когда в нем водились деньги) как своим собственным и не всегда считал нужным доставлять его письма по адресу... Вообще, порядок, чистота и опрятность были качествами, неизвестными в домашнем быту обоих поэтов. Свою тогдашнюю жизнь поэты запечатлели шутливыми гекзаметрами: „Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком..." и т. д.»[1]

К характеристике Гаевского — Эристова присоединяется свидетельство А. И. Дельвига (двоюродного брата поэта) о том, что поэты «и вместе, и порознь писали много стихов, не попавших в печать».[2]

Дружба Дельвига с Баратынским не только оставила след в виде стихотворных посланий друг к другу, но имела значение взаимного влияния. Баратынский писал о Дельвиге, что именно он ввел его «в семейство добрых муз». Дельвиг подтверждал это («Певца *Пиров* я с музой подружил»).

Литературные связи Дельвига приобретали особый характер благодаря модному в те годы культу литературной дружбы. Литературные знакомства, подкрепляемые личной приязнью, сейчас же выражались в дружеских «посланиях», передаваемых печати; таким образом, личное знакомство утверждалось как литературный сюжет и поэтические группировки связывались приятельскими отношениями. Вряд ли найдется другой русский поэт того времени, к которому было бы обращено такое же количество дружеских посланий. И Дельвиг почти на все отвечал. Дружба — одна из основных тем жизни и поэзии Дельвига.

Из литературных знакомств Дельвига этого времени следует назвать поэтов И. И. Козлова, П. А. Плетнева, Н. М. Языкова, Н. М. Коншина.

Дельвиг часто посещал И. И. Козлова, в дневнике которого мы находим даты этих посещений в 1825 году и узнаем о других постоянных посетителях слепого поэта: Жуковском, Плетневе, Гнедиче, Грибоедове, братьях Тургеневых, Бестужеве, Алексее Перовском и др.

Директор лицея Энгельгардт, переписывавшийся с некоторыми лицеистами первого выпуска, писал осенью 1820 года Ф. Ф. Матюш-

---

[1] «Современник», 1853, № 5, стр. 40—41.
[2] А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. 1. М., 1912, стр. 48 (в дальнейшем указываются том и страница).

кину: «Дельвиг пьет и спит и, кроме очень глупых и опасных для него разговоров, ничего не делает». Характеристика ленивого эпикурейца не совсем соответствовала истине, хотя бы по материальному положению вечно безденежного Дельвига, вынужденного служить. Не соответствовала она и деятельности Дельвига — участника литературных обществ, поэта, создавшего именно в эти годы довольно большое количество стихотворений и определившего свой путь в поэзии. Именно в эти годы заполнялась так называемая тетрадь 1819 года, рукописный сборник стихотворений Дельвига, которым он подготовлял предполагавшееся еще в начале 1820-х годов издание своих сочинений (см. примечания, стр. 261).

Характеристика Энгельгардта интересна упоминанием «опасных разговоров», которые вел Дельвиг. Эти разговоры определялись близкой связью Дельвига с главными участниками декабрьского восстания, в частности с Рылеевым. Любопытен в этом смысле следующий факт. Литератор П. А. Плетнев писал Н. И. Гнедичу, что М. Е. Лобанов, объединивший нескольких молодых литераторов (в числе их был Дельвиг) для перевода пьесы Гиро «Маккавеи», нашумевшей в Париже, просил «пригласить к нему Рылеева». Плетнев не знал, где найти Рылеева, и поручил Гнедичу разыскать его через Дельвига, который «вернее знает, как сообщить это известие Рылееву». [1]

Участие в переводе «Маккавеев» тоже было данью вольнолюбивым настроениям времени. Пьеса эта трактует о борьбе тирана Антиоха с еврейским народным движением и наполнена политическими тирадами. Казнь братьев Маккавеев возвещается автором как сигнал к победоносному восстанию против Антиоха. При известной настроенности зрителей трагедия могла сыграть роль агитационной пьесы. Дельвиг переводил третий акт, в котором старший из Маккавеев, Ефраим, призывает к сопротивлению Антиоху.

Не менее характерным свидетельством вольнодумства Дельвига является его перевод атеистической республиканской песенки Беранже «Le bon Dieu» («Боженька»). Дата перевода также характерна. По-видимому, стихотворение переводилось в период, когда в России стало известно о гонениях, постигших Беранже во Франции. Именно в 1821 году он был привлечен к суду за свои песни.

Все это содействовало преувеличенным слухам о связи Дель-

---

[1] Отчеты Государственной Публичной библиотеки за 1895 год, стр. 33—34 (Приложения).

вига с тайными обществами и привлекло к нему интерес следственной комиссии по делу декабристов. Имя Дельвига попало в так называемый «Алфавит декабристов». Однако сразу же выяснилась непричастность Дельвига к замыслам декабристов.

Декабрьские события прошли мимо Дельвига и никак его не задели. Об этом говорит в своих воспоминаниях его двоюродный брат А. И. Дельвиг, сообщая о размолвке, происшедшей у Дельвига с Рылеевым из-за издания альманаха: «Дельвиг, по своей лени, не мог быть действительным членом никакого общества, а по его политическим понятиям, насколько я мог их узнать, не поступил бы в тайные общества. Рылеев, при частых свиданиях, мог бы ему сказать об их существовании, и, конечно, Дельвиг не донес бы о них правительству и мог бы подвергнуться той же участи, какой подверглись тогда многие, знавшие только о существовании тайных обществ». [1]

По-видимому, к 1825 году от радикальных убеждений периода «Зеленой лампы» у Дельвига не осталось следа, и его гражданское мужество ограничивалось тем, что он «не донес бы» на декабристов, если бы знал о существовании тайных обществ.

Что же касается размолвки с Рылеевым, она возникла по следующей причине: в 1823—1825 годах Дельвиг был участником альманаха «Полярная звезда», издававшегося его друзьями — Рылеевым и Бестужевым. Успех альманаха и обширный круг литературных знакомств Дельвига натолкнул его на мысль об издании собственного альманаха. Впрочем, инициатива в этом деле принадлежала, по-видимому, издателю Слёнину. Вот как рассказывает это двоюродный брат Дельвига:

«Издателем... первых альманахов в России, в 1823 и 1824 годах, был известный тогда книгопродавец Иван Васильевич Слёнин, который за право издания платил Бестужеву и Рылееву определенную сумму.

Последние задумали издать «Полярную звезду» на 1825 год без участия Слёнина, который, не желая лишиться получаемых им доходов с издаваемого альманаха и имея в виду хорошее знакомство Дельвига с Жуковским, Гнедичем, Крыловым и дружеские отношения с Пушкиным, Баратынским и другими писателями, посоветовал ему издать такой же альманах. Дельвиг немедля сообщил эту мысль Рылееву, который ничего не имел против нее, но когда вышел альманах «Северные цветы» на 1825 год и когда он имел значительный успех, Рылеев, по словам Дельвига, был, видимо, не-

---

[1] Т. 1, стр. 54.

доволен тем, что многие произведения лучших поэтов украсили эту книгу, чрез что, конечно, много потеряла «Полярная звезда».[1] В 1825 году Рылеев, А. Бестужев и Дельвиг редко видались, и это обстоятельство, может быть, спасло Дельвига от участи, постигшей членов тайных обществ».[2]

«Северные цветы» превзошли «Полярную звезду» качеством и подбором материала, типографской внешностью, иллюстрациями и имели не меньший успех. Способствовало успеху и то обстоятельство, что в этом году «Полярная звезда» запоздала выходом и появилась только в апреле, так что в начале года, когда ожидался выход альманаха, в продажу поступили только «Северные цветы».

Начиная с 1826 года «Полярная звезда» выбыла из числа конкурентов Дельвига. Ни один из других альманахов не мог сравниться с дельвиговским по своему значению. «Северные цветы» с этого времени превращаются в крупное литературное предприятие, объединяющее определенную группу писателей и получающее издательскую и литературную устойчивость.[3]

К 1825 году относится женитьба Дельвига. Роль Софьи Михайловны — жены Дельвига — в его личной и литературной жизни настолько велика, что необходимо сказать несколько предварительных слов о ней самой. Она была дочерью Михаила Александровича Салтыкова (1767—1851), характерного представителя высшего дворянства времен Екатерины. Это был просвещенный галломан, поклонник Руссо, сторонник жирондистов, за что современники его, плохо разбиравшиеся в борьбе политических партий во Франции, прозвали якобинцем. С 1818 года Салтыков фактически в отставке; он занимал почетные должности, получал крупные оклады и продвигался в чинах, но ничем в действительности не был занят. Он

---

[1] «Северные цветы» вышли в свет в срок, несмотря на то, что отпечатанные листы погибли во время ноябрьского наводнения 1824 года. Тон, каким пишет об этом Сомов, впоследствии соиздатель альманаха, а тогда сослуживец и друг Рылеева, показывает, что уже тогда издатели «Полярной звезды» смотрели на «Северные цветы» недоброжелательно, и, следовательно, воспоминания А. И. Дельвига не вполне точны: «„Северные цветы“ подмокли в луковицах и, вероятно, не скоро расцветут. Александр (Бестужев) говорит, что они, вероятно, были прежде очень сухи, а теперь слишком водяны» (письмо Рылееву 11 ноября 1824 года. Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, СПб, 1872, стр. 341).

[2] Т. 1, стр. 53—54.

[3] Обилие литературного материала позволило Дельвигу в 1829 году выпустить второй альманах — «Подснежник», вышедший в первых числах апреля.

был близок к литературным кругам, что, например, было причиною того, что он попал в число «рожденных» членов «Арзамаса» и носил звание «почетный гусь Михаил».

Софья Михайловна родилась в 1806 году. Мать ее, француженка, умерла в 1814 году, и Салтыков отдал свою дочь, после переезда в Петербург, в женский пансион Шрётер. Ее учителем здесь был П. А. Плетнев.

Сохранились письма Софьи Михайловны 1824 года к подруге, из которых мы узнаем, что Софья Михайловна до брака с Дельвигом уже пережила какой-то роман, героем которого был некто Константин Гурьев, затем познакомилась с Петром Каховским, впоследствии казненным за участие в декабрьском восстании. Знакомство это перешло в самую пылкую любовь, и Каховский уговаривал ее бежать с ним, но она, «хорошенько испытав свое сердце, нашла, что в нем не осталось уже ни одной искры любви к Пьеру Каховскому».

Летом 1825 года Салтыковы жили в Царском Селе. Сюда же приехал погостить к своей двоюродной сестре А. А. Рахмановой и Дельвиг. Плетнев, его друг, находившийся там же, познакомил его со своей ученицей. Знакомство состоялось около 10 мая, а 2 июня Дельвиг уже писал родителям, испрашивая традиционного разрешения на брак.

Сохранились записочки Дельвига невесте. Из них видно, что жениховство Дельвига не было спокойным. Высококультурный Салтыков был в некоторой степени самодуром. Дельвиг его чем-то «прогневил», и одно время дело почти дошло до разрыва. Однако все обошлось благополучно. Дельвиг подыскал себе семейную квартиру,[1] и 30 октября состоялся брак.

Из других событий 1825 года следует упомянуть поездку Дельвига к опальному Пушкину в Михайловское, в апреле, незадолго до знакомства с невестой.

Уйдя из Публичной библиотеки, Дельвиг через два месяца получил место чиновника в министерстве внутренних дел. Служба была связана с какими-то ревизиями губерний и сопряжена с частыми разъездами, отвлекавшими Дельвига от литературной работы. Вместе с тем семейное положение заставляло его заниматься ею ради заработка. Издание альманаха «Северные цветы», а затем «Литературной газеты» поглощало все время поэта. Живая,

---

[1] Дельвиг поселился на Большой Миллионной (ныне ул. Халтурина, 26). См. А. Яцевич. «Пушкинский Петербург», ч. 1. Л., 1931, стр. 135. После этого он несколько раз менял квартиры.

образованная, вечно увлекающаяся Софья Михайловна устроила у себя в доме своеобразный литературно-музыкальный салон. Все тот же двоюродный брат Дельвига так рассказывает об этих собраниях в доме Дельвигов и их посетителях:

«У них были назначены для приема вечера в среду и воскресенье... Эти вечера были чисто литературные.

На них из литераторов всего чаще бывали А. С. Пушкин, Плетнев, князь Одоевский, писавший тогда повести в роде Гофмана, Щастный, Подолинский, барон Розен и Илличевский. Жена Плетнева, урожденная Раевская, и жена Одоевского, урожденная Ланская, также иногда бывали у Дельвигов. На этих вечерах говорили по-русски, а не по-французски, как это было тогда принято в обществе. Обработка нашего языка много обязана этим литературным собраниям. Суждения о произведениях русской и иногда иностранной литературы и о писателях меня очень занимали. Впрочем, на этих вечерах часто играли на фортепиано. Жена Дельвига, которая долго продолжала учиться музыке, хотя уже была хорошей музыкантшей, и некоторые из гостей занимались серьезной музыкой.

Песни же и романсы певались непременно каждый вечер. В этом участвовал и сам Дельвиг, а особенно отличались М. Л. Яковлев и князь Эристов».[1]

«На литературных вечерах Дельвига никогда не говорили о политике, потому что большая часть общества была занята литературою, а частью и потому, что катастрофа 14 декабря была еще очень памятна. Размножившиеся же вновь учрежденные жандармы и шпионы III Отделения собственной его величества канцелярии, в числе которых были и литераторы, не давали о ней забывать. Вообще Дельвиг избегал разговоров об этой катастрофе.

...Пушкин, после дозволения, данного ему в мае 1827 года, бывать в обеих столицах, приехал первый раз в Петербург летом 1827. года... Я его увидел первый раз в октябре... 17 октября праздновали день моих именин. Пушкин привез с собой подаренный ему приятелем Вульфом череп от скелета одного из моих предков, погребенных в Риге, похищенного поэтом Языковым, в то время дерптским студентом, и вместе с ним превосходное стихотворение свое «Череп», посвященное А. А. Дельвигу...

В тот месяц, который я провел в 1828 году у Дельвигов, я очень часто видел у них польского поэта Мицкевича. Все были от него в восхищении. Кроме огромного поэтического таланта, он

---

[1] Т. 1, стр. 51.

прекрасный рассказчик. Раза по три в неделю он целые вечера импровизировал разные, большею частию фантастические, повести в роде немецкого писателя Гофмана».[1]

Дружба Дельвига и Пушкина не мешала каждому из них иметь свой литературный круг знакомств. Арзамасские друзья Пушкина не были друзьями Дельвига, который придерживался более демократического круга связей и вообще не одобрял стремление Пушкина сблизиться с высшим светом как в литературе, так и в быту. Любопытен в этом отношении следующий рассказ А. И. Дельвига: «Лето 1830 года Дельвиги жили на берегу Невы у самого Крестовского перевоза. У них было постоянно много посетителей. Французская июльская революция тогда всех занимала, а так как о ней ничего не печатали, то единственным средством узнать что-либо было посещение знати. Пушкин, большой охотник до этих посещений, но постоянно от них удерживаемый Дельвигом, которого он во многом слушался, получил по вышеозначенной причине дозволение посещать знать хотя ежедневно и привозить вести о ходе дела в Париже. Нечего говорить, что Пушкин пользовался этим дозволением и был постоянно весел, как говорят — в своей тарелке. Посетивши те дома, где могли знать о ходе означенных дел, он почти каждый день бывал у Дельвигов, у которых проводил по нескольку часов».[2] «Пушкин в дружеском обществе был очень приятен и ко мне с самого первого знакомства очень приветлив. Дельвиг со своими товарищами по Лицею был одинаков в обращении, но Пушкин обращался с ними разно. С Дельвигом он был вполне дружен и слушался, когда Дельвиг его удерживал от излишней картежной игры и от слишком частого посещения знати, к чему Пушкин был очень склонен...

...Начал ездить к Дельвигам Орест Михайлович Сомов... Сомов в лагере Греча и Булгарина, а прежде в лагере Измайлова, писал эпиграммы и статьи против Дельвига, и потому появление его в обществе Дельвига было очень неприятно встречено этим обществом... Между тем все ошибались насчет Сомова. Он был самый добродушный человек, всей душою предавшийся Дельвигу и всему его кружку и весьма для него полезный в издании альманаха «Северные цветы» и впоследствии «Литературной газеты».[3]

Анна Петровна Керн в своих воспоминаниях дорисовывает картину семейной и литературной жизни Дельвига. В письме к ре-

---

[1] Т. 1, стр. 53, 71, 77.
[2] Т. 1, стр. 107.
[3] Т. 1, стр. 72, 75—76.

дактору сочинений Пушкина П. В. Анненкову она писала о времени своих постоянных посещений дома Дельвига:

«В это время я занимала маленькую квартиру во дворе (в доме бывшем Кувшинникова, тогда уже и теперь еще Алферовского)... Приятно жилось в это время. Баронесса приходила ко мне по утрам: она держала корректуру «Северных цветов». Мы иногда вместе подшучивали над бедным Сомовым, переменяя заглавия у стихов Пушкина, например: «Кобылица молодая» мы поставили «Мадригал такой-то»... Никто не сердился, а всем было весело. Потом мы занимались итальянским языком, а к обеду являлись к мужу. Дельвиг занимался в маленьком, полусветлом кабинете. Он всегда шутил очень серьезно, а когда повторял любимое свое слово «забавно», то это значило, что речь идет о чем-нибудь совсем *не* забавном, а или грустном, или же досадном для него!»

«Вы не можете себе представить, как барон Дельвиг был любезен и приятен особенно в семейном кружке, где я имела счастие его часто видеть... Он так мило шутил, так остроумно, сохраняя серьезную физиономию, смешил, что нельзя не признать в нем истинный великобританский юмор...» [1]

Человеческий облик Дельвига был сложен. В характере его, одновременно с мягкостью, открытостью, была сдержанность и скрытность. В этом смысле драгоценной является характеристика, которую дал Дельвигу Вяземский. В «Старой записной книжке» [2] имеется такая запись:

«Дельвига знал я мало. Более знал я его по Пушкину, который нежно любил его и уважал. Едва ли не Дельвиг был, между приятелями, ближайшая и постояннейшая привязанность его. А посмотреть на них: мало было в них общего, за исключением школьного товарищества и любви к поэзии. Пушкин искренно веровал в глубокое поэтическое чувство Дельвига. Впрочем, не было мне и случая короче сблизиться с ним. Он постоянно жил в Петербурге, я постоянно жил в Москве. Когда приезжал я на время в Петербург, были мы с ним, что называется, в хороших отношениях, встречаясь нередко на приятельских литераторских обедах, вечеринках. Но и тут казался он мне мало доступен. Была ли это в нем застенчивость или некоторая нелюдимость, объяснить я себе не мог; но короткого сближения между нами не было. На сходках наших он мало вмешивался в разговор, мало даже вмешивался в нашу весе-

---

[1] А. П. Керн. Воспоминания. Л., 1929, стр. 328.
[2] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 8. СПб., 1883, стр. 442—446.

лость. Во всяком случае, был он мало разговорчив: речь его никогда не пенилась и не искрилась вместе с шампанским, которое у всех нас развязывало язык. Спрашивали одного англичанина, любит ли он танцевать. «Очень люблю, отвечал он, но не в обществе и не на бале (jamais en société), а дома один или с сестрою». Дельвиг походил на этого англичанина. Однажды убедился я в том и имел возможность оценить его и понять нежное сочувствие к нему Пушкина. Мы случайно провели с ним с глазу на глаз около трех часов. Мы ездили к общему знакомому нашему обедать на дачу, верст за пятнадцать от Петербурга. Тут разговорился он. Я отыскал в нем человека мыслящего, здраво и самобытно обдумавшего многое в жизни. Я удивился и обрадовался находке моей.

Между прочим рассказал он мне план повести, которую собирался писать. План был очень оригинальный и совершенно новый, а именно рассказ о домашней драме, подмеченной с улицы. Лица, имена, происхождение их оставались тайною как для читателей, так и для самого автора; но при этой тайне высказывалась истина и подлинная, живая жизнь со всеми своими переворотами, треволнениями, радостями и скорбью. Как мы уже заметили, автор не вводил читателей в дом действующих лиц и сам не входил в него, но все сквозь окна подсмотрел с улицы, и вышел полный рассказ, создалась полная повесть».

Вяземский излагает эту повесть довольно подробно, явно давая понять, что в ней есть черты автобиографии Дельвига. Сюжет повести сводится к тому, что некий, еще не старый хозяин маленького домика на Петербургской стороне, прожив долго в одиночестве, находит себе подругу, женится на ней и счастлив безмерно. Жизнь его преобразилась. Но вот в доме появляется гость. Молодой человек становится завсегдатаем. Жена к нему слишком внимательна. «Муж нахмурен». Проходит время. Супруг уж сам не свой. Лицо у него «изнуренное, скорбное. Видно, что большое горе прошло по этому лицу и по этой жизни. Вдруг из дверей показывается кормилица с грудным ребенком на руках и проходит по комнате. Хозяин, озлобленно взглянув на них, что-то пробормотал сквозь зубы; по выражению, по сморщившимся чертам лица можно было догадаться, что слова были недобрые... Не помню, — пишет Вяземский, — как намеревался Дельвиг кончить свою семейную и келейную драму. Кажется, преждевременной смертью молодой женщины... Не знаю, как вышла бы повесть из-под пера Дельвига; неизвестно, и вышла ли бы она, потому что Дельвиг был, кажется, туг на работу, но в первоначальной смете своей повесть очень естественна и вместе с тем очень занимательна и замысловата.

Много тут жизни и движения; под покровом тайны много истины. Все проходит тихомолком, а слышишь голоса живые. Дельвиг рассказал мне свой план ясно, отчетливо и с большим одушевлением. Видно было, что эта повесть крепко в уме его засела. В эту же поездку речь наша как-то коснулась смерти. Я удивился, с какою ясною и спокойною философиею говорил он о ней: казалось, он ее ожидал. В словах его было какое-то предчувствие, чуждое отвращения и страха; напротив, отзывалось чувство не только покорное, но благоприветливое. Для меня, по крайней мере, этот разговор был лебединая песня Дельвига: я выехал из Петербурга и более не видал его, а он скоро затем умер».

Вероятно, о той же повести писал Пушкин в своих воспоминаниях о Дельвиге:

«Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села. 10 августа 1830 поутру мы вышли из городу. Вяземский должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать».

Независимо от того, в какой мере эта «семейная и келейная драма» была автобиографична, характер замысла Дельвига интересен своей близостью к реалистической прозе, решительно входившей в русскую литературу.

3

Литературно-издательский аппарат «Северных цветов» подал мысль группе писателей, участников альманаха, основать собственный журнал под редакцией Дельвига. Так в конце 1829 года решено было издавать «Литературную газету». Газета эта должна была дать свой орган писателям, расходившимся с «торговой» журналистикой Греча и Булгарина, но не удовлетворенным московскими журналами Полевого («Московский телеграф») и Погодина («Московский вестник»). Мотивы, по которым объединилась группа сотрудников будущего органа, так, как эти мотивы представлялись им самим, изложены двоюродным братом Дельвига в его воспоминаниях:

«Пушкин... очень хлопотал об издании нового журнала. К «Московскому телеграфу», издававшемуся Н. А. Полевым, он не имел сочувствия, а альманахи считал пустыми сборниками без направления. О необходимости издания нового журнала Пушкин думал еще в Михайловском. Следствием этого было появление с 1827 года журнала «Московский вестник», под редакциею М. П. Погодина... Пушкин, однако же, недолго оставался доволен критическими статьями «Московского вестника». Редактор его М. П. Погодин... отличался... своеобразной резкостью выражений. Ему ничего не стоило наполнять десятки страниц пошлою бранью, не идущею к делу... Несмотря на довольно большое число издававшихся тогда журналов и помещавшихся в некоторых из альманахов обозрений нашей словесности за минувший год, у нас не было критики, которая могла бы установить общественное мнение в литературе и в которой не было бы грубых личностей.

Сверх того, русской литературой в Петербурге завладели Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, издававшие журналы «Сын отечества» и «Северный архив» и газету «Северная пчела». Первый из них был сильно заподазриваем в шпионстве, а последний был положительно агентом III Отделения канцелярии его величества, то есть шпионом. Они оба употребляли всякого рода средства, чтобы не допускать новых периодических изданий и держать литературу в своих руках.

Конечно, необходимо было ее вырвать из таких непотребных рук и начать новый орган, который отличался бы беспристрастными суждениями о нашей словесности и был бы, в противоположность всем прочим тогдашним журналам, благопристойным, то есть не употреблял бы бранных слов и не наносил бы из нелитературных видов личных оскорблений.

...В конце 1829 года эта мысль созрела, и ее разделяли Пушкин, Жуковский, Крылов, князь Вяземский, Баратынский, Плетнев, Катенин, Дельвиг, Розен и многие другие. Таким образом, появилась мысль об издании с 1830 года «Литературной газеты». Весьма трудно было найти редактора для этого органа. Пушкин был постоянно в разъездах, Жуковский занят воспитанием наследника престола, Плетнев — обучением русской словесности наследника и в разных заведениях, князь Вяземский и Баратынский жили в Москве, Катенин в деревне. Хотя Дельвиг по своей лени менее всего годился в журналисты, но пришлось остановиться на нем, с придачею ему в сотрудники Сомова».[1]

---

[1] А. И. Дельвиг. Полвека русской жизни, т. 1, М.—Л., 1930, стр. 127—129.

Остановились на типе французских пятидневных литературных газет. Так как политика была исключена из издания, то разрешение дано было без затруднений. Программа была следующая:

«Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской.

Статьи, входящие в «Литературную газету», суть следующие:

1. *Проза.* В это отделение будут входить статьи исторические, повести оригинальные и переводные, отрывки из романов и т. п.

2. *Стихотворения.* Здесь будут помещаться произведения полные и отрывки из больших поэтических сочинений.

3. *Библиография русская и иностранная.* К известиям о книгах будут присовокупляться замечания, более или менее обширные, смотря по важности предмета и по достоинству сочинения; местами же и любопытные выписки, особливо из книг иностранных.

4. *Ученые известия.* Об открытиях, изобретениях по части наук и искусств, о новых теориях, о замечательнейших учебных курсах; о важнейших путешествиях, изысканиях древностей и т. п.

5. *Смесь.* В этом отделении будут помещаться разные известия, не относящиеся до учености и политики; новейшие анекдоты, объявления, статьи о театре, короткие замечания и проч.

6. При всех сих отделениях, по принадлежности, будут иногда прилагаться чертежи, картинки, географические карты и ноты.

NB. Издатель признает за необходимость объявить, что в газете его не будет места критической перебранке. Критики, имеющие в виду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будут с благодарностию принимаемы в «Литературную газету».

Разнообразие и занимательность будут главнейшим предметом трудов и попечений издателя. Литературные произведения в прозе и стихах, Библиография и Смесь будут постоянно входить в состав каждого №.

Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в «Северных цветах», будут постоянно участвовать и в «Литературной газете». (Разумеется, что гг. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты). Всякая статья, сообразная с целию газеты, будет с благодарностию принята.

«Литературная газета» будет выходить через каждые *пять дней,* нумерами в *один* печатный лист большого размера. В течение года сих № будет издано 72. Первый № выйдет в свет 1-го января 1830 года».

«Литературная газета» почти полностью выполнила эту программу. Среди ее сотрудников были: Перовский (Погорельский), Пушкин, Максимович, Вяземский, Шаховской, Катенин (серия статей «Размышления и разборы»), Сомов, В. Лангер (художник, товарищ Дельвига по Лицею), Тепляков, Щастный, Иакинф (китаист), Деларю, Д. Давыдов, Зайцевский, Языков, Измайлов, Крылов, И. Козлов, В. Л. Пушкин, Подолинский, Баратынский, Трилунный (Струйский), Ф. Глинка, Розен, В. Туманский, Хомяков, Шевырев и несколько других мелких или случайных сотрудников. Любопытно, что в «Литературной газете» без подписи появились стихотворения двух декабристов: А. Бестужева и А. Одоевского.

Так как в начале января 1830 года Дельвиг уехал в Москву, то первые номера газеты выпускал Пушкин, редактировавший ее с помощью Сомова. Дельвиг занялся газетой только по возвращении, в конце февраля.

«Литературная газета» явилась идеологической выразительницей определенной литературной группы. Как ни узка была ее программа, она давала возможность этой группе иметь свой орган. Характерен отзыв о ней А. И. Тургенева в письме к Вяземскому от 2 июня 1830 года из Парижа: «Поблагодари Дельвига за журнал. Право, давно не читал такой замечательной газеты. В ней столько оригинальных статей: твои, Пушкина, Дельвига и другие можно прочесть и перечесть, хотя во многом я и не согласен с тобою. Как много знаете вы о нас, европейцах! Как умно многое судите или как дельно по крайней мере о многом намекаете! «Газета» Дельвига — петербургский «Globe» [1]. «Вчера провел я с St.-Priest часа два в разговоре о нашей словесности, о политике, о планах новых его сочинений и он взял Дельвигову «Газету», чтобы перевести для Гизо статью твою и дочесть остальное. Я указал ему и на другие статьи твои и Пушкина, кои познакомят его с нашей новейшею литературой или, по крайней мере, с журналистикою». [2]

Время работы над «Литературной газетой» сблизило Дельвига с Вяземским, который в 1830 году был деятельнейшим сотрудником этого издания: Вяземскому принадлежат наиболее боевые статьи газеты. С Вяземским и его кружком Дельвиг не был близок в 1820-х годах и сошелся только в 1830 году, уже незадолго до смерти. Между тем Вяземский и его круг именно и составляли так

---

[1] Остафьевский архив, т. 3, стр. 202. «Globe» — влиятельная французская литературно-политическая газета, занимавшая умеренные позиции в лагере либералов и романтиков.

[2] Там же, стр. 205 (приписка 3 июня).

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

ТОМ. II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ лиѳографіи Карла Крайя

1830.

называемую литературную аристократию. Дельвиг был включён в ее состав в пылу журнальной полемики лишь как редактор «Литературной газеты», на страницах которой Вяземский получил возможность высказываться без каких-нибудь умолчаний.

Но вернемся к самой газете.

Под редакцией Дельвига это издание должно было получить значение серьезного органа литературной критики. Сам Дельвиг, если не считать нескольких мелких заметок в «Смеси» и нескольких стихотворений, ничего, кроме литературных рецензий, в газете не печатал. Отдел рецензий был поставлен наиболее серьезно. Здесь рецензировались русские новинки, иногда давались отзывы и об иностранных наиболее значительных произведениях. Так, подвергались разбору произведения Ламартина, Гюго, Ж. Жанена, Ш. Нодье, Бальзака; эти разборы иногда сопровождались переводами из произведений иностранных авторов: переводные новеллы и отрывки романов занимают более половины беллетристической части «Литературной газеты». Правда, в разборах иностранных новинок Дельвиг иногда ограничивался переводом французских рецензий, заимствуя их из журналов умеренно-романтического направления (той же литературно-общественной группы, что и редакция «Globe»).

Система литературных взглядов, проводившаяся в критической части, не могла содействовать позиции бесстрастного нейтралитета. «Литературная газета» втягивала себя в борьбу и полемику. Так, борьба против крайнего романтизма, защитником которого выступал Полевой, натолкнула Дельвига на резкую рецензию о поэме Подолинского «Нищий» (и несколько других рецензий об аналогичных поэмах). Эта рецензия вызвала личную обиду Подолинского: через 42 года он с желчью писал об этом, утверждая, что рецензия эта написана «не совсем добросовестно и с явным намерением уколоть побольнее» [1]. Эти критические уколы и болезненная реакция на них неизбежно приводили к литературной войне, в которой газета Дельвига выступала в качестве воюющей стороны.

Уже при редакции Пушкина газета не удержалась от полемики. Так, в № 3 была помещена редактором в «Смеси» заметка о критических приемах русских журналов с намеками на разные издания и с резким, хотя и косвенным, отзывом об «Иване Выжигине» Булгарина, который был назван произведением «не имеющим видимого достоинства», таким, которое «само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию». За-

---

[1] «Русский архив», 1872, кн. 3 и 4, стр. 864—865.

метка кончалась заявлением: «Литературная газета была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов».

Полемика с журналами стала в дальнейшем разрастаться. Булгарин и др. (например, Бестужев-Рюмин в «Северном Меркурии») выступили с бранными заметками и пасквилями, в которых подвергались ругани, иногда узко личной, участники «Литературной газеты»: Дельвиг, Пушкин, Вяземский. Газета отвечала; особенно резким был ответ Пушкина Булгарину в форме рецензии на записки французского сыщика Видока, в характеристике которого легко было узнать Булгарина. Полемика осложнялась нападками газеты на Полевого, на Раича и др. Так, в № 8 (еще при Пушкине) был дан обзор московских журналов с отрицательными характеристиками почти всех московских изданий. Естественно, что «Литературную газету» окружили недоброжелатели. Из них Булгарин действовал не только в печати. Он бегал к Бенкендорфу, донося шефу жандармов на неблагонамеренное направление газеты. Достигнуть подозрительного отношения политической полиции к «Литературной газете» было нетрудно. После декабрьского восстания, в котором обнаружилось, что революционные кадры вербуются главным образом из мелкого дворянства, ко всяким независимым дворянским группировкам политическая охрана Николая I относилась с недоверием. Гораздо приемлемее были мещански-торговые предприятия типа булгаринских.

Между тем издание чисто литературной газеты не соответствовало целям объединившейся группы писателей. Об этом писал Пушкин Вяземскому 2 мая 1830 года: «Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его «Газета» хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или моду, или политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами да с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариным и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он по

своему обыкновению пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься». Пушкин даже предполагал подать прошение о разрешении печатать в «Литературной газете» политические известия. Сохранились наброски этого прошения: «„Северная пчела", издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков... естественно должна иметь бо́льшее влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю... Но журналы чисто литературные вместо 3000 подписчиков имеют едва ли и 400... Таким образом, литературная торговля находится в руках издателей «Северной пчелы» — и критика, как и политика, сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, которые не находятся в приятельских сношениях с издателями «Северной пчелы», ибо ни одно из их произведений не имеет успеха и не продается. Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли бы равняться средствам «Северной пчелы». В сем-то отношении осмеливаюсь просить о разрешении печатать политические заграничные новости в журнале, издаваемом бароном Дельвигом или мною».

Булгарин учитывал возможность убыточной конкуренции. Об этом рассказывает его ближайший сотрудник Греч:

«Должно заметить, что мы с Булгариным имели по «Пчеле» разных сотрудников... Булгарин брал и отставлял, привлекал и выгонял своих сотрудников беспрерывно. В числе этих несчастных илотов был Орест Михайлович Сомов... Он работал у нас года два. Вдруг в конце 1829 года Булгарин за что-то прогневался на него и завопил: «Вон Сомыча! вон его!» и действительно объявил ему отставку. Лишенный таким образом средств к существованию, Сомов предложил свои услуги барону Дельвигу, который задумал издавать «Литературную газету», но по лености и беспечности своей и по непривычке к мелочам редакции охотно принял его предложение. Вот Булгарин и струсил, видя, что на него поднимается невзгода. Встретясь с Сомовым в декабре 1829 года на Невском проспекте, спрашивает:

— Правда ли, Сомыч, что ты пристал к Дельвигу?

— Правда!

— И будете меня ругать?

— Держись!

Это слово как искра взорвало подкоп в сердце и в голове Фаддея. Воротившись домой, он сел за письменный стол и написал статью на объявление о «Литературной газете», стал бранить и унижать ее еще до выхода первого номера. Но этого было для него не довольно. Узнав, что Пушкин намерен помогать Дельвигу

своим содействием, он еще более испугался и, не дожидаясь первого выстрела с неприятельской батареи, сам начал атаку не против Пушкина-писателя, а против Пушкина-человека. В фельетоне № 30-го «Северной пчелы» (1830), выставив будто бы из английских журналов двух французских писателей, говорит об одном: «Он природный француз, служащий усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам, который в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины, у которого сердце холодное и немое существо, как устрица, а голова род побрякушки, наполненной гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея, который, подобно исступленным в басне Пильпая, бросающим камни в небеса, бросает рифмами во все священное, чванится перед чернью вольнодумством, *а тишком ползает у ног сильных, чтобы позволили ему нарядиться в шитый кафтан»*. Я сам, если б мне растолковали, что в этой карикатуре Булгарин хотел изобразить Пушкина, никак не согласился бы на помещение ее в «Пчеле»... Булгарин, видя, что первый выстрел его не отозвался в обществе, зарядил свое ружье вторично. Однажды, кажется у А. Н. Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем, «что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте Петру Великому за бутылку рома!» Булгарин, услышав это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в «Северной пчеле» этот отзыв... Эта оскорбительная выходка, не вызванная Пушкиным, озлобила его на Булгарина и возбудила негодование во всех литераторах, любивших первостепенного нашего поэта. Она и была причиною той ненависти, той злобы, которую питали и питают к Булгарину большая часть наших писателей». [1]

Дело сводилось не только к личным пасквилям. Уже самая тема последнего пасквиля — о родовых претензиях Пушкина — показывает, куда метил Булгарин. В своем нападении на Пушкина он объединился с московским радикальным журналистом купцом Н. Полевым.

Объединение писателей в «Литературной газете» было объявлено Полевым и Булгариным аристократическим заговором. Начались нападки на «писателей-аристократов», при этом в печати это был выигрышный шаг для того, чтобы дискредитировать это литературное объединение в глазах демократической публики. У Бенкендорфа все получало особое освещение. Нельзя сказать, чтобы

---

[1] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 699.

«Литературная газета» удачно вела себя в этом деле. На бранную полемику она отвечала бранью, на тайные доносы ответила политическим обвинением в печати. В № 36 (25 июня) в «Смеси» появилась заметка, начинавшаяся следующим образом: «С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым неблагосклонствуют, их дворянским достоинством и литературной известностию. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замечательно, что и у французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную». Намек на революционное значение полемики с «писателями-аристократами» не прошел незамеченным; тогда «Литературная газета» усугубила его, напечатав в № 45 (9 августа) вторую заметку: «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние». Заявляя, что «пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально», редакция усматривала в этих шутках явления, подобные шуткам демократической литературы во Франции, подготовившие революцию: «Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: „Аристократов к фонарю“ и ничуть не забавные куплеты с припевом: „Повесим их, повесим“. Avis au lecteur».

На эти заметки Бенкендорф сейчас же обратил внимание. Появление второй из них в дни, когда только что пришли известия о совершавшейся во Франции новой революции, особенно обострили подозрительность. Бенкендорф обратился к министру народного просвещения, в ведомстве которого находилась цензура, с запросом такого содержания: «Обращая внимание вашей светлости на статью прилагаемой при сем «Литературной газеты», которой неприличность, конечно, поразить должна и вас, милостивый государь, в особенности при настоящих политических происшествиях, я считаю долгом покорнейше вас просить почтить меня уведомлением, каким образом сия статья могла быть пропущена цензурой, и кто именно сочинитель оной?» [1] Как ни была строга цензура по отношению к Дельвигу, но на этот раз ограничились тем, что затребовали объяснений цензора, который заявил, что не находит в статье «ничего противного ни религии, ни духу российского правительства», и от Дельвига, сообщившего, что статья «прислана была в городскую квартиру без подписи сочинителя»

[1] Н. К. Замков. К истории «Литературной газеты» б<арона> Дельвига. «Русская старина», 1916, № 5, стр. 260—261.

(в действительности автором ее был он сам, при участии Пушкина). Эти ответы были отосланы без пояснений Бенкендорфу. Тот, по-видимому, не успокоился на этом. Он вызвал в III Отделение Дельвига. Двоюродный брат Дельвига рассказывает: «В III Отделении Бенкендорф дал строгий выговор Дельвигу за означенные заметки и предупреждал, что он вперед за все, что ему не понравится в «Литературной газете» в цензурном отношении, будет строго взыскивать, и, между прочим, долго добивался, откуда Дельвиг знает песню: «Les aristocrates à la lanterne» [1]. Конечно, Бенкендорф не читал заметок, за которые выговаривал Дельвигу, а вызвал последнего по доносу Булгарина, бывшего тогда шпионом III Отделения и обязанного по этой должности доносить преимущественно на литераторов». [2] Об этом разговоре Дельвига с Бенкендорфом рассказывает в своих воспоминаниях А. И. Кошелев: «Барон Дельвиг был умный и очень милый человек. С особенным удовольствием он, бывало, рассказывал один случай, бывший с ним как с издателем газеты. Призывает его начальник III Отделения граф Бенкендорф и сильно, даже грубо, выговаривает ему за помещение в газете одной либеральной статьи. Дельвиг, со свойственной ему невозмутимостью, спокойно отвечает ему, что *на основании закона* издатель не отвечает, когда статья пропущена цензурою, и упреки его сиятельства должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору. Тогда начальник III Отделения приходит в ярость и говорит Дельвигу: законы пишутся для подчиненных, а не для начальств, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться». [3]

Подобные вызовы Дельвига к Бенкендорфу происходили неоднократно. Все это окончилось печально для Дельвига. В № 59 (18 октября) в рецензии на книгу «Краткое наставление о употреблении хлористых соединений» процитировано было письмо из Астрахани, в котором опровергались сведения, напечатанные в «Северной пчеле» Булгарина о холерной эпидемии. В «Северной пчеле» усомнились в подлинности цитируемого письма. Дельвиг на это ответил в № 60. Это было вменено ему в преступление. Одновременно с этим Бенкендорф обратил внимание на помещенные в № 61 (28 октября) четыре французских стиха Казимира Де-

---

[1] Французская революционная песня «Ça ira».
[2] Т. 1, стр. 111.
[3] Записки Александра Ивановича Кошелева (1813—1883). Берлин, 1884, стр. 31—32.

лавиня, в которых восхвалялись революционеры, погибшие во время июльской революции в Париже. По этому поводу снова началось дело, снова Бенкендорф писал министру народного просвещения о стихах, помещенных «ни к какой стати», но особенно возмущало Бенкендорфа следующее: «По приказанию моему сообщаются издателям «Северной пчелы» для помещения в их газете разные официальные сведения и статьи. Между тем г. Семенов (цензор), к крайнему моему удивлению, позволил напечатать в «Литературной газете» замечание о мнимой будто бы ложности сих известий. Сие кажется мне неприличным, ибо ослабляет доверие публики к известиям, кои правительство находит нужным сообщать к ее успокоению». Дельвиг снова был вызван в III Отделение, и Бенкендорф писал по этому поводу 8 ноября: «Личный мой разговор по сему предмету с бароном Дельвигом и самонадеянный, несколько дерзкий образ его извинений меня еще более убедил в моем заключении». Характер этих объяснений явствует из рассказа двоюродного брата Дельвига: «В ноябре Бенкендорф снова потребовал к себе Дельвига, который введен был к нему в кабинет в присутствии жандармов. Бенкендорф самым грубым образом обратился к Дельвигу с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?» Выражение *ты* вместо общеупотребительного *вы* не могло с самого начала этой сцены не подействовать весьма неприятно на Дельвига. Последний отвечал, что о сделанном распоряжении не печатать ничего относящегося до последней французской революции он не знал и что в напечатанном четверостишии, за которое он подвергся гневу, нет ничего недозволительного для печати. Бенкендорф объяснил, что он газеты, издаваемой Дельвигом, не читает, и когда последний в доказательство своих слов, вынув из кармана номер газеты, хотел прочесть четверостишие, Бенкендорф его до этого не допустил, сказав, что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что он троих друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземского уже упрячет, если не теперь, то вскоре, в Сибирь. Тогда Дельвиг спросил, в чем же он и двое других названных Бенкендорфом могли провиниться до такой степени, что должны подвергнуться ссылке, и кто может делать такие ложные доносы, Бенкендорф отвечал, что Дельвиг собирает у себя молодых людей, причем происходят разговоры, которые восстановляют их против правительства, и что на Дельвига донес человек, хорошо ему знакомый. Когда Дельвиг возразил, что собирающееся у него общество говорит только о литературе, что большая часть бывающих у него посетителей или старее его, или одних с ним лет, так как ему всего 32 года от роду, и что он

между знакомыми своими не находит никого, кто бы мог решиться на ложные доносы, Бенкендорф сказал, что доносит Булгарин, и если он знаком с Бенкендорфом, то может и подавно быть знаком с Дельвигом. На возражение последнего, что Булгарин у него никогда не бывает, а потому он его не считает своим знакомым и полагает, что Бенкендорф считает Булгарина своим агентом, а не знакомым, Бенкендорф раскричался, выгнал Дельвига со словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь». Так или почти так происходила эта сцена, но она в общем виде верна». [1]

Письменное объяснение, представленное Дельвигом, Бенкендорф нашел «не только недостаточным, но даже непростительным для человека, коему сделано доверие издавать журнал», «Литературная газета» была запрещена; № 65, который должен был появиться 17 ноября, в свет не вышел.

Но Дельвиг решил не оставлять этого дела и обжаловать действия Бенкендорфа. Для этого надо было иметь сильную поддержку. Из всех знакомых Дельвига только Блудов (бывший «арзамасец» и друг Пушкина и Вяземского, в это время управляющий министерством юстиции) мог помочь в этом деле, но тот уговорил Дельвига не подавать жалобы и при этом брал на себя объяснить все Бенкендорфу и заставить его извиниться перед Дельвигом. Действительно, через некоторое время к Дельвигу явился жандармский чиновник с поручением от Бенкендорфа. Он заявил, что Бенкендорф «по нездоровью не может приехать, а прислал извиниться в том, что разгорячился при последнем свидании с Дельвигом и что издание «Литературной газеты» будет разрешено, но только под редакцией Сомова, а не Дельвига, так как уже состоялось высочайшее повеление о запрещении издания под его редакцией». [2]

После этого «Литературная газета» снова стала выходить. № 65 вышел 9 декабря. Чтобы удовлетворить подписчиков и не задерживать выход номеров в 1831 году, Дельвиг с 1 января издавал параллельно номера 1831 года и последние номера 1830 года. Впрочем, он не успел довести дела до конца. После выхода в свет № 70 за 1830 год и № 3 за 1831 год Дельвиг умер (14/26 января 1831 года).

Причиной смерти Дельвига была простуда, которой он вообще был подвержен. В эту зиму его здоровье было особенно плохо,

---

[1] А. И. Дельвиг. Полвека русской жизни, т. 1. М.—Л., 1930, стр. 154—156.

[2] Т. 1, стр. 116.

что современники склонны были объяснять неприятностями в связи с внушениями Бенкендорфа.

Иные же считали, что болезни содействовала и неудачно сложившаяся семейная жизнь Дельвига.

Софья Михайловна Дельвиг, по общему свидетельству, была женщиной талантливой, обаятельной, но увлекающейся, эксцентричной и постоянно находившейся под чьим-нибудь влиянием, не всегда благотворным. Так, А. И. Дельвиг пишет: «Жена Дельвига, несмотря на значительный ум, легко увлекалась, и одним из этих увлечений была ее дружба с А. П. Керн, которая наняла небольшую квартиру в одном доме с Дельвигами и целые дни проводила у них, а в 1829 году переехала к ним и на нанятую ими дачу. Мне почему-то казалось, что она с непонятной целью хочет поссорить Дельвига с его женою».[1] Трудно сказать, в какой мере прав А. И. Дельвиг, но бесцеремонное вторжение в дом поэта Дельвига людей самых разнообразных и иногда чуждых и бесцеремонное их обращение с Софьей Михайловной не содействовало семейному счастью. Рождение дочери[2] не сделало Софью Михайловну более уравновешенной, а дом Дельвига более закрытым. По-видимому, стихотворение «За что, за что ты отравила...», написанное незадолго до смерти, имеет прямое отношение к тому тяжелому душевному состоянию Дельвига, которое содействовало его болезни и смерти.

Смерть Дельвига была неожиданной для его друзей.[3] Пушкин был в это время в Москве. Он получил известие о смерти Дельвига 16 января и так писал Плетневу 21-го: «Что тебе скажу, мой милый? Ужасное известие получил я в воскресение. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему все — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная

[1] Т. 1, стр. 74.

[2] Елизавета Антоновна Дельвиг родилась 9 мая 1830 года. (ум. в 1913 году).

[3] Свод сведений о смерти Дельвига см. «Письма Пушкина к Хитрово». Л., 1927, стр. 78—80; ср. письмо Сомова к Баратынскому от 15 января 1831 г., И. А. Шляпкин. «Из неизданных бумаг Пушкина». СПб., 1903, стр. 134—135. Дом, в котором умер Дельвиг, существует до сих пор. Он находится на Загородном проспекте, № 1, на углу Щербакова пер. (А. Яцевич. Пушкинский Петербург, ч. 1, стр. 101).

кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все. Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертию, — говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так. Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров и постараемся быть живы». [1]

Плетнев поместил в «Литературной газете» некролог Дельвига.

«Литературная газета» продолжала издаваться под редакцией О. Сомова, но вскоре окончательно захирела и оборвалась на № 37. «Северные цветы» в пользу братьев Дельвига издал Пушкин еще один раз (на 1832 год), после чего издание альманаха прекратилось.

Вдова Дельвига в июне того же 1831 года вышла замуж за Сергея Абрамовича Баратынского (брата поэта), постоянно бывавшего у Дельвига в 1828—1831 годах. Не слишком была тронута смертью Дельвига и подруга ее А. Керн. А. Вульф получил от нее письмо с разными новостями, к которому была приписка: «Забыла тебе сказать новость: барон Дельвиг переселился туда, где нет ревности и воздыханий».

Более других был предан памяти Дельвига его молодой друг, поэт-лицеист Деларю. Пожалуй, это был его единственный ученик в поэзии.

Пушкин собирался принять участие в коллективной биографии Дельвига, но замысел этот так и не был осуществлен. Набросок статьи Пушкина обрывается на оценке таланта Дельвига. Пушкин пишет, что еще в Лицее «никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены как некоторое чудо! Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!»

---

[1] В 1844 году по поводу смерти Баратынского П. Нащокин писал Н. М. Коншину: «Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: „Ну, Воиныч, держись, в наши ряды постреливать стали“» («Русская старина», 1908, т. 137, № 12, стр. 762—763).

4

Литературная судьба сложилась для Дельвига неблагоприятно. Поэзия Дельвига долгое время расценивалась (и отчасти расценивается сейчас) как эпигонская. Она рассматривалась лишь в плане принадлежности поэта к пушкинской плеяде, понимаемой в узком смысле круга друзей-последователей Пушкина. Между тем сам Пушкин, очень высоко ставивший поэзию Дельвига, ценил ее именно за своеобразие.

Неверное и несправедливое мнение о творчестве Дельвига сложилось в результате нападок на него со стороны реакционного лагеря литературы.

Поэзия Дельвига развивалась в атмосфере дружеских кружков. Этот культ дружбы создал ему свою верную аудиторию. Но эта же дружеская кружковщина создала в противоположном лагере отрицательное мнение. Еще шуточки «Благонамеренного» 1823 года определенно целили в дружественные отношения Дельвига, Баратынского и Кюхельбекера. «Баловни-поэты», адресующие друг другу хвалебные послания, — вот основная тема сатирических выпадов Измайлова и его сотрудников. Из «Благонамеренного» эта тема перешла в другие коммерческие издания; особенно за нее ухватился Булгарин. Дельвиг как поэт, якобы всем обязанный дружбе, стал достоянием журнальных и альманашных насмешек. Бестужев-Рюмин заявлял в альманахе «Северная звезда», что половину стихов Дельвига написал Пушкин, половину — Баратынский; Полевой в «Московском телеграфе», в отделе пародий, воскрешал шуточки Измайлова о дружеских посланиях.[1] Эта тема упрочилась во мнении широкой публики. Так, в мемуарах Тарасенко-Орешкова, сотрудника Пушкина по «Современнику», мы читаем о Пушкине следующее: «Увлекаемый дружбой ко многим писателям, он чрезмерно ценил их сочинения. Столь крайняя снисходительность

---

[1] Вполне выразил это Измайлов в своей басне «Роза и Репейник»:

Репейник возгордился.
Да чем же? — С Розою в одном саду он рос!
Иной молокосос,
Который целый курс проспал и проленился,
А после и в писцы на деле не годился,
Твердит, поднявши нос:
«С таким-то вместе я учился».
«Хорош тот, слова нет: ему хвала и честь,
Да что, скажи, в тебе-то есть?»

и даже полная уверенность Пушкина в значительности дарования многих его друзей, как-то: барона Дельвига и других, происходили от весьма уважительного побуждения его прекрасной души». В этом мнении совершенно отчетливы следы жалоб коммерческой журналистики на «приятельский заговор» кружка Пушкина.

С падением литературной гегемонии поэтической школы 20-х годов, к которой всецело принадлежал Дельвиг, репутация его резко падает, как, впрочем, падает репутация и других значительных его современников: Баратынского и Языкова, не говоря уже о менее заметных поэтах.

С утратой читательского успеха Дельвиг как бы потерял свое место и в литературной истории.

Искажению представления о Дельвиге много способствовала кличка «литературных аристократов», направленная против сотрудников «Литературной газеты». Представлению об аристократизме Дельвига содействовал его титул «барона» и его лицейское воспитание, хотя, как показывают факты биографии, Дельвиг был типичным представителем обедневшего дворянства, позднее слившегося с кругом разночинцев.

Не меньшим искажением является и изображение Дельвига последователем Пушкина. Термин «пушкинская плеяда» — термин двусмысленный и представляющий неудобства в историко-литературном изучении, особенно эти неудобства ощущаются, когда мы приступаем к изучению Дельвига.

Дельвиг принадлежал к пушкинской плеяде лишь по общему передовому устремлению поэзии, по общности литературных позиций, противостоящих реакционному торгашескому журнализму. В наброске стихотворения, сделанном незадолго до кончины Дельвига, Пушкин так характеризовал эту общность:

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой.

Явилися мы рано оба
На ипподром, а не на торг
Вблизи державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Твой стих могучий и свободный
Какой-то дразнит пародист,

И стих, надеждами доходный,
Жует беззубый журналист.

Но ты, сын Феба беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не продавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ругали,
Упреки те же слышим мы...
и т. д.

Дельвиг был товарищем Пушкина, его журнальным союзником. Литературная борьба, в которой принимал участие и Дельвиг, состояла, разумеется, не в отражении мелочных придирок и политических обвинений со стороны писателей лагеря Каразина, Измайлова, а позднее Булгарина. Борьба шла за новое слово в литературе, объединяемое единством передовых идей.

В этом смысле Дельвиг, конечно, принадлежал к пушкинской плеяде, поскольку именно Пушкин был во главе молодой литературы декабристского поколения.

Единство идейных устремлений, несмотря на различие политических темпераментов и вкусов, объединяло плеяду и общностью передового направления литературной молодежи, которое в конце 10-х — начале 20-х годов может быть названо романтическим. Насколько уже в начале 1820-х годов у Дельвига была репутация поэта-романтика, можно судить по письму Пушкина из Кишинева в марте 1821 года. «Напиши, — советует Дельвигу Пушкин, — ...поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени (то есть не классическую поэму — *Б. Т.*), напиши своего «Монаха». Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удел». В письме 1823 года Пушкин говорит о его сонетах, которые в глазах современников были явным знаком романтического направления.

Избрав Дельвига мишенью, глашатаи «Благонамеренного», а затем «Северной пчелы», по существу, метили в Пушкина, в его передовую мысль и новую поэтику. Но следует ли отсюда, что Дельвиг и Пушкин принадлежали к одной литературной школе?

Обычно при рассмотрении поэзии Дельвига произведения его подвергаются классификации. Делят его стихи на два класса: песни и античные темы. Такая классификация удобна, так как для поэзии Дельвига не характерны хронологические разграничения (может быть, именно поэтому Дельвиг совсем не заботился о расста-

новке дат на своих стихотворениях). Пушкин отметил тот факт, что лицейские его стихотворения были достаточно зрелыми, что в стихотворениях, написанных им на пятнадцатом году, «уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял». Уже в 1810-х годах Дельвиг наметил два основных вида своей лирики: подражания древним и стихотворения в духе русских народных песен, и в дальнейшем лишь совершенствовал избранные им виды стихотворений, находя для них идеальное выражение.

Но, может быть, интереснее всего самый факт соединения в одном лице двух, казалось бы противоположных стихий. И если подойти к вопросу именно с этой точки зрения, то в самом соединении этих форм намечается некоторая традиционность. Дельвиг не первый объединял в себе эти два устремления. До него Востоков в своих опытах и теоретических работах ставил вопрос о применении к русской письменной литературе форм народной и античной поэзии. Мерзляков, автор русских песен, имитировал древних авторов и претендовал на роль начинателя античных метров в русской поэзии (что Дельвиг резко оспаривал). Несколько раньше Львов, переводчик Анакреона, писал опыты в народном стиле.

От безликих, хотя и стройных, прекрасно звучавших анакреонтических произведений, посланий в духе Горация Дельвиг в начале 1820-х годов пришел к более глубокому источнику античности, к идиллиям Феокрита, понимаемым Дельвигом как особый род народных сценок. В этом смысле ближайшим учителем Дельвига был Гнедич, который своим переводом «Сиракузянок» Феокрита (столь высоко оцененных Белинским) показал, как далеки от античного мастера его поздние подражатели (вроде В. И. Панаева), преобразившие простолюдинов в горожан, в сладких и напудренных пастушков.

В этом же направлении поисков подлинно народного духа работал Дельвиг над русской песней.

Для передового романтизма начала XIX века было характерно и увлечение античностью (как золотым веком свободного человечества), и увлечение национальным своеобразием, заложенным в народном творчестве. И то и другое было связано с идеями свободы, борьбой с угнетателями наций.

Характеризуя поэзию Дельвига, И. Киреевский пишет:

«Романтическая любовь — подарок арабов и варваров; уныние — дитя Севера и зависимости; всякого рода фанатизм — необходимый плод борьбы вековых неустройств Европы с порывами к улучшению; наконец, перевес мысленности над чувствами, и от-

туда стремление к единству и сосредоточенью, — вот новые струны, которые жизнь новейших народов натянула на сердце человека. Напрасно думает он заглушить их стон, ударяя в лиру Греции: они невольно отзываются на его песню, и, вместо простого звука, является аккорд. Таковы подражания Дельвига. Его Муза была в Греции; она воспитывалась под теплым небом Аттики; она наслушалась там простых и полных, естественных, светлых и правильных звуков лиры греческой, но ее нежная краса не вынесла бы холода мрачного севера, если бы поэт не прикрыл ее нашею народною одеждою, если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния, — и не к лицу ли Гречанке наш северный наряд?» [1]

Однако романтическое восприятие античности само по себе имело разные направления. У Дельвига оно связано с интересом к народности и простоте.

В заметке о Дельвиге Пушкин пишет: «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу изображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы». В черновике заметки характеристика подробнее и восторженнее. Пушкин пишет об удивительном «гении Дельвига», об отсутствии в его подражаниях древним «романтической игривости и неправильности», о «вечной простоте и нечаянности добродушия».

Замысловатая «душегрейка новейшего уныния» привлекла внимание критиков, принявшихся на разные лады высмеивать ее. Между тем самая мысль Киреевского как нельзя лучше раскрывает существо идиллий Дельвига. Примером этого может служить «Конец золотого века», одна из идиллий, удивлявших Пушкина классической чистотой. Здесь образы древней Греции овеяны романтической печалью:

Нет, не в Аркадии я! Пастуха заунывную песню
Слышать бы должно в Египте, иль Азии Средней, где рабство
Грустною песней привыкло существенность тяжкую тешить.

Чувствителен, печален сюжет идиллии: пастушка Амарилла гибнет, обольщенная сладкоречивым горожанином, подобно Бедной Лизе Карамзина. Но дело не в сюжете, а в своеобразном духе идиллии, конец которой есть «близкое подражание Шекспирову

---

[1] И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1911, стр. 31.

описанию смерти Офелии» (см. примечание Дельвига). И действительно, сумасшествие и смерть Амариллы является своеобразным повторением истории героини «Гамлета».

После 1825 года Дельвиг написал очень немного стихотворений, но рассмотрение их показывает, что в эти годы он углубил и усовершенствовал избранную им еще в ранние годы поэтику. Образцом такого усовершенствования является его идиллия «Изобретение ваяния», в которой достигнута такая четкость и цельность в изображении, какой не было в более ранних идиллических картинках, причем характерна для Дельвига и сама тема, особый интерес к изобразительному искусству.[1]

Дельвиг вовсе не стремился истреблять современное из идей и настроений своих идиллий. Ему достаточно было дать почувствовать античность без всяких археологических углублений в подлинно античную поэзию, характерных, например, для Гнедича. В этом отношении отзывы многих современников (например, Пушкина) надо понимать с большими оговорками и учитывать, что для них «дух древности» вовсе не состоял в подлинном воссоздании древних жанров: достаточно, чтобы некоторые черты этих жанров легко узнавались и тем достигалась окраска «под античность» всего произведения. Надо оговорить и тот факт, что «античные» формы в поэзии Дельвига (избранный им размер) были для его современников наиболее спорным моментом.

Другим, уже совершенно своеобразным видом идиллии является пьеса Дельвига «Отставной солдат», о которой Пушкин написал, что сюжет ее Дельвиг задумал еще в Лицее. Здесь поэт избирает для себя образец античной идиллии как театрализованной бытовой сценки в духе «Сиракузянок» Феокрита, идиллии, переведенной Гнедичем. Перевод этой, наполненной бытовыми подробностями и юмором, античной идиллии вдохновил Гнедича (в 1821 году) на создание аналогичной русской идиллии. Результатом этого замысла были «Рыбаки» с их торжественным (гомеровским) стилем.

Дельвиг, по-видимому, не считал подобный опыт удачным. Набросок его идиллии написан простым, разговорным языком, с такими выражениями, как:

Вздор мелешь, малый! Уши вянут! Полно!
Старухи врут вам, греясь на печи
и т. д.

[1] Ср. у Пушкина «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую. . .», где Пушкин, несомненно, вспоминает «Изобретение ваяния» Дельвига.

Опыт этот, впрочем как и многие другие удачные опыты Дельвига, не был завершен.

Не завершен был и опыт оригинальной пьесы «Ночь на 24 июня» (то есть ночь на Ивана Купалу). Этот опыт, в некотором смысле, должен быть связан с идиллией «Отставной солдат», так как в нем имеется та же попытка создать произведение на основе подлинной народной языковой стихии. Сохранившийся набросок первой сцены пьесы имеет эпиграф из Шекспира и сделан в его манере, но в то же время уже первые реплики вводят в русский быт и русские поверия. Пьеса фантастическая, но в основе ее лежит истинное происшествие, характерное для поместного быта. Ритмизированная проза сочетается с введенными туда стихами русской песни, быть может самой лучшей из песен Дельвига по приближению ее к подлинно народной песенной лирике.

Бесспорную репутацию Дельвигу доставили русские песни. При оценке песен, написанных Дельвигом, имеющих популярность до наших дней («Соловей мой, соловей...» и др.), следует учитывать, что песни Дельвига, конечно, не реставрация крестьянской обрядовой или бытовой лирики. Об этом Дельвиг отнюдь не думал. Они писаны «в народном стиле», так, как он понимался в те годы и на потребу тогдашнего времени. Между тем любопытным фактом является то, что «ненародность» песен не мешала проникновению их в народный репертуар. Во всяком случае, совершенно несомненно то, что песни Дельвига были решительным сдвигом (в смысле поисков подлинно народного духа) по сравнению с песнями Львова, Нелединского-Мелецкого, Карамзина и Дмитриева. Мы не особенно ясно представляем себе литературное бытование этих песен. Необходимо обратить внимание на то, что в своем сборнике (в оглавлении, где стихи сгруппированы в отделы) Дельвиг объединил их в один разряд «Песни и романсы». Следовательно, резкой жанровой границы между народной песней и литературным романсом Дельвиг не видел.

В биографических сведениях, в мемуарах о Дельвиге мы постоянно встречаемся с изображением поющего Дельвига. Вообще он, по-видимому, был музыкален; о том говорит внимание, которое уделялось в «Литературной газете» концертам и их оценке. Романсы Дельвига немедленно перелагались на ноты Михаилом Яковлевым, Рупини, а одно время — Глинкою. Так они входили в быт и в музыкальный оборот; вспомним, например, популярность алябьевского «Соловья», исполнявшегося европейскими певицами до Патти включительно. Для современников песни Дельвига жили не в книге, а в живом пении. На живое исполнение они и были рас-

считаны. И Дельвиг писал в жанре песенного репертуара того времени. Русская песня являлась такой же принадлежностью песенного репертуара городского общества, как и романс, как и арии из «Днепровской русалки». Песенники того времени еще не опустились до того состояния, когда их стал издавать Холмушин, они носили еще светский характер и носили светские названия: «Лира граций» или «Ладо». Даже, быть может, было обратное движение песни — из демократии и мещанства в более высокие социальные и культурные слои. Песенники Чулкова и Новикова продвинули песню в «салон». А в тех полудемократических, полубогемных «салонах», в которых бывал Дельвиг, народная песня, ее имитация и оперная псевдонародная ария процветали. Таким образом, Дельвигу не приходилось делать этнографических экспедиций, чтобы знать песню, и нисколько не удивительно, что он произвел на Максимовича впечатление знатока русской песни, почти не выезжая из Москвы и Петербурга. Но это была, очевидно, русская песня, уже теснимая романсом, уже приспособившаяся к новому быту. Этой работе приспособления содействовал Дельвиг. Именно в стиле народного романса, в доходчивой до городской аудитории форме он дал обработку стилизованного певческого материала. Его песня была рассчитана не на музей, а на живых исполнителей. И в певческом обиходе песня Дельвига надолго вытеснила устаревшие романсы вроде «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева или «Выду я на реченьку...» Нелединского-Мелецкого.

Дельвиг пришел со своими песнями как раз непосредственно перед апогеем светской популярности народной песни. Уже при нем появился Кольцов, отчасти учившийся и у него. Кольцов знаменует собой высшую точку демократизации салонных вкусов и проникновения в верхушки общества фольклора. Самая фигура мещанина Кольцова в его постоянных сношениях, с одной стороны, с князем Вяземским и Жуковским, с другой — с Белинским, характерна для этого апогея «народности». Затем песня падает и ее снова теснит романс, через несколько лет принимающий особый характер «цыганского».

В начале 20-х годов (в 1822-1823 годах) Дельвиг обратился к неизвестной еще в русской поэзии форме сонета. Заключительное трехстишие первого сонета Пушкина (1830) посвящено сонету Дельвига:

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

В 1823 году Пушкин прочел в журналах «с жадностью, восхищением и благодарностью» сонеты Дельвига: «Н. М. Языкову», «Вдохновение», «Сонет» («Златых кудрей приятная небрежность...») и «Сонет» («Я плыл один с прекрасною в гондоле...»). Вслед за тем в «Полярной звезде» на 1824 год был напечатан сонет «В Испании Амур не чужестранец...» — одно из лучших стихотворений Дельвига.

В конце 1810-х — начале 1820-х годов Дельвиг участвовал в коллективных переводах для театра, причем это участие вовсе не свидетельствовало о его безразличии к направлению драматургии. Дельвиг перевел второй акт трагедии Лонжпьера «Медея», и именно этот перевод пользовался наибольшим успехом у критики по чистоте и плавности языка и стиха. Несмотря на то, что Лонжпьер был весьма средним драматургом конца XVII — начала XVIII века, эпигоном Расина, пьеса его пользовалась успехом в эпоху романтизма благодаря фантастической фабуле, мрачному, контрастному характеру волшебницы Медеи и обилию сценического действия (полет Медеи и пр.). Другая пьеса, в переводе которой принял участие Дельвиг, «Макковеи» Гиро, была не менее в этом смысле характерна для вкусов передовой молодежи 1820-х годов. Возможно, что постановка ее не осуществилась по причинам цензурного порядка.

К этому же времени, то есть к концу 1810-х — началу 1820-х годов, относится и перевод «Хора» из трагедии «Поликсена», принадлежащей немецкому драматургу романтического направления Коллину, избиравшему для своих трагедий античные сюжеты. Этот перевод, а также набросок «Ночь на 24 июня», показывают, что Дельвиг искал новых путей в области драмы (или романтической трагедии), так же как искали их и другие поэты декабристского поколения: Рылеев, Кюхельбекер, Катенин, Жандр и отчетливее всех — Пушкин. Эти поиски тем характернее для Дельвига, что его склонность к литературе, противостоявшей французскому классицизму, определилась с самого начала.

Литературное воспитание Дельвига было, как и у большинства его сверстников, проникнуто духом французского классицизма в его поздней формации. Язык мифологических метафор, усвоенный им в Лицее, навсегда остался в его стихах следом этого воспитания.

Но в то время, как сверстники Дельвига Пушкин и Илличевский в Лицее были увлечены кругом идей французского классицизма — первый до выхода из Лицея, второй — до конца своей жизни, Дельвиг уже в Лицее обнаружил интерес к литературным явлениям иного порядка: к Шиллеру, Фоссу, Коллину и Гете, эпи-

графом из которого открывался единственный сборник стихотворений Дельвига.[1]

Есть, впрочем, одна область лирики, где Дельвиг, подобно Пушкину и Баратынскому, является продолжателем французской классической традиции. Это — область горацианских посланий. Но это как раз та область, в которой Дельвиг и Пушкин наименее оригинальны и самостоятельны и в которой к ним приближается много поэтов, как принадлежащих к «плеяде», то есть печатавшихся в дружественных Пушкину журналах и альманахах, так и далеких от нее по своим литературным симпатиям. Русские ученики Парни и Мильвуа, отчасти раннего Ламартина, испытавшие в разной мере влияние Батюшкова и Жуковского, а в некоторых отношениях и Дениса Давыдова, все были более или менее близки друг к другу. Это была общая область поэзии 20-х годов. Дельвиг, Баратынский и Языков были крупнее; В. Туманский, Коншин, А. Крылов были мельче, но, в общем, все писали в одном направлении. Характерно для литературной судьбы Дельвига то, что именно эти традиционные послания попадали в поле зрения критики, а оригинальные его произведения во внимание не принимались.

В русской поэзии Дельвиг несомненно был связан с антологической струей поэзии Державина, со стихотворениями которого, по свидетельству Пушкина, Дельвиг «не расставался». И не живописная, а скульптурная четкость изобразительного искусства Державина сказалась в идиллиях, надписях и других «подражаниях древним» Дельвига.

Пушкин не только восхищался этой областью поэзии Дельвига, но и воспринял ее, закрепив собственными произведениями. Так, надписи на скульптурные изображения 1836 года («На статую играющего в свайку» и др.) написаны в манере Дельвига, его «Надписи на статую флорентинского Меркурия». Такое же соотнесение напрашивается между антологическим стихотворением

---

[1] Сборник «Стихотворения Дельвига», изданный в 1829 году, начинается эпиграфом:

> Ich singe, wie der Vogel singt,
> Der in den Zweigen wohnet:
> Das Lied, das aus der Kehle dringt,
> Ist Lohn, der reichlich lohnet.

(Я пою, как поет птица, живущая на ветке: песня, которая рвется из горла, вот плата, достаточно вознаграждающая). Он взят из стихотворения Гёте «Der Sänger» («Певец»).

Пушкина «Мальчику» (1832) и ранним стихотворением Дельвига «К мальчику». Для своих антологических стихотворений 30-х годов Пушкин не стал искать иных путей, кроме проложенных Дельвигом. И в стиле этих произведений, отличающихся строгой простотой и изобразительной ясностью, и в стихотворных размерах (элегический дистих) Пушкин следует за Дельвигом, хотя и побеждает его. Уже одно это свидетельствует о своеобразии Дельвига.

Дельвиг не был крупным реформатором стиха; это не Ломоносов и не Державин. По смелости борьбы с традицией он далеко не в первых рядах, уступая в этом и Сумарокову, и Карамзину-стихотворцу, и многим своим товарищам современникам.

Своеобразие Дельвига не в ломке традиций, не в борьбе с привычными правилами, а в обогащении возможностей в пределах данной традиции. И в этом Дельвиг не до конца самостоятелен. Его предшественником на русской почве является уже названный его старший современник А. Востоков, впоследствии знаменитый ученый-филолог, а в те годы поэт и знаток литературы, издавший в 1805 году свои стихотворения под названием «Опыты лирические», а в 1812 году напечатавший в журнале «С.-Петербургский вестник» теоретическое обоснование своей поэтической практики в виде трактата о русской метрике. Трактат этот под названием «Опыт о русском стихосложении» вышел отдельной книгой в 1817 году и произвел на современников большое впечатление: о нем с большим уважением отозвался Пушкин в 30-х годах. В прямой зависимости от взглядов Востокова находятся и пушкинские «Песни западных славян». Дельвиг был знаком с Востоковым лично как с членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и как с сослуживцем по Публичной библиотеке. Встречался Дельвиг с Востоковым и в литературных салонах Оленина, С. Пономаревой и др. Опыты Востокова были направлены к обогащению русских стихотворных размеров подражаниями античным метрам и народным песням.

Через Востокова, а также и непосредственно, Дельвиг восприпнял попытки обновления стихотворной традиции, которые мы встречаем у немецких поэтов. С некоторыми из них он был знаком еще в Лицее. Можно предполагать знакомство с Фоссом, о котором Пушкин сказал в 1825 году, что он — гений перевода. Так, в «Лицейском мудреце», рукописном журнале лицеистов 1815 года (№ 2), имеется «национальная песня», написанная размером Фосса. Дельвиг знал Фосса и как идиллика. Должен был Дельвиг знать и Клейста, Клопштока и др.

По отношению к классическим размерам Дельвиг соблюдал

строгость правил. Так, в пятистопном ямбе он всегда строго соблюдал цезуру после четвертого слога, следуя французскому правилу, обязательному в России в эпоху классицизма. От цезуры он отказался почти одновременно с Пушкиным, написав своего «Отставного солдата» в стиле драматической сцены, белым стихом, по образцу известных ему немецких драматических произведений без цезуры. В этом же 1830 году и Пушкин написал первые свои опыты с бесцезурным пятистопным ямбом: «Домик в Коломне»» и маленькие трагедии.

Но не трогая структуры стиха, Дельвиг стремился дать его в новом применении, написав несколько стихотворений редкими в то время строфами: пять сонетов и одно стихотворение в октавах («Я редко пел, но весело, друзья. . .»).

Любопытно, что Дельвиг, уже вопреки традиции, применил эти строфы и к другому размеру, довольно редкому в русской поэзии того времени, но часто встречающемуся у немцев, — к пятистопному хорею. Так, им написаны один сонет («Что вдали блеснуло и дымится. . .») и октавы («Тассо»). При этом любопытная подробность, характеризующая строгий стиль стиха Дельвига. В обоих стихотворениях им строго соблюдена цезура после третьего слога:

Удались, || ты также всё сияешь
И в стране || призра́ков и теней,
Ты и здесь, || царица, всех пленяешь
Красотой || могущею своей. . .

К такой же строгости соблюдения правил стремился Дельвиг в своих гекзаметрах и пентаметрах. Он горделиво заявлял, что «следовал примеру Гомера, Вергилия, Горация, Фосса и правилам, изложенным Германом и другими европейскими учеными» (в таких выражениях Дельвиг возражал «Московскому вестнику», защищая свое право писать «спондаические гекзаметры, то есть, по терминологии русской словесности, „заменять в пятой стопе гекзаметра дактиль хореем"»). [1]

Но еще более характеризует Дельвига его метрическое изобретательство. Оно проявилось в стихах, стилизующих античные мотивы, и в имитациях русских песен. В античных своих стихотворениях Дельвиг не воспроизводит древних размеров. В этом он расходится с традицией Радищева и Востокова и более следует за Фоссом. Он просто изобретает новые, прихотливые метры. Все они характеризуются своеобразным сочетанием двух и трехсложных

---

[1] См. «Литературная газета», 1830, № 16, 17 марта.

стоп. Сочетания эти на современный слух производят впечатление вольного стиха, приближающегося к современному нам «дольнику», или «паузнику». Между тем это совсем не так. В стихах этих каждый слог строго рассчитан. Так, в стихотворении «Видение» два первых стиха распадаются на два неравных полустишия, из которых первое — двустопный ямб женского окончания, а второе — двустопный амфибрахий дактилического окончания; третий стих состоит из двух одинаковых полустиший, подобных начальным полустишиям первых стихов, а заключительный стих строфы — одностопный амфибрахий дактилического окончания:

В священной роще ‖ я видел прелестную
В одежде белой ‖ и с белою розою
На нежных персях, ‖ дыханьем легким
Колеблемых.

И так построены совпадающие друг с другом слог в слог 22 строфы стихотворения. Так же сложно построение стихотворения «К ласточке!» Но самым замысловатым является «„Дифирамб" (на приезд трех друзей)», состоящий из четырех однообразных строф; в каждой строфе первый стих состоит из двух полустиший: двустопный ямб женского окончания и двустопный амфибрахий дактилического окончания; третий стих ритмически повторяет первое полустишие первого стиха; четвертый и пятый — двустопный амфибрахий мужского окончания. Подобные строфы Дельвиг не заимствовал, а изобретал в подражание древним.

В том же направлении развивалось метрическое изобретательство в области имитации русских песен. И здесь он не воспользовался ритмическим своеобразием текста русских песен и не преодолел структуру слогового литературно-книжного стихосложения. Стопы его русских песен отличаются правильностью. «Народность» метрики заключается в применении хорея и трехсложных стоп, в предрасположении к дактилическому окончанию и к правильным цезурам, разбивающим стих на мелкие ритмические единицы. Но везде мы видим точность и правильность. Его предшественники были значительно менее связаны традицией. У Нелединского-Мелецкого есть популярнейшая в свое время песня:

Выду я на реченьку,
Погляжу на быструю:
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!

В этой песне характерны по ритму два первые стиха. Далее она сбивается на правильный рифмованный четырехстопный хорей. Дельвиг создает в ритме первых двух стихов целый ряд песен, но выдерживает размер с начала до конца или правильно чередует его с другим размером:

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости,
И забыло...

Или, наконец, разбивает стих на два:

Ах ты, ночь ли, || ноченька!
Ах ты, ночь ли || бурная!..

Так же правильно разбивает он на две части довольно обычный трехстопный дактиль женского окончания:

По небу || тучи громовые ходят;
По полю || пули турецкие свищут...

Особого ритмического эффекта добивается Дельвиг, разделяя избранный им в двух песнях размер — трехстопный ямб дактилического окончания — цезурой на две равные части, создающие впечатление двух отдельных слоговых групп по четыре слога с ударением на втором слоге (двух вторых пеонов):

Со мною мать || прощалася
(С полком я шел || в далекий край);

Мой суженый, || мой ряженый,
Услышь меня, || спаси меня!..

Своеобразие этого упорно проведенного через все стихотворение ритма особенно заметно, если сопоставить его с похожим размером Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо», где нет соблюдения цезуры и где однообразные ряды стихов этого размера время от времени замыкаются стихом мужского окончания:

Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий —

И аккуратно сложены
В колонны кирпичи.

Приведенные факты свидетельствуют о самостоятельности и своеобразии творчества Дельвига, но не определяют полностью его значения. Задачи, которые ставил и разрешал Пушкин, были центральными задачами литературы его времени. Интересы Дельвига были гораздо менее значительны, его роль во много раз скромнее. Его ограниченные силы не позволяли ему браться за разрешение больших задач, и он остановился на разработке литературных проблем второстепенного значения.

Дельвиг был типичный, но и своеобразный поэт 20-х годов. Войдя в круг торгового журнализма и эпигонского литераторства «вольных обществ», он занял положение молодой оппозиции, объединив вокруг себя группу молодых лириков: Баратынского, Кюхельбекера и др. И в завоевании лирикой гегемонии в литературе той эпохи решительную роль сыграли его «Северные цветы». Дельвиг-лирик неотделим от Дельвига-издателя. И в той и в другой области он делал одно и то же дело: пропаганду высших художественных форм в поэзии, своеобразное «очищение» литературных форм и повышение лирической техники.

Б. Томашевский

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА 1812—1817

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземныи.
То услы́хавши, отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,
Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
«Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней во сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда уже перестал служить,
Как при Требио калено́ ядро
Оторвало мне руку правую.
Вот еще тебе копье меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго,
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштеина,
Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его через труп ты свой».

7 сентября 1812

* * *

От вод холмистых средиземных
Дождливый ветер полетел,
Помчался в дол, и тучи темны
На небо синее навел.
Столетние ду́бы ломает и гнет
И гонит со треском по озеру лед.

На Альпах снег звездчатый, тая,
По ребрам гор гремя летит,
Река, пределы расширяя,
Как море по лугу бежит.
Высокие волны с громадами льда
Одна за другою несутся шумя.

На каменных столбах широкий
Чрез быстру реку мост лежит,
И на средине — одинокий
Дом бедного пловца стоит.
Живет он с детями и с верной женой,
Страшися, пловец, быть так близко с волной.

Волна волну предупреждая
Кругом уж хижины шумит,
И, руки кверху поднимая,
Семья, рыдая, вдаль глядит:
О небо! ужели назначено нам
Быть лютою жертвой свирепым волнам.

Ревели волны, завывали,
И по обоим берегам
Столбы и своды отрывали
И с шумом ластились к стенам.
Волны заглушая и бурь грозных вой,
Рыдает пловец и с детьми, и с женой.

1812 или 1813

* * *

Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья,
Тебя, россиян мать, на лире воспою,
Зима! к тебе летит мое воображенье;
Желаю изразить волшебну красоту.
Когда, последуя холодному Борею,
Опустошаешь ты зеленые луга,
Ложася на весь мир, десницею твоею
Повсюду сеются пушистые снега.
Дотронешься к водам — и воды каменеют
И быстрый ручеек, окован, не журчит;
Дотронешься к лесам — и древеса пустеют,
Не зе́фир между их, но бурный ветр свистит.
Не любишь песен ты, не знаешь коровода,
Унылый соловей вдали отсель поет.
В унынии, цепях печалится природа,
И солнце красное тебя страшится зреть.
Но любишь ты народ, с которым обитаешь,
Лиешь в него любовь и грудь его крепишь,
Блюдешь как нежных чад, от бури укрываешь
И храбрость на боях в душе его живишь.
Недавно с запада, как тучи громоносны,
Стремилися враги россиян поразить,
Шагнули в их предел — гремят перуны грозны,
И зарево Москвы багровое горит.
Воззрела мрачно ты — метели зашумели
И бури на врагов коварных понеслись.
Ступила на луга — и мразы полетели,
И, как от ветра прах, враги от нас взвились.

О муза, возвести хотя на слабой лире
Ее все прелести, которы видим мы,
Когда, одеянна во ледяной порфире,
Вселенную тягчит алмазными цепьми.
Еще лиется дождь, и листья пожелтелы
С дерев развесистых шумя на дол летят,
Стоят в безмолвии дождем омыты селы,
И в роще хоры птиц, в гнезда́х сидя, молчат.
Вдруг снежны облака над полем понесутся,
И снег луга и лес звездча́тый обелит,

И мразы бурные от дремоты проснутся,
И ратовать Борей на землю полетит.
Всё будто оживет, и вранов стая с криком
Чернеющим крылом покроет небеса,
И с воем серый волк, со взором мрачным, диком,
Помчится по холмам с добычею в леса.

1812 или 1813

* * *

Настанет час ужасной брани,
И заструится кровь рекой,
Когда порок среди стенаний
Восторжествует над землей.
Брат кровью брата обагрится,
Исчезнет с дружеством любовь,
И жизни огнь в отце затмится
Рукой неистовой сынов.

Вослед, метелями повита,
Зима с бореями придет
Из мрачных пропастей Коцита
И на вселенную падет.
Три лета не увидит смертный
В полях ни роз, ни васильков,
И тихий ветерок вечерний
Не будет колебать кустов.

Чудовища с цепей сорвутся
И полетят на мир толпой.
Моря драконом потрясутся,
Земля покроется водой.
Дуб твердый и ветвисты ивы
Со треском на луга падут.
Утесы мшисты, горделивы
Друг друга в океан сотрут.

Свои разрушит Фе́нрис цепи
И до небес разверзнет пасть,
И вой поднимется свирепый,
И огнь посыплется из глаз.

Светильник дня животворящий,
Который обтекает свет,
Во всем величии горящий,
В его ужасный зев падет.

1812 или 1813

ПИИТ И ЭХО

П. О лира милая, воспой мне, ах, воспой!
Иль оду, иль рондó, иль маленький сонет!
Э. . . . . нет.
П. Почто несчастного не слушаешь, почто?
Ужель не воспоешь ты, лира, никогда?
Э. . . . . да.
П. Так я ин рассержусь и лиру изломаю.
И ты не тужишь?
Э. . . . . шутишь.

27 февраля 1813
Лицей

ЭПИТАФИЯ

Прохожий, здесь не стой! беги скорей, уйди,
И то на цыпочках и не шелох никак.
Подьячий тут лежит — его не разбуди!
А то замучает тебя! «понеже так».

27 февраля 1813

СТИХИ НА РОЖДЕНИЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Мрак распростерся везде. — И я под крылами Морфея,
Скукой вчера отягчен, усыпился и грезил:
Будто б муза ко мне на облаке алом слетела,
И благодать воцарилась в бедной хате пиита.
С благоговеньем взирал на прелестны богинины взоры,
Руку простер я возжечь фимиам, но рука онемела,
Как от волшебной главы злой Медузы, сын пропасти лютой.

«Феб! — я воскликнул, — почто я последней лишаюся
силы?
Что отвергаешь мои тебе приносимые жертвы?
Или назначил мне рок вовеки не быть твоим сыном?»
— «Нет! — мне сказала тогда богиня, со пламенным
взором, —
Ты преступаешь закон — и в неге Морфею предался.
Спишь — и твоя на стене пребывает в безмолвии лира!
Спишь — и фантазии луч остается тобой не обделан!
Встань, отряси от очей последню дремоту, и лирой
Превознеси ты тот день, который увидел рожденье,
Славой уве́нчался век еще младого пиита.
Да воспоется тобою Вильгельма счастливая участь!»
Я встрепенулся, восстал и на лире гремящей
Вильгельму
Песнь вопил: «О любимец пресветлого Феба, ты
счастлив!
Музы лелеют тебя и лирою слух твой пленяют!
Ты не рожден быть со мною на степени равной
Фортуны —
Нет! твой удел с Алцеем и Пиндаром равен пребудет,
Лирой, как древний Орфей, поколеблешь ты камни
и горы!
Парки, прядите вы жизнь Вильгельмову многие лета!
Дайте, чтоб бедный пиит его славу бессмертну увидел!»

Июнь 1813

АПОЛОГ

Из ближнего села
В Москву на торг пространный
Душистые цветы пастушка принесла,
Поутру кои набрала
Во рощице пространной.
«Купите у меня, купите, — говорит
Угрюмой госпоже, котора там ходила, —
Приятным запахом здесь роза всех дарит,
Росу вот на себе фиалка сохранила,
Она и страз светлей! —
Купите сей букет фиалок и лилей».

— «Ах нет, зачем мне их, когда они увянут
И к вечеру сему лить аромат престанут».
— «Но я, сударыня, не говорила вам,
Дано что от небес бессмертие цветам».

Вот то о повестях моих я рассуждаю
И им бессмертия вовек не ожидаю.

1813

К ГОЛУБКУ

Здесь тихо всё, здесь всё живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил, —
Печальны все, что радость нам являли.
И там, где счастие мне пел,
Сидя на дереве ветвистом,
Сшиб ветр его вчера со свистом.
Лети отсель!

Лети отсель, пусть буду я томиться,
Пусть я один здесь слезы буду лить,
Нет счастья мне, могу ль на свете жить,
Беги меня, приятно ли крушиться.
Я счастие с тобой имел,
Но нет, оно меня кидает.
Ужель печаль не устрашает?
Лети отсель!

Лети отсель, и, может быть, весною
Услышишь ты страдальца тихий стон,
То буду я, скажи: печален он,
Не тронься мной, пусть счастие с тобою.
Я жить сперва с тобой хотел,
Но я печаль лишь умножаю,
Ужель тебя не убеждаю?
Лети отсель!

1813

К ДИОНУ

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!
В честь вечно-юному Вакху осушим мы дно золотое;
В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны, —
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спешит удержать престарелого Хрона,
Просит, молит его — не внимая, он далее мчится;
Маленький только Эрот смеется, поет и, седого
За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною славой гоняться,
Вечно в трудах только жить, не видеть веселий до гроба? —
Боги для счастия нам и веселия дни даровали,
Для наслаждений любви.

Пой, в хороводе девиц белогрудых, песни веселью,
Прыгай под звонкую флейту; сплетяся руками, кружися,
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачет и вьется ручей.

Друг, за лавровый венок не кланяйся гордым пританам.
Пусть за слепою богиней Лициний гоняется вечно,
Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратит от главы.

Что нам богатства искать? им счастья себе не прикупим:
Всех на одной ладие, и бедного Ира и Креза,
В мрачное царство Плутона, чрез волны ужасного Стикса
Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где прохлажденный в тени, сверкая, стремится
источник, —
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

<1814>

К ЛИЛЕТЕ

Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется;
Внимая боренью стихий, и в бурю мы счастливы будем,
И в бурю мы можем любить! ты знаешь, во мрачном
Хао́се
Родился прекрасный Эрот.

В ужасном волненьи морей, когда громы сражались
с громами
И тьма устремлялась на тьму и белая пена кипела, —
Явилась богиня любви, в коральной плывя колеснице,
И волны пред ней улеглись.

И мы, под защитой богов, потопим в веселии время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтеся, желтые листья!
Но мы еще только цветем, но мы еще жить начинаем
В объятиях нежных любви. ой

И радостно сбросим с себя мы юности красну одежду,
И старости тихой дадим дрожащую руку с клюкою,
И скажем: о старость, веди наслаждаться любовью
в том мире,
Уж мы насладилися здесь.

<1814>

ЭПИГРАММА

Поэт надутый Клит
Навеки заклялся со мною говорить.
О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю:
Я без твоих стихов бессонницей страдаю!

<1814>

ХЛОЯ

Хлоя старика седого
Захотела осмеять
И шепнула: «Я драгого
Под окошком буду ждать».

Вот уж ночь; через долину,
То за хо́лмом, то в кустах,
Хлоя видит старичину
С длинной лестницей в руках.

Тихо крадется к окошку,
Ставит лестницу — и вмиг,
Протянув сухую ножку,
К милой полетел старик.

Близок к месту дорогому,
На щеке дрожит слеза.
Хлоя зеркало седому
Прямо сунула в глаза.

И любовник спотыкнулся,
Вниз со страха соскочил,
Побежал, не оглянулся
И забыл, зачем ходил.

Хлоя поутру спросила:
«Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
И не ты ли обещал?»

Зубы в зубы ударяя,
Он со страхом отвечал:
«Домовой меня, родная,
У окна перепугал...»

Хоть не рад, но должно, деды,
Вас тихонько побранить!
Взгляньте в зеркало — вы седы,
Вам ли к девушкам ходить?

<1814>

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
    Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
    Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
    Кто он? отколь? не знаю —
Но всё меня к нему влекло,
    Всё мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
    Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
    Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
    Мне что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
    Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
    На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
    Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я, —
    Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
    И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
    Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
    Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
    За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
    И скоро ль возвратится?

<1814>

К ПОЭТУ-МАТЕМАТИКУ

Скажи мне, Финиас любезный!
В какие веки неизвестны
Была Урания дружна
С поэзией голубоокой?
Скажи, не вечно ли она
Жила не с нею, одиноко,
И, в телескоп вперяя око,
Небесный измеряла свод
И звезд блестящих быстрый ход?

Какими же, мой друг! судьбами
Ты математик и поэт?
Играешь громкими струнами,
И вдруг, остановя полет,
Сидишь над грифельной доскою,
Поддерживая лоб рукою,
И пишешь с цифрами ноли,
Проводишь длинну апофему,
Доказываешь теорему,
Тупые, острые углы?
Возможно ли, чтобы девица,
Как лебедь статна, белолица,
Пленилась модником седым,
И нежною рукой своею
Его бы обнимала шею,
В любви жила счастливо с ним?

Скажи, как может восхищенье,
Души чувствительной стремленье,
Тебя с мечтами посещать?
Как пишешь громкие ты оды
И за пределами природы
Миры стремишься населять
Людьми, которы неподвластны
Ни злу, ни здешним суетам,
У них в сердцах — любови храм,
Они — все юны, все прекрасны
И улыбаются векам,

Летящим быстрою стрелою
С неумолимою косою?

В восторге говорит поэт,
Любовь Алине изъясняя:
«Небесной красотой сияя,
Ты солнца помрачаешь свет!
Твои блестящи, черны очи,
Как светлый месяц зимней ночи,
Кидают огнь из-под бровей!»
Но математик важно ей
Всё опровергнет, всё докажет,
Определит и солнца свет,
И действие лучей покажет
Чрез преломленье на предмет;
Но, верно, утаит, что взоры
Прелестной, райской красоты
Воспламеняют камни, горы
И в сердце сладки льют мечты.

Дерзнешь ли, о мой друг любезный!
Перед натурой токи слезны
Пролив, стремиться к ней душой?
На небесах твой путь опасный
Препнут и Лев, и Змей ужасный,
И лютый Тур поднимет вой!
Через линейки, микроскопы,
Чрез циркули и телескопы
Шагать устанешь, милый друг,
И выспренний оставишь круг!
Оставишь... и на табурете
В своем укромном кабинете
Зачнешь считать, чертить, марать —
И музу в помощь призывать!
И вот чрез множество мгновений
Твои слова от сотрясений
К ее престолу долетят.
На острый нос очки надвиня,
Берет орудии богиня,
Межует облаков квадрат.
Большие блоки с небесами

Соединяются гвоздями
И под веревкою скрыпят.
И загремела цепь железна;
Открылась музе поднебесна
И место, где витаешь ты.
И Гéрой облако влечется
И ветерком туда-сюда,
Колеблясь в бок, в другой, несется,
На твой спускаясь кабинет.
Вот бледный и дрожащий свет
Вдруг осенил твою обитель!
Небес веселых мрачный житель
Является перед тобой.
«Стремись, мой сын, стремись за мной, —
Богиня с важностью вещает, —
Уже бессмертие тебе
Венцы лавровые сплетает!
Достигни славы в тишине!
С Невтоном испытуй природу,
С Бландшардом по небесну своду
Как дерзостный орел летай!
Бесстрашно измеряй пучину,
Скажи всем действиям причину
И новы звезды открывай!»

И се раскрылся пред тобою
Промчавшихся веков завес,
И зришь: в священный темный лес
Идут ученые толпою.
Кружась на ветреных крылах,
Волнится перед ними прах —
И рвет их толстые творенья.
Что делать, — плачут, да идут.
И средь такого треволненья
Одни — за Алгеброй бегут,
Те — Геометрию хватают,
Иль, руки опустя, рыдают.

Не досягаемый никем,
Между кремнистыми скалами
За Стикса мрачными брегами
Главу возносит, как илем,

Престол богини измеренья,
И Крон не сыплет разрушенья
На хладны мраморны столбы!
Отсель богиня взор кидает
На многочисленны толпы́.[1]
Не многих слушает мольбы,
Не многих лаврами венчает.

Но грянет по струнам поэт
И лишь богиню призовет —
При звуке сладостныя лиры
Впрягутся в облако зефиры,
Крылами дружно размахнут,
Помчатся с Пинда, понесут, —
И вот в зефирном одеяньи,
Певец! она перед тобой
В венце, в божественном сияньи,
Пленяющая красотой!
И ты падешь в благоговеньи
Перед подругою твоей!
Гремишь струнами в восхищеньи,
И ты — могучий чародей!

Не воздух на небе сгущенный,
Спираяся между собой,
Перуны шлет из тучи темной
И проливает дождь рекой, —
То гневный Зевс водоточивый
На смертный род, всегда кичливый,
Льет воды и перун десной
Кидает на полки строптивы.
И не роса на дол падет,
Цветы душисты освежая, —
Аврора, урну обнимая,
Над прахом сына слезы льет.
Не воздух, звуком сотрясенный,
К лесам относит голос твой, —
Ах, нет! под тению священной,

---

[1] Читатели извинят, что я в сем месте воспользовался описанием зимы г-на Хераскова, что <сделано> единственно по сходству математики с холодом.

Пленясь Нарцизовой красой,
Несчастна Нимфа воздыхает
И грусть с тобою разделяет.
Не солнце, рассевая тень,
На землю сводит ясный день, —
То Феб прекрасный, сановитый,
Лучами светлыми повитый,
Удерживая бег коней,
У коих пламя из ноздрей,
Летит в блестящей колеснице,
Последуя младой деннице.

Так славный Боало певал,
Бросая огнь от громкой лиры;
Порок бледнел и трепетал,
Внимая грозный глас сатиры.

Мессии избранный певец!
Ты арфою пленял вселенну;
Тебе, хвалой превознесенну,
Омиры отдают венец.
Пиндара, Флакка победитель,
Небесных песней похититель,
Державин россов восхищал!
Под дланью трепетали струны,
На сильных он метал перуны —
И добродетель прославлял.

И здесь, когда на вражьи строи
Летели российские герои,
Спасая веру и царя,
Любовью к родине горя,
В доспехах бранных, под шатрами,
Жуковский дивными струнами
Мечи ко мщенью извлекал,
И враг от сих мечей упал.

Но ты сравняешься ли с ними,
Когда, то музами водимый,
То математикой своей,
Со всеми разною стезей

Идешь на высоты Парнаса
И ловишь сов или Пегаса?
Измерь способности свои:
Иль время провождай с доскою
И треугольники пиши,
Иль нежною своей игрою
Укрась друзей приятный хор,
Сзывая пиэрид собор.

<1814>

DUBIA

НА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА

В громкую цитру кинь пе́рсты, богиня!
Грянь, да, услышав тебя, все народы
Скажут: не то ли перуны Зевеса,
Коими в гневе сражает пороки?
Пи́ндара муза тобой побежденна;
Ты же не игры поешь олимпийски,
И не царя, с быстротою летяща
К цели на добром коне сиракузском,
Но Александра, царя миролюбна,
Кем семиглавая гидра сраже́нна!

О вдохновенный певец,
Пиндар российский, Державин!
Дай мне парящий восторг!
Дай, и вовеки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будет везде!

Как в баснословные веки
Против Зевеса гиганты,
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною,
Но Зевс вдруг кинул перуны —
Горы в песок превратились,
Рухнули с треском на землю
И подавили гигантов, —
Галлы подобно на россов летели:
Их были горы — народы подвластны!

К сердцу России — к Москве доносили
Огнь, пожирающий грады и веси...
Царь миролюбный подобен Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки.
Он уж готовил погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны;
Враг уж в Москве — и взгремели перуны,
Горы его под собою сокрыли.

Где же надменный Сизиф?
Иль покоряет россиян?
В тяжких ли россы цепях
Слезную жизнь провождают?
Нет, — гром оружия россов
Внемлет пространный Париж!

И победитель Парижа,
Нежный отец россиянам,
Пепел Москвы забывая,
С кротостью галлам прощает
И как детей их приемлет.
Слава герою, который
Все побеждает народы
Нежной любовью — не силой!

Ведай, богиня! Поэт беспристрастный
Должен пороки показывать мира,
Страха не зная, царю он вещает
Правду — не низкие лести вельможи!
Я не пою олимпийских героев;
Славить не злато меня побуждает, —
Нет, только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю!
Век на ней буду славить героя
И вознесу его имя до неба!

Кроткий российский Зевес!
Мрачного сердцем Сизифа
Ты низложил и теперь,
Лавром побед увенчанный,

С поля кровавого битвы
К верным сынам возвратися!

Шлем свой пернатый с забралом,
Острый булат и тяжелы
Латы сними и явися
В светлой короне, в порфире
Ты посреди сынов верных!
В мире опять, в благоденстве
Царствуй над нами, — и слава
Будет вовеки с тобою!

1814

НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАФОНА

Ни рыжая брада, ни радость старых лет,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
И Агафона нет!
Потух, как от копыт огонь во мраке ночи,
Как ржанье звучное усталого коня!..
О небо! со слезой к тебе подъемлю очи
И, бренный, не могу не вопросить тебя:
Ужель не вечно нам вожжами править можно
И счастие в вине напрасно находить?
Иль лучшим кучерам жить в мире лучшем должно,
А нам с худыми быть!..
Увы! не будешь ты потряхивать вожжею;
Не будешь лошадей бить плетию своею;
И, усом шевеля, по-русски их бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!
Глас молодецкий не прольется,
И путник от тебя уж не зажмет ушей,
И при сияньи фонарей
Уж глас форейтора тебе не отзовется,
И ах! Кузьминишна сквозь слез не улыбнется!
Умолкло всё с тобой! Кухарки слезы льют,
Супруга, конюхи венки из сена вьют,
Глася отшедшему к покою:
«Когда ты умер — черт с тобою!»

Между 1814 и 1817

ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется;
Кто с доброй совестью и с милою своей
Как весело заснет, так весело проснется;

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
И мягкую волну с своих овец сбирает,
И для кого свой дуб в огне горит зимой,
И сон прохладою в день летний навевает.

Спокойно целый век проводит он в трудах,
Полета быстрого часов не примечая,
И смерть к нему придет с улыбкой на устах,
Как лучших, новых дней пророчица благая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру — и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастие в Лилете!

Между 1814 и 1817

БЕДНЫЙ ДЕЛЬВИГ

Вот бедный Дельвиг здесь живет,
Не знаем суетою,
Бренчит на лире и поет
С подругою-мечтою.

Пускай невежество гремит
Над мудрою главою,
Пускай и эгоизм кричит
С фортуною слепою, —

Один он с леностью живет,
Блажен своей судьбою,
Век свой о радости поет
И незнаком с тоскою.

О счастии не говорит,
Но счастие с тобою
Живет — и будет вечно жить
И с леностью святою!

Между 1814 и 1817

ПОДРАЖАНИЕ 1-МУ ПСАЛМУ

Блажен, о юноша! кто, подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам,
Кто час любовников пропустит в сладком сне
И круг простых друзей предпочитает балам.

Когда неистовый влетит к нему Свистов,
Он часто по делам из комнаты выходит.
Ему ж нет времени писать дурных стихов,
Когда за книгой день, с супругой ночь проводит.

Зато, взгляните, он как дуб высок и прям.
Что вялый перед ним угодник дам и моды?
Цвет полных яблоков разлился по щекам,
Благоразумен, свеж он и в преклонны годы.

А ты, слепой глупец, иль новый философ!
О, верь мне, и в очках повеса всё ж повеса.
Что будет из тебя под сединой власов,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса?

Скажи, куда уйдешь от скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ее румяных щек бранится на тебя? —
Пример достойнейший и дочери, и сыну!

Что усладит, скажи, без веры старика?
Что память доброго в прошедшем сохранила?
Что совесть... ты молчишь! беднее червяка,
Тебе постыла жизнь, тебя страшит могила!

Между 1814 и 1817

В АЛЬБОМ КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ

Сестрица! можно ли прелестную забыть?
За это Аполлон давно б мне выдрал уши;
Но красота стрелой велела прикрепить
Амуру к сердцу мне портрет моей Танюши.

Между 1814 и 1817

ПЕРЕВОДЧИКУ ДИОНА

(Экспромт)

Благодарю за переводы
Моих ритмических стихов!
От одного отца рожденные уроды
Ведут свой знатный род от двух теперь отцов.

Между 1814 и 1817

ЭПИТАФИЯ

Что жизнь его была? Тяжелый сон;
Что смерть? От грез ужасных пробужденье:
Впросонках улыбнулся он —
И снова, может быть, там начал сновиденье.

Между 1814 и 1817

МОИ ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА

Дитятей часто я сердился,
Игрушки, няньку бил;
Еще весь гнев не проходил,
Как я стыдился.

Того уж нет! и я влюбился,
Томленьем грудь полна!
Бывало, взглянет лишь Она —
И я стыдился.

Того уж нет! вот я женился
    На ветреной вдове;
Гляжу — рога на голове!
    Я застыдился.

Того уж нет! теперь явился
    В собранье с париком,
Что ж? — громкий смех над стариком.
    Тут я взбесился.

Между 1814 и 1817

ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Несвязный сон,
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,
То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

Между 1814 и 1817

К А. С. ПУШКИНУ

Как? житель гордых Альп, над бурями парящий,
Кто кроет солнца лик развернутым крылом,
Услыша под скалой ехидны свист шипящий,
Раздвинул когти врозь и оставляет гром?

Тебе ль, младой вещун, любимец Аполлона,
На лиру звучную потоком слезы лить,
Дрожать пред завистью и, под косою Крона
Склоняся, дар небес в безвестности укрыть?

Нет, Пушкин, рок певцов — бессмертье, не забвенье,
Пускай Армениус, ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член,

Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья,
И в малый сонм вступи божественных певцов.

И радостно тебе за Стиксом грянут лиры,
Когда отяготишь собою ты молву!
И я, простой певец Либéра и Темиры,
Пред Фебом преклоня молящую главу,

С благоговением ему возжгу куренье
И воспою: «Хвала, кто с нежною душой,
Тобою посвящен, о Феб, на песнопенье,
За гением своим прямой идет стезей!»

Чтó зависть перед ним, ползущая змеею,
Когда с богами он пирует в небесах?
С гремящей лирою, с любовью молодою
Он Крона быстрого и не узрит в мечтах.

Но невзначай к нему в обитель постучится
Затейливый Эрот младенческой рукой,
Хор смехов и харит в приют певца слетится,
И слава с громкою трубой.

Между 1814 и 1817 (?)

НАДПИСЬ К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Не бойся, Глазунов, ты моего портрета!
Не генеральский он, но сбудешь также с рук,
Зачем лишь говорить, что он портрет поэта!
С карикатурами продай его, мой друг.

Между 1814 и 1817

К А. М. Т...Й

Могу ль забыть то сладкое мгновенье,
Когда я вами жил и видел только вас,
И вальса в бешеном круженье
Завидовал свободе дерзких глаз?

Я весь тогда желал оборотиться в зренье,
Я умолял: «Постой, веселое мгновенье!
Пускай я не спущу с прекрасной вечно глаз,
Пусть так забвение крылом покроет нас!»

Между 1814 и 1817

БЛИЗОСТЬ ЛЮБОВНИКОВ

(Из Гёте)

Блеснет заря, и всё в моем мечтаньи
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда поток в молчаньи
Сребрит луна.

Я зрю тебя, когда летит с дороги
И пыль и прах,
И с трепетом идет пришлец убогий
В глухих лесах.

Мне слышится твой голос несравненный
И в шуме вод;
Под вечер он к дубраве оживленной
Меня зовет.

Я близ тебя; как не была б далеко,
Ты всё ж со мной.
Взошла луна. Когда б в сей тьме глубокой
Я был с тобой!

Между 1814 и 1817

К ЛИЛЕТЕ

(Зимой)

Так, всё исчезло с тобой! Брожу по колено в сугробах,
Завернувшись плащом, по опустелым лугам;
Грустный стою над рекой, смотрю на угрюмую сосну,
Вслушиваюсь в водопад, но он во льдинах висит,
Грозной зимой пригвожденный к диким, безмолвным гранитам;

Вижу пустое гнездо, ветром зарытое в снег,
И напрасно ищу певицу веселого мая.
«Где ты, дева любви? — я восклицаю в лесах. —
Где, о Лилета! иль позабыла ты друга, как эхо
Здесь позабыло меня голосом милыя звать.
Вечно ли слезы мне лить и мучиться в тяжкой разлуке
Мыслию: всё ль ты моя? Или мне встретить весну,
Как встречает к земле семейством привязанный узник,
После всех милых надежд, день, обреченный на казнь?
Нет, не страшися зимы! Я писал не слушаясь сердца,
Много есть прелестей в ней, я ожидаю тебя!
Наша любовь оживит все радости юной природы,
В воспоминаньи, в мечтах, в страстном сжимании рук
Мы не услышим с тобой порывистых свистов метели!
В холод согреешься ты в жарких объятьях моих
И поцелуем тоску от несчастного друга отгонишь,
Мрачную, с бледным лицом, с думою тихой в очах,
Скрытых развитыми кудрями, впалых глубоко под брови, —
Спутницу жизни моей, страсти несчастливой дочь».

Между 1814 и 1817

К АМУРУ

(Из Геснера)

Еще в начале мая
Тебе, Амур жестокий!
Я жертвенник поставил
В домашнем огороде
И розами и миртом
Обвил его, украсил.
Не каждое ли утро
С тех пор венок душистый
Носил тебе, как жертву?
А было всё напрасно!
Уж сыплются метели
По обнаженным ветвям, —
Она ж ко мне сурова,
Как и в начале мая.

Между 1814 и 1817

ДОСАДА

Как песенка моя понравилась Лилете
Она ее — ну целовать!
Эх, други! тут бы ей сказать:
«Лилета, поцелуй весь песенник в поэте!»

Между 1814 и 1817

ЦЕФИЗ

(Идиллия)

(И. А. Б....ому)

Мы еще молоды, Лидий! вкруг шеи кудри виются;
Рдеют, как яблоко, щеки, и свежие губы алеют
В быстрые дни молодых поцелуев. Но скоро ль,
не скоро ль,
Всё ж мы, пастух, состареемся; всё ж подурнеем,
а Дафна,
Эта шалунья, насмешница, вдруг подрастет и, как
роза,
Вешним утром расцветшая, нас ослепит красотою.
Поздно тогда к ней ласкаться, поздно и тщетно.
Вертушка
Вряд поцелует седых — и, локтем подругу толкая,
Скажет с насмешкою: «Взглянь, вот бабушкин милый
любовник!
Как же щеки румяны, как густы волнистые кудри!
Голос его соловьиный, а взор его прямо орлиный!»
— Смейся, — мы скажем ей, — смейся! И мы
насмехались, бывало!
Здесь проходчиво всё — одна непроходчива дружба!

«Здравствуй, здравствуй, Филинт! Давно мы с тобой
не видались!
Век не забуду я дня, который тебя возвратил мне,
Мой добродетельный старец! Милый друг, твои кудри
Старость не скупо осыпала снегом! Приди же к Цефизу;
Здесь отдохни под прохладою теней: тебя ожидают
Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!»

Так Цефиз говорил с младенчества милому другу,
Старца обнял, затвор отшатнул и ввел его в садик.

С груши одной Филинт плоды вкушал и хвалил их,
И Цефиз ему весело молвил: «Приятель, отныне
Дерево это твое; а я от холодной метели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой:
Пусть оно для тебя и цветет и плодом богатеет!»
Но — не Филинту оно и цвело, и плодом богатело:
В ту же осень он умер. Цефиз молил жизнедавца
Так же мирно уснуть, хоть и бедным, но добрым. Под грушей
Старца он схоронил и холм увенчал кипарисом.

Часто слыхал он, когда простирала луна от деревьев
Влажные, долгие тени, священное листьев шептанье;
Часто из гроба таинственный глас исходил — казалось,
Был благодарности глас он. И небо давало Цефизу
Много с тех пор и груш благовонных, и гроздий прозрачных.

Между 1814 и 1817

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Други, други! радость
Нам дана судьбой,
Пейте жизни сладость
Полною струей.

Прочь от нас печали,
Прочь толпа забот!
Юных увенчали
Бахус и Эрот.

Пусть трещат морозы,
Ветр свистит в окно,
Нам напомнит розы
С Мозеля вино.

Нас любовь лелеет,
Нас в младые дни,
Как весна, согреет
Поцелуй любви.

Между 1814 и 1817

К ФАНТАЗИИ

Сопутница моя златая,
    Сестра крылатых снов,
Ты, свежесть в нектар изливая,
    На пиршестве богов,
С их древних чёл свеваешь думы,
    Лишаешь радость крыл.
Склонился к чаше Зевс угрюмый
    И громы позабыл.

Ты предпочла меня, пиита,
    Толпе других детей!
Соломой хижина покрыта,
    Приют семьи моей,
Тобой, богиня, претворялась
    В очаро́ванный храм,
И у младенца разливалась
    Улыбка по устам.

Ты, мотыльковыми крылами
    Порхая перед ним —
То меж душистыми цветами,
    То над ручьем златым, —
Его манила вверх утеса
    С гранита на гранит,
Где в бездну с мрачного навеса
    Седой поток шумит.

Мечтами грудь его вздымала,
    И, свитые кольцом,
С чела открытого сдувала
    Ты кудри ветерком.
Пусть гул катился отдаленный,
    Дождь в листья ударял, —
Тобой, богиня, осененный
    Младенец засыпал.

Огни ночные, блеск зарницы,
    Падущей льдины гром
Его пушистые ресницы,
    Отягоще́нны сном,

К восторгам новым открывали
И к трепетам святым,
И в мраке свода ужасали
Видением ночным.

Заря сидящего пиита
Встречала на скалах,
Цветами вешними увита
И с лирою в руках.
Тобой, богиня, вдохновенный,
С вершин горы седой
Свирели вторил отдаленной
Я песнию простой:

«Что ты, пастушка, приуныла?
Не пляшешь, не поешь?
К коленам руки опустила,
Идешь и не поешь?
Во взоре, в поступи томленье,
В лице пылает кровь,
Ты и в тоске и в восхищеньи!
Наверно, то любовь?

Но ты закрылася руками!
Мне отвечаешь: нет!
Не закрывай лица руками,
Не отвечай мне: нет!
Я слышал, Хлоя, от пастушек,
Кто в нас волнует кровь,
Я слышал, Хлоя, от пастушек
Рассказы про любовь!»

Кругом свежее разливался
Цветов пустынный дух,
И проходящий улыбался
Мне весело пастух:
«Не улыбайся, проходящий
Веселый пастушок,
Не вечно скачет говорящий
С цветами ручеек,

Взгляни на бедного Дафниса,
Он смолк и приуныл!
Несчастного забыла Ниса,
Он Нису не забыл!»

Так ты, Фантазия, учила
Ребенка воспевать,
К свирели пальцы приложила,
Велела засвистать!
Невинный счастлив был тобою,
Когда через цветы
Вела беспечною рукою
Его, играя, ты.

Как сладко спящего покрыла
В последний раз ты сном
И грудь младую освежила
Махающим крылом.
Я вскрикнул, грезой устрашенный,
Взглянул — уж ты вдали,
Летишь, где неба свод склоненный
Падет на край земли.

С тех пор ты мчишься всё быстрее,
А всё манишь меня!
С тех пор прелестней ты, живее,
Уныл и томен я.
Жестокая, пустыми ль снами
Ты хочешь заменить
Всё, что младенчества я днями
Так мало мог ценить!

Кем ты, волшебница, явилась
Мне с утренней звездой,
И, застыдившись, приклонилась,
Обвив меня рукой,
К плечу прелестными грудями?
Скажи, кто окропил
Меня горячими слезами
И, скрывшись, пробудил?

Чей это образ несравненный?
Кто та, кем я дышу?
О ней, грозою окруженный,
На древе я пишу;
Богов усердными мольбами
Ее узреть молю.
Чего не делаешь ты с нами!
Увы, и я люблю.

Между 1814 и 1817

БОГИНЯ ТАМ И БОГ ТЕПЕРЬ

(К Савичу)

Прозаик милый,
О Савич мой,
Перед тобой,
Собравшись с силой,
Я нарисую,
Махнув пером,
Всегда младую,
С златым венцом,
С златою лирой
И по плечам
С златой порфирой,
Богиню *Там*.
Она витает
(Поверь ты мне)
В той стороне,
Отколь блистает,
При тишине
Лесов заглохших
И вод, умолкших
В покойном сне,
Предтеча Феба,
Камен царя,
В цветах заря.
Аврора неба,
Откинув дверь,
Там выпускает,
Но бог *Теперь*
Ее встречает

И зло кидает
К благим дарам.
Богиня ж *Там*,
Как ты, незлобна!
И не одной
Она душой
Тебе подобна,
Но тож мила
И весела,
И так прелестно
Как, Савич, ты
Поет мечты
О неизвестной
Дали́, дали́!
Внимай пиита:
Он чародей —
Судьбой открыта
Грядущих дней
Ему завеса,
Он от Зевеса
Богиню *Там*
Принял в подругу
Своим мечтам.
Тебе ж как другу
Принес от ней
О! сверток дней.
Ты прочитаешь
И в нем узнаешь,
Кто будешь впредь,
Но не краснеть
От слов пророка:
«По воле рока
Ты будешь петь,
Как ночью мая
Поет младая,
В тени древес,
Любви певица,
Когда царица
Ночных небес
Из вод катится
И мрачный лес
Не шевелится;

Когда ж в крови
Зажгутся муки
Святой любви,
То смело руки
Ты на клавир,
И слаще лир
Прольются звуки
Твоей души.
Тогда ж в тиши
Ты, одинокой,
В стихах пиши
Письмо к жестокой —
И ты поэт.
Прошепчет: «Нет»
Она сердито.
О, не беда!
Полуоткрытой
Верь, скажет: «Да!»
И ты, счастливый,
От городов
Уйдешь под кров
Домашней ивы,
Блаженный час!
О днях грядущих
Не суетясь,
В местах цветущих
Ты будешь жить
И воздух пить
С душистой розой.
Ты свежей прозой
Семьи простой
Опишешь радость,
Души покой,
И чувства сладость
Рассыплешь ты
На все листы».
О Савич милый!
То будет, верь,
Когда *Теперь,*
Сей бог унылый,
Богиню *Там*
Не повстречает,

Не примешает
К ее дарам
Полезной муки,
Слезы и скуки.

Между 1814 и 1817

ДИФИРАМБ

Други, пусть года несутся,
О годах не нам тужить!
Не всегда и грозди вьются!
Так скорей и пить, и жить!

Громкий смех над докторами!
При плесканьи полных чаш
Верьте мне, Игея с нами,
Сам Лиэй целитель наш!

Светлый Мозель восхищенье
Изливает в нашу кровь!
Пейте ж с ним вы мук забвенье
И болтливую любовь.

Выпили? Еще! Веселье
Пышет розой по щекам,
И беспечное похмелье
Уж манит Эрота к нам.

Между 1814 и 1817

ЖАВОРОНОК

Люблю я задумываться,
Внимая свирели,
Но слаще мне вслушиваться
В воздушные трели
Весеннего жаворонка!

С какою он сладостию
Зарю величает!
Томлением, радостию
Мне душу стесняет
Больную, измученную!

Весною раскованная
    Земля оживает,
И, им очарованная,
    Сильнее пылает
Любовью живительною.

Как ловит растерзанная
    Душа его звуки!
И, сладко утешенная,
    На миг забыв муки,
На небо не жалуется!

Между 1814 и 1817

ЭЛИЗИУМ ПОЭТОВ

За мрачными, Стигийскими брегами,
Где в тишине Элизиум цветет,
Минувшие певцы гремят струнами,
Их шумный глас минувшее поет.

Толпой века в молчании над ними,
Облокотясь друг нá друга рукой,
Внимают песнь и челами седыми
Кивают, бег воспоминая свой.

И изредка веками сонм почтенный
На мрачный брег за Эрмием грядет —
И с торжеством в Элизиум священный
Тень Гения отцветшего ведет.

Их песнь гремит: «Проклят, проклят богами,
Кто посрамил стихами муз собор!»
О, горе! он чугунными цепями,
Как Прометей, прикован к темю гор;

Вран зависти льет хлад в него крылами
И сердце рвет, и фурий грозный взор
Разит его: «Проклят, проклят богами!»
С шипеньем змей их раздается хор.

— О юноша с невинною душою,
Палладою и Фебом озарен,
Почто ступил ты дерзкою ногою
За Кипрою, мечтами ослеплен?

Почто, певец, когда к тебе стучалась
Прелестница вечернею порой
И тихо грудь под дымкой колебалась,
И взор светлел притворною слезой,

Ты позабыл твой жребий возвышенный
И пренебрег душевной чистотой,
И, потушив в груди огонь священный,
Ты Бахуса манил к себе рукой.

И Бассарей с кистями винограда
К тебе пришел, шатаясь на ногах.
С улыбкой рек: «Вот бедствиям отрада,
Люби и пей на дружеских пирах».

Ты в руки ковш — он выжал сок шипящий,
И Грация закрылася рукой,
И от тебя мечтаний рой блестящий
Умчался вслед невинности златой.

И твой удел у Пинда пресмыкаться,
Не будешь к нам ты Фебом приобщен!
Блажен, кто мог с невинностью пробраться
Чрез этот мир, возвышенным пленен.

Между 1814 и 1819

РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Кто ты, светлый сын небес!
Златокудрый, быстрокрылый?
Кто тебя в сей дикий лес,
Сей скалы в вертеп унылый,
Под обросший мхами свод,
К бездне, где с рожденья мира
С эхом гор поток ревет,
Приманил от стран эфира?

Что твой пламенник погас?
Что твой образ омрачился?
Что жемчуг скорбящих глаз
По щекам засеребрился?
Почему твое чело
Потемнело, развенчалось?
Или быстрое крыло
От паренья отказалось?

Не найдешь и на земле
Ты веселое жилище!
Вот, где розы расцвели, —
Там родное пепелище,
Там страна, где я расцвел,
Где, лелеемый мечтою,
Я любовь и радость пел,
Побежим туда со мною.

Смертный я, и в сих местах,
Посвященных запустенью,
Чувствую холодный страх,
Содрогаюся биенью
Сердца робкого в груди.
Здесь я как-то заблудился.
Добрый бог! со мной поди
К тем садам, где я родился.

Гений

Нет, туда мы не пойдем,
Там прольем мы только слезы,
То не твой уж светит дом,
Не твои блистают розы!
Там тебя отцу не ждать,
Там заботливо к порогу
Не подходит часто мать
И не смотрит на дорогу,

Там младенец имя брат
Лепетать не научился,
Чтоб отца внезапно взгляд
Прояснел и ослезился;

Там и резвый хоровод
Возле хижины пустынной
Не сестра твоя ведет
Песней звонкой и невинной, —

Рок привел к чужой стране
Челн с твоей семьей родимой.
Может, горести одне
Примут в пристань их незримо?
Может? Нет, ты обоймешь
(Будет веры исполненье!)
Мать, отца — всех, кем живешь,
С кем и муки — наслажденье!

А меня ужели ты
Не узнаешь? Я твой Гений,
Я учил тебя мечты
Напевать в домашней сени;
Сколько смертных — столько нас;
Мы, посланники Зевеса,
Охраняем, тешим вас
От пелен до врат Айдеса!

Но, любя, — ужель судьбе
Нам покорствовать не больно?
Не привязанный к тебе,
Я бы, неба житель вольный,
Полетел к родной стране,
К ним, к товарищам рожденья,
С кем в священной тишине
Я дохнул для наслажденья.

Вам страдать ли боле нас?
Вы незнанием блаженны,
Часто бездна видит вас
На краю, а напененный
С криком радости фиал
Обегает круг веселый,
Часто Гений ваш рыдал,
А коварный сын Семелы,

С Купидоном согласясь,
Вел, наставленный судьбою,
Вас, играя и смеясь,
К мрачной гибели толпою.
Будем тверды, перейдем
Путь тяжелых испытаний,
Там мы счастье обретем,
Там — в жилище воздаяний!

Между 1814 и 1817

К К. Т. В.

К чему на памятном листке мне в вас хвалить
Ума и красоты счастливое стеченье?
Твердить, что видеть вас уж значит полюбить
И чувствовать в груди восторги и томленье?
Забавно от родни такое восхищенье?
И это всё другой вам будет говорить!
Но счастья пожелать и доброго супруга,
А с ним до старости приятных, светлых дней —
Вот все желания родни и друга
Равно и для княжны и для сестры моей.

Между 1814 и 1817

ФАНИ

(Горацианская ода)

Мне ль под оковами Гимена
Всё видеть то же и одно?
Мое блаженство — перемена,
Я дев меняю, как вино.

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Чем с девой робкой и стыдливой
Случайно быть наедине,
Дрожать и миг любви счастливой
Ловить в ее притворном сне, —

Не слаще ли прелестной Фани
Послушным быть учеником,
Платить любви беспечно дани
И оживлять восторги сном?

Между 1814 и 1817

К МАЛЬЧИКУ

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров!
Принеси же осторожно
И скорей из погребов
В кубках длинных и тяжелых,
Как любила старина,
Наших прадедов веселых
Пережившего вина.

Не забудь края златые
Плющем, розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье,
Бахусом наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И в былое заглянуть.

Между 1814 и 1819

ХАТА

Скрой меня, бурная ночь! Заметай следы мои, вьюга,
Ветер холодный, бушуй вкруг хаты Лилеты прекрасной,
Месяц, свети — не свети, а дорогу, наверно, любовник
К робкой подруге найдет.

Тихо дверь отворись! О Лилета, твой милый с тобою,
Нежной, лилейной рукой ты к сердцу его прижимаешь;
Что же с перстом на устах, боязливая, смотришь на друга?
Или твой Аргус не спит?

Бог-утешитель, Морфей, будь хранителем таин Амура!
Сны, готовые нас разлучить до скучного утра,
Роем тяжелым скорей опуститесь на хладное ложе
Аргуса милой моей.

Нам ли страшиться любви! Счастливец, мои поцелуи
Сладко *ее* усыпят под шумом порывистым ветра;
Тихо пробудит *ее* с предвестницей юного утра
Пламенный мой поцелуй!

<1815>

ВАКХ

Прощай, Киприда, бог с тобою!
С фиалом счастлив я:
Двоих дружишь ты меж собою,
А Вакхом все друзья.

<1815>

К ТЕМИРЕ

Как птичка резвая, младая,
Ты под крылом любви растешь,
Мирских забот еще не зная,
Вертишься и поешь.

Но детство быстро унесется,
С ним улетит и твой покой,
И сердце у тебя забьется
Неведомой тоской.

Тщеславие тебя цветами
Прилежно будет убирать,
И много лет пред зеркалами
Придется потерять.

Здесь мода всеми помыкает,
Чернит, румянит и белит,
Веселых плакать заставляет,
Печальным петь велит.

И ты помчишься за толпою
В чертог блестящей суеты
И истинной почтешь красою
Поддельные цветы.

Но знай, что счастие на свете
Не в жемчугах, не <в>кружевах,
И не в богатом туалете,
А в искренних сердцах.

Цвети, Темира дорогая,
Богиня красотою будь,
В столице роскоши блистая,
Меня не позабудь!

<1815>

ТЛЕННОСТЬ

Здесь фиалка на лугах
С зеленью пестреет,
В свежих Флоры волосах
На венке краснеет.
Юноша, весна пройдет,
И фиалка опадет.

Розой, дева, украшай
Груди молодые,
Другу милому венчай
Кудри золотые.
Скоро лету пролететь,
Розе скоро не алеть.

Под фиалкою журчит
Здесь ручей сребристый,
С ранним днем ее живит
Он струею чистой.
Но от солнечных лучей
Летом высохнет ручей.

Тут, за розовым кустом,
Пастушок с пастушкой,
И Амур, грозя перстом:
«Тут пастух с пастушкой!
Не пугайте! — говорит, —
Миг — и осень прилетит!»

Там фиалку, наклонясь,
Девица срывает,
Зёфир, в волосы вплетясь,
Локоном играет, —
Юноша! краса летит,
Деву старость посетит.

Кто фиалку с розой пел
В радостны досуги
И всегда любить умел
Вас, мои подруги, —
Скоро молодой певец
Набредет на свой конец!

<1815>

К Т—ВУ

Еще в младые годы,
Бренча струной не в лад,
За пиндарские оды
Я музами проклят.
Подняв печально руки,
С надеждою в очах,
Познаний от науки
Я требовал в слезах.

Наука возвратила
Мне счастье и покой
И чуть не примирила
С завистливой судьбой.
Но я, неблагодарный,
(Чем тихомолком жить)
С улыбкою коварной
Стал дщерь ее бранить.

И, взявши посох в руки,
    На цыпочках, тишком
Укрылся от науки
    С затейливым божком.
Амур к младой Темире
        Зажег во мне всю кровь,
И я на томной лире
    Пел радость и любовь.

Простился я с мечтою,
    В груди простыла кровь,
А всё еще струною
    Бренчу кой-как любовь —
И в песнях дышит холод,
    В элегиях бомбаст;
Сатиров громкий хохот
    Моя на Пинде часть.

<1815>

ПОЛЯК

(Баллада)

Бородинские долины
    Осребрялися луной,
Громы на холмах немели,
И вдали шатры белели
    Омраченной полосой!

Быстро мчалися поляки
    Вдоль лесистых берегов,
Ива листьями шептала,
И в пещерах завывала
    Стая дикая волков.

Вот в развалинах деревня
    На проталине лежит.
Бурные, ночлег почуя,
Гривы по ветру волнуя,
    Искры сыпали с копыт.

И стучит поляк в избушку:
  «Есть ли, есть ли тут жилой?»
Кто-то в окнах шевелится,
И громчей поляк стучится:
  «Есть ли, есть ли тут жилой?»

— Кто там? — всадника спросила
  Робко девица-краса.
«Эй, пусти в избу погреться,
Буря свищет, дождик льется,
  Тьмой покрыты небеса!»

— Сжалься надо мной, служивый! —
  Девица ему в ответ, —
Мать моя, отец убиты,
Здесь одна я без защиты,
  Страшно двери отпереть! —

«Что красавице бояться?
  Ведь поляк не людоед!
Стойла конь не искусает,
Сбруя стопку не сломает,
  Стол под ранцем не падет».

Дверь со скрыпом отскочила,
  Озирается герой;
Сняв большую рукавицу,
Треплет красную девицу
  Он могучею рукой.

«Сколько лет тебе, голубка?»
  — Вот семнадцатый к концу!
— «А! так скоро со свечами,
Поменявшися кольцами,
  С суженым пойдешь к венцу!

Дай же выпить на здоровье
  Мне невесты с женихом.
До краев наполнись, чаша,
Будь так жизнь приятна ваша!
  Будь так полон здешний дом!»

И под мокрой епанчою
    Задремал он над ковшом.
Вьюга ставнями стучала,
И в молчании летала
    Стража польская кругом.

За гремящей самопрялкой
    Страшно девице одной,
Страшно в тишине глубокой
Без родных и одинокой
    Ей беседовать с тоской.

Но забылась — сон невольно
    В деве побеждает страх;
Колесо чуть-чуть вертится,
Голова к плечу клонится,
    И томленье на очах.

С треском вспыхнула лучина,
    Тень мелькнула на стене,
В уголку без покрывала
Дева юная лежала,
    Улыбаясь в тихом сне.

Глядь поляк — прелестной груди
    Тихим трепетом дышáт;
Он невольно взоры мещет,
Взор его желаньем блещет,
    Щеки пламенем горят.

Цвет невинности непрочен,
    Как в долине василек:
Часто светлыми косами
Меж шумящими снопами
    Вянет скошенный цветок.

Но злодей! чу! треск булата —
    Слышь — «К ружью!» — знакомый глас,
Настежь дверь — как вихрь влетает
В избу русский — меч сверкает...
    Дерзкий, близок мститель-час!

Дева трепетна, смятенна,
    Пробудясь, кидает взгляд;
Зрит: у ног поляк сраженный
Из груди окровавленной
Тащит с скрежетом булат.

Зрит, сама себе не верит —
    Взор восторгом запылал:
«Ты ль, мой милый?» — восклицает,
Русский меч в ножны бросает,
    Девицу жених обнял!

<1815>

К ДОРИДЕ

Дорида, Дорида! любовью всё дышит,
Всё пьет наслажденье с притекшей весной:
Чуть зёфир, струяся, березу колышет,
И с берега лебедь понесся волной
К зовущей подруге на остров пустынный,
Над розой трепещет златой мотылек,
И в гулкой долине любовью невинной
Протяжно вздыхает пастуший рожок.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
Мне платишь за слезы и муки любви!
Вглядись в мою бледность, в мой взор помраченный:
По ним ты узнаешь, как в юной крови
Свирепая ревность томит и сжигает!
Не внемлет... и в плясках, смеясь надо мной,
Назло мне красою подруг затемняет
И узников гордо ведет за собой.

1815

К К. Г.

Здравия полный фиал Игея сокрыла в тумане,
    Резвый Эрот и хариты с тоскою бегут от тебя:
Бледная тихо болезнь на ложе твое наклонилась,
    Сон сменяется стоном, моленьем друзей тишина.

Тщетно ты слабую длань к богине младой простираешь,
Тщетно — не внемлет Игея, молчит, свой целительный взор
Облаком мрачным затмила, и Скорбь на тебя изливает
С колкой улыбкою злобы болезни и скуки сосуд.

Юноша! что не сзовешь веселий и острого Мома?
С ними Эрот и хариты к тебе возвратятся толпой;
Лирой, звенящею радость, отгонят болезни и скуку
И опрокинут со смехом целебный фиал на тебя.

Дружба даст помощи руку; Вакх оживит твои силы;
Лила невольно промолвится, скажет, краснея, «люблю»,
С трепетом тайным к тебе прижимаясь невинною грудью,
И поцелуй увенчает блаженное время любви.

1815

ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отвился от матери, —

Тот в советах не мудрствует; на́ стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым;

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия
Удивлённой толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассевает от взоров, — и в юности

Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815 (?)

ДИФИРАМБ

(1816. 15 АПРЕЛЯ)

Либер, Либер! я шатаюсь,
Всё вертится предо мной;
Дай мне руку — и с землей
Я надолго распрощаюсь!

Милый бог, подай бокал,
Не пустой и не с водою, —
Нет, с той влагой золотою,
Чем я горе запивал!

Зол Амур, клянусь богами!
Зол, я сам то испытал:
Святотатец, разбавлял
Он вино мое слезами!

Говорят: проказник сам —
Лишь вино в бокал польется —
Присмиреет, засмеется
И хорош бывает к нам!

Так пои его ты вечно
Соком радостным твоим,
Царствуй, царствуй в дружбе с ним,
Возврати нам мир сердечный!

Как в то время я напьюсь,
В честь твою, о краснощекой!
Как я весело с жестокой,
Как я сладко обнимусь!

НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Державин умер! чуть факел погасший дымится,
о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
Их кудри упали развитые в беспорядке на груди,
Их персты по лирам не движутся, голос в устах
исчезает!
Амура забыли печальные, с цепью цветочною скрылся
Он в диком кустарнике, слезы катятся по длинным
ресницам,
Забросил он лук и в молчаньи стрелу об колено
ломает;
Мохнатой ногой растоптал свирель семиствольную
бог Пан.
Венча́н осоко́ю ручей убежал от повергнутой урны,
Где Бахус на тигре, с толпою вакханок и древним
Силеном,
Иссечен на мраморе — тина льется из мраморной
урны, —
И на руку нимфа склонясь печально плескает струею!

Державин умер! чуть факел погасший дымится,
о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом
рыдают!
Веселье в Олимпе, Вулкан хромоногий подносит
бессмертным
Амврозию, нектар подносит Зевесов прелестный
любимец.
И каждый бессмертный вкушает с амврозией сладостный
нектар,
И, отворотясь, улыбается Марсу Венера. И вижу
В восторге я вас, полубоги России. Шумящей толпою,
На копья склонясь, ожиданье на челах, в безмолвьи
стоите.
И вот повернул седовласый Хрон часы, вот пресекли
Суровые парки священную нить — и восхитил к Олимпу
Святого певца Аполлон при сладостной песне
бессмертных:
«Державин, Державин! хвала возвышѐнным поэтам!
восстаньте,

Бессмертные, угостите бессмертного; юная Геба,
Омой его очи водою кастальскою! вы, о хариты,
Кружитесь, пляшите под лиру Державина! Долго
не зрели
Небесные утешенья земли и Олимпа, святого пиита».
И Пиндар узнал себе равного, Флакк — философа-брата
И Анакреон нацедил ему в кубок пылающий нектар.
Веселье в Олимпе! Державин поет героев России.

Державин умер! чуть факел погасший дымится,
о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают.
Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях кипариса,
При самом рожденьи певец получил ее в дар от Эрмия.
Сам Эрмий уперся ногой натянуть на круг черепахи
Гремящие струны — и только в часы небесных восторгов
Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные персты.
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто,
Пушкин?!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели,
счастливец,
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за друга молю вас, камены!
Любите младого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные пéрсты!
Но и в старости грустной пускай он приятно на лире,
Гремящей сперва, ударяя — уснет с исчезающим звоном!

Июль 1816

ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ

(К Платону)

Всё изменилось, Платон, под скипетром старого Хрона:
Нет просвещенных Афин, Спарты следов
не найдешь,
Боги покинули греков, греки забыли свободу,
И униженный раб топчет могилу твою!

1816

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИКОВ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

1-й голос

О матерь! вняли мы призванью,
Кипит в груди младая кровь!
Длань крепко съединилась с дланью,
Связала их к тебе любовь.

Мы дали клятву: всё родимой,
Всё без раздела — кровь и труд.
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд.

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

2-й голос

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас юных съединил
И в сем святом уединеньи
На службу музам посвятил!

Прими ж теперь не тех веселых
Беспечной радости друзей,
Но в сердце чистых, в правде смелых,
Достойных благости твоей.

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

3-й голос

Благословите положивших
В любви отечеству обет!
И с детской нежностью любивших
Вас, други наших резвых лет!

Мы не забудем наставлений,
Плод ваших опытов и дум,
И мысль об них, как некий гений,
Неопытный поддержит ум.

Хор

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

4-й голос

Друг нá друге остановите
Вы взор с прощальною слезóй!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,

То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет.
В несчастье — гордое терпенье,
И в счастье — всем равно привет!

Финал

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Апрель или май 1817

К ПУЩИНУ

(В альбом)

Прочтя сии разбросанные строки
С небрежностью на памятном листке,
Как не узнать поэта по руке,
Как первые не вспомянуть уроки
И не сказать на дружеском столе:
«Друзья, у нас есть друг и в Хороле!»

Май 1817

К А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(В альбом)

Пока поэт еще с тобой,
Он может просто, не стихами,
С твоей беседовать судьбой,
Открытой пред его глазами.

Но уж пророчественный глас
Мне предсказал друзей разлуку,
И Рок в таинственную руку
Уж забрал жребии для нас.

Готовься ж слышать предвещанья,
Страшись сей груди трепетанья
И беспорядка сих власов!

Всё, всё грядущее открою!
Читай, — написаны судьбою
Вот строки невидимых слов.
. . . .
. . . .

Май 1817

К ШУЛЬГИНУ

Прощай, приятель! От поэта
Возьми на память пук стихов.
Бог весть, враждебная планета
В какой закинет угол света

Его, с младых еще годов
Привыкшего из кабинета
Не выставлять своих очков?
Бог весть, увидим ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Как обнимусь тогда с тобой!
Рука сама отыщет руку,
Чтоб с той же чистою душой —
Но, может быть, испившей муку —
Схватить ее и крепко сжать!
Как дружных слов простому звуку
Мне будет весело внимать!
Ты, может быть!.. но что мечтами,
Что неизвестным мучить нас?
Мне ль спорить дерзко со слезами,
Потечь готовыми из глаз?
Что будет — будет! с небесами
Нельзя нам спорить, милый друг!
Останься ж с этими стихами
До первого пожатья рук.

Май 1817

К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

И будет жизнь не в жизнь и радость мне не в радость,
Когда я дни свои безвестно перечту
И столь веселым мне блистающую младость,
С надеждами, с тоской оставлю как мечту.
Когда как низкий лжец, но сединой почтенный,
Я устыжусь седин, я устыжусь тебя,
Мой друг, вожатый мой в страну, где, ослепленный,
Могу, как Фаэтон, я посрамить себя;
Когда о будущем мечтаний прежних сладость
Не усладит меня, а будет мне в укор —
И, светлый, гаснущим и робким взглянет взор,
Тогда и жизнь не в жизнь и младость мне не в младость!

И будет жизнь не в жизнь и младость мне не в младость,
Когда души моей любовь не озарит

И, сотворенная мне в счастие и радость,
Не принесет мне их, а сердце отравит.
Когда младой груди я видел трепетанье,
Уст слышал поцелуй, ловил желанья глаз,
И не завидуя, счастливый в ожиданье,
Когда, измученный, не буду знать я вас, —
Тогда к чему мне жизнь, к чему мне в жизни младость,
И в младости зачем восторги и мечты?
Я для того ль срывал их вешние цветы,
Чтоб жизнь была не в жизнь и радость мне не в радость?

Май 1817

ТРИОЛЕТ К. ГОРЧАКОВУ

Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо,
Звездами, почестьми гордясь!
Тебе желаю, милый князь,
Видать любовь от черных глаз:
То для тебя, ей-ей, не диво.
Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо!

Май 1817

К ДРУЗЬЯМ

Я редко пел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царский сад, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной забавлялась
Проказница фантазия моя,
И со струной струна перекликалась,
В согласный звон сливаясь под рукой, —
И вы, друзья, талант любили мой.

Все ж песни вам от сельского поэта!
Любите их за то хоть, что мои.
Бог весть куда умчитесь в шуме света
Все вы, друзья, все радости мои!

И, может быть, мечты моей Лилета
Там будет мне мучением любви;
А дар певца, лишь вам в пустыне милый,
Как василек, не доцветет унылый.

Май 1817

В АЛЬБАУМ

Не мило мне на новоселье,
Здесь всё увяло, там цвело,
Одно и есть мое веселье —
Увидеть Царское Село!

— Что ты, цветочек, увядаешь,
Мной сорванный с родных полей?
Иль, гость весенний, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! — Благоухаешь
Ты в злате Лилиных кудрей!

— «О кудри мягки, их дыханье
Благоуханней пышных роз;
Но в злате их мне жизнь — страданье,
А счастье там, где я возрос!»

— Цветок мой, тише! Сколько Лилой
Потратится жемчужных слез,
Когда сей жалобе унылой
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалок мне, цветочек милый!
— «Что сожалеть! Зачем срывать!»

Май 1817 (?)

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817—1831 ГОДОВ

А. С. ПУШКИНУ

(ИЗ МАЛОРОССИИ)

А я ужель забыт тобою,
Мой брат по музе, мой Орест?
Или нельзя снестись мечтою
До тех обетованных мест,
Где я зовуся *чернобривым,*
Где девы, климатом счастливым
Воспитанные в простоте,
(Посмейся мне!) не уступают
Столичным дамам в красоте,
Где взоры их мне обещают
Одну веселую любовь,
Где для того лишь изменяют,
Чтобы пленить собою вновь? —
Как их винить? — Сама природа
Их баловница на полях;
Беспечных мотыльков свобода,
Разнообразие в цветах
И прелесть голубого свода,
В спокойных влитого водах,
Лежащих в шумных камышах,
И яблонь тихая прохлада,
И лунных таинство ночей,
Когда любовник в мраке сада
Ждет умирание огней,
Когда душа его томится
И ожиданьем и тоской,
И даже ветерка страшится

И свиста иволги лесной —
Всё манит здесь к изменам, к неге,
Всё здесь твердит: «Чета любви!
Любовь летит — лови, лови!»

Но в тряской, скачущей телеге,
Мой друг, приятно ли мечтать?
И только мысль: тебя обнять,
С тобой делить вино, мечтанья
И о былом воспоминанья —
Меня в ней может утешать.

1817

ПРИЗВАНИЕ

Дева, дева! в сень дубровы,
К речке, спящей в камышах,
Приходи: Эрот суровый
Мне уж в трех являлся снах!

Две стрелы спустил он с лука
К двум противным сторонам —
Знаю, нам грозит разлука,
Сердце верит вещим снам.

Скоро ль тяжкие мученья
Усладишь лобзаньем ты
И мгновеньем наслажденья
Утолишь мои мечты?

Друг, поверь, что я открою:
Время с крыльями! — лови!
Иль оно умчит с собою
Много тайного в любви!..

Бойся строгого Гимена!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена
Быть в венке и под венцом.

1817

* * *

В сей книге, в кипе сей стихов
Найдут следы моих мечтаний,
Которые, как жизнь блестящих мотыльков,
Как сны волшебные младенческих годов,
Исчезли — а меня с толпой забот, страданий
Оставили бороться одного.
Я благодарен вам, о боги! ничего
Не нужно для моих умеренных желаний.
Я много получил, чтобы в родной стране,
Трудяся, сча́стливой предаться тишине:
Спокойствие души, запас воспоминаний
И бедный к песням дар, но *вами ж данный мне.*

13 ноября 1818

К Е. А. КИЛЬШТЕТОВОЙ

Я виноват, Елена! перед вами,
Так виноват, что с вашими глазами
Не знаю, как и встретиться моим!
А знаете ль, как это больно им?
Ах, для меня на свете всё постыло,
Коль не глядеть на то, что сердцу мило,
Коль свежих уст улыбку не поймать,
Мелькнувшую по вспыхнувшим ланитам,
И грудь под дымкою не наблюдать,
Какую бы, скажу назло пиитам,
Дай бог иметь и греческим харитам.
Подумайте ж, как трудно мне лишать
Свои глаза тех сладостных мгновений,
Когда б они *на вас могли* взирать
И ваших ждать, как божьих, повелений.
А как велеть медлительной руке
Всё уписать на памятном листке,
О чем всегда я мыслю и мечтаю,
Что сам себе за тайну поверяю!
Нет, не могу, Елена! Пусть иной
Вас назовет богинею весной,
Иль Душенькой, или самой Венерой;
Пускай он, слух обворожая наш,

Опишет вас прекрасной, страстной мерой!
И сей портрет не будет верно ваш!
Вы на богинь не схожи, не жалейте!
Тщеславия пустого не имейте
Похожей быть на мрамор! Фидий сам
Признался бы, что он подобной вам
Обязан был прелестным идеалом
Своих богинь. Их вера покрывалом
Задернула и освятил обман,
И окружен был чернью истукан.
И, может быть, виновница их славы
Ходила тож просить богинь забавы,
Чтобы всегда был Фидий верен ей.
Тебя ль забыть! Ты красоте своей,
А не мольбе обязана, гречанка.
И милая, младая россиянка
Захочет ли, чтоб кто ее сравнил,
И в похвалу, с ее ж изображеньем?
Куда бы я попал с таким сравненьем?
Нет, хорошо, что вас я не хвалил!

1818

МОЯ ХИЖИНА

Когда я в хижине моей
Согрет под стеганым халатом,
Не только графов и князей —
Султана не признаю братом!
Гляжу с улыбкою в окно:
Вот мой ручей, мои посевы,
Из гроздий брызжет тут вино,
Там птиц домашних полны хлевы,
В воде глядится тучный вол,
Подруг протяжно призывая, —
Всё это в праздничный мой стол
Жена украсит молодая.

А вы, моих беспечных лет
Товарищи в весельи, в горе,
Когда я просто был поэт

И света не пускался в море —
Хоть на груди теперь иной
Считает ордена от скуки,
Усядьтесь без чинов со мной,
К бокалам протяните руки,
Старинны песни запоем,
Украдем крылья у веселья,
Поговорим о том о сем,
Красноречивые с похмелья!

Признайтесь, что блажен поэт
В своем родительском владенье!
Хоть на ландкарте не найдет
Под градусами в протяженье
Там свой овин, здесь огород,
В ряду с Афинами иль Спартой;
Зато никто их не возьмет
Счастливо выдернутой картой.

1818

ОСЕННЯЯ КАРТИНА

Когда земля отдаст плоды
Трудов зимы, весны и лета,
И, желтой мантией одета,
Везде печальные следы
Являет роскоши минувшей,
Подобно радости мелькнувшей
Быстрее молнии небес;
Когда вершиной черный лес,
Шумя, качает над туманом
И, запоздалый, с океаном
Усталый борется пловец,
Тебе, Нептун, дает обеты,
Чтоб не испить с струею Леты
Отрады горестных сердец. —
Я на коне скачу ретивом
И по горам и по полям,
И вихрем веселюсь игривым,
Который мчится по степям,

Из-под копыт с листом и прахом;
И селянин его, со страхом
Под вечер торопясь домой,
Бродящей тенью почитает,
Которую Харон седой
В Аидов дом не пропускает;
Ее протяжный слышен вой,
Он погребенья умоляет.

1818

К ИЛЛИЧЕВСКОМУ
(В СИБИРЬ)

Я благотворности труда
Еще, мой друг, не постигаю!
Лениться, говорят, беда, —
А я в беде сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чем забогился вчера.
Мне иногда твердят: «Пора
Сдавить стихи твои станками,
Они раскупятся друзьями,
Друзья им прокричат: *ура!*
Веселые за полной чашей.
Тогда, суда́рь, от славы вашей,
Или от вашего вина
Заговорит вся сторона
От Бельта до Сибири скучной,
Куда с запиской своеручной
Пошлете другу толстый том».
Всё хорошо, но я не в том
Свое блаженство полагаю:
За стих не ссорюся с умом,
А рифму к рифме приплетаю,
Лениво глядя за пером.
Напишет мне — я прочитаю!
Я прочитаю их друзьям:
Люблю внимать я похвалам,
Когда их похвалы достоин.
И я слыхал, худой тот воин,
Кто быть не думает вождем!

Так мыслю я, меж тем пером
Мешая истину с мечтами,
Почти забыл, что мы с тобой
Привыкли говорить сердцами, —
Забыл, что друг далекий мой,
Прочтя мою систему лени,
Но неизвестный о друзьях,
По почте мне отправит пени
Наместо нежных уверений,
Что он и в дальних тех странах
Своих друзей не забывает,
Где мир, дряхлеющий во льдах,
Красою дикой поражает;
Что, как мелькнувшая весна
Там оживляет всё творенье,
Так о друзьях мечта одна
Его приводит в восхищенье,
Его уносит в светлый край
Златых надежд, воспоминаний,
Где нет забот, где нет страданий
И слова грозного: *прощай!*
Будь счастлив, друг! не забывай
Веселых дней очарованья
И резвых спутников твоих!
Вот непритворные желанья
Далекому от круга их,
От круга радости веселой,
Где дружба нас и сын Семелы
Привыкли часто собирать,
Где можно все заботы света
С мундиром, с фраком скидавать,
Без лести похвалить поэта
И обо всем потолковать.

1818

УТЕШЕНИЕ БЕДНОГО ПОЭТА

Славы громкой в ожиданьи
Много я терплю,
Но стихов моих собранье
Всё хранить люблю.

Мне шепнули сновиденья:
«Закажи ларец,
Спрячь туда свои творенья
И залей в свинец!

Пусть лежат! чрез многи лета,
Знай, придет пора,
И четыре факультета
Им вскричат: „ура!"»

Жду и верю в исполненье!
Пролетят века,
И падет на их творенье
Времени рука.

Пышный город опустеет,
Где я был забвен,
И река позеленеет
Меж упадших стен.

Суеверие духа́ми
Башни населит,
И с упадшими дворцами
Ветр заговорит.

Но напрасно сожаленье!
Здесь всему черед!
И лапландцев просвещенье
Весело блеснет.

К нам ученые толпою
С полюса придут
И счастливою судьбою
Мой ларец найдут.

В Афинее осторожно
Свиток разверня,
Весь прочтут и сколь возможно
Вознесут меня:

«Вот Дион, о, сам Гораций
Подражал ему!
А Лилета дело граций,
Образец уму!»

Сколько прений появится:
Где, когда я жил,
Был ли слеп, иль мне родиться
Зрячим бог судил?

Кто был Лидий, где Темира
С Дафною цвела,
Из чего моя и лира
Сделана была?

Други, други, обнимите
С радости меня,
Вы ж, зоилы, трепещите, —
Помните, кто я.

<1819>

ЭПИТАФИЯ

(Экспромт)

Прохожий! здесь лежит философ-человек,
Он про́спал целый век,
Чтоб доказать, как прав был Соломон,
Сказав: «Всё суета! всё сон!»

<1819>

ПЕСНЯ

Как ни больно сердца муки
Схоронять в груди своей,
Но больнее в час разлуки
Не прижать родную к ней,

Не услышать слово «милый»,
Не понять понятный взгляд

И мучений ждать уныло
Вместо всех себе наград.

Всё ж не больно, есть больнее,
Чем страдаю, чем терплю!
Я б хотел любить нежнее,
Некому ж сказать «люблю».

Сердце ищет разделиться,
Но кого и где найти?
Как слезам из глаз не литься,
Как цветку не отцвести?

<1819>

В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНЬЯ

С годом двадцать мне прошло!
Я пирую, други, с вами,
И шампанское в стекло
Льется пенными струями.
Дай нам, благостный Зевес,
Встретить новый век с бокалом!
О, тогда с земли без слез,
Смерти мирным покрывалом
Завернувшись, мы уйдем
И за мрачными брегами
Встретясь с милыми тенями,
Тень *Аи* себе нальем.

6 августа 1819

Е. А. Б...ВОЙ
(ОТСЫЛАЯ ЕЙ ЗА ГОД ПРЕД ТЕМ ДЛЯ НЕЕ ЖЕ НАПИСАННЫЕ СТИХИ)

Когда Амур еще был вашим богом
И грации вас кликали сестрой,
Когда самой Психее красотой
Вы уступить могли, ей-ей! не в многом, —

Я как поэт, как важной музы жрец,
Лишь истине и красоте служащий,
Дерзал вас петь и свежестью блестящий
Вам из цветов парнасских плел венец,
И, признаюсь, я часто в восхищеньи
Вас представлял читающих тайком
Мои стихи в безмолвном умиленьи,
И жадно ждал, когда своим певцом
Счастливого меня вы назовете
И уголок мне в сердце отведете!
Я так мечтал! Вдруг добрый Гименей
Сменил у вас повесу Купидона,
И от харит вас приняла Юнона, —
Я в радости возжег мастики ей
(Хотя не так люблю я эту даму:
Не стыдно ли ей к мужу ревновать?)
И написал притом эпиталаму.
Но вот беда! мне страшно показать
Вам прежние стихи мои, Елена!
Что, если ваш супруг, хоть он поэт
(Но у меня к женатым веры нет),
Вообразит, что я согнул колена,
Как влюбчивый пред вами Селадон!
Нет, можно ли, чтоб так ошибся он?
Мне нечего поэта опасаться!
Я вас предам потомству, хоть в мечте:
Он знает, мы привыкли поклоняться
Как божествам уму и красоте.

1819

К ЕВГЕНИЮ

За то ль, Евгений, я Гораций,
Что пьяный, в миртовом венке,
Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке,
И что друзей люблю — старинных,
А жриц Венеры — молодых;

Нет, лиру высоко настроя,
Не в силах с музою моей

Я славить бранный лавр героя
Иль мирные дела судей —
Мне крыльев не дано орлиных
С отверстым поприщем для них.

К тому ж напрасно муза ищет
Теперь героев и судей!
Домон бичом отважно хлыщет
По стройному хребту коней,
А Клит в объятиях Цирцеи
Завялою душою спит.

Кого ж мне до вершин Парнаса,
Возвыся громкий глас, возвесть?
Иль за ухо втащить Мидаса
И смех в бессмертных произвесть?
Вернее в храме Цитереи,
Где сын ее нам всем грозит,

Благоуханной головою
Поникнув, Лидии младой
Приятно нежить слух игрою,
Воспеть беспечность и покой,
И сладострастия томленье,
И пламенный восторг любви,

Покинуть гордые желанья,
В венок свой лавров не вплетать
И в час веселого мечтанья
Тихонько Флакку подражать
В науке дивной, в наслажденьи
И с ним забавы петь свои.

1819

* * *

Друзья, поверьте, не грешно
Любить с вином бокал:
Вино на радость нам дано —

Царь Соломон сказал.
Будь свят его закон!
Солгать не смел ты так в Библии дерзко,
Мудрец и певец Соломон!

Что ж Соломону вопреки
Глупцы вино бранят?
Простить им можно: дураки
Не знают, что творят.
Таков второй закон!
Хмельной, забыл о нем в Библии, верно,
Мудрец и певец Соломон.

Любил плясать король Давид,
А что же Соломон?
Он о прыжках не говорит;
Вино всё хвалит он!
Великий Соломон!
Друзья! признайтеся, в Библии точно
Мудрец и певец первый он.

1819

ВИДЕНИЕ

(Кюхельбекеру)

В священной роще я видел прелестную
В одежде белой и с белою розою
На нежных персях, дыханьем легким
Колеблемых;

Венок увядший, свирель семиствольная
И посох деву являли пастушкою;
Она сидела пред урною, из-
ливающей

Источник светлый, дриад омовение, —
По плечам кудри, свиваяся, падали.
«Кто ты? — я думал, — откуда, гостья
Небесная?

Не ты ли радость, любимица Зевсова?
Но ты уныла! Не ты ли Фантазия,
    Подруга граций и муз, о небе
        Поющая?

Иль, может, призрак, душа отлученная
От нашей жизни, впоследнее слушаешь
    И шепот листьев, и плеск и лепет
        Источника?»

Но взор желанья, на волны потупленный,
Но вера в счастье беспечность невинности
    В простых движеньях, в лице являясь,
        Прелестную

Моею звали сестрой по созданию.
Вдали за рощей и девы и юноши
    Хвалили Вакха и в хороводах
        Кружилися;

Сатиры, фавны, в порывах неистовых,
Делили с ними земные веселия
    И часто, в рощу вбежав, над девой
        Смеялися.

Она в молчаньи фиалки и лилии
В венок вплетала. О други, поверите ль,
    Какое чудо в очах поэта
        Свершилося!

Еще восторги во мне не потухнули,
Священный ужас томит меня, волосы
    Дрожат, я слышу, глаза не видят,
        Не движутся.

Вотще манила толпа, упоенная
И негой страсти и жизнию младости,
    Во храм роскошный златой Киприды
        Невинную!

Она молчала, не зрела, не слушала!
Вдруг ужас, смертным доселе неведомый,
Погнал от рощи непосвященных,
И амброю

Древа дохнули, запели пернатые,
Источник стихнул, и всё обновилося,
Все отозвалось мне первым утром
Создания,

Прекрасным мигом рожденья Кипридина
Из недр Фетиды, Олимпом ликующим,
Когда с улыбкой Зевес внимает
Гармонии.

И ждал я чуда в священном безмолвии!
Вдруг дева с криком веселья воспрянула,
Лазурный облак над ней, расстлавшись,
Заискрился,

Одежда ярким сияньем осыпалась,
К плечам прильнули крыле мотыльковые,
И Эрос[1] принял ее в объятья
Бессмертные!

Всё небо плеском созданья откликнулось,
Миры и солнца в гармонии по́плыли,
И все познали Хаос улыбкой
Разгнавшего,

---

[1] *Эрос* — любовь, первый и древнейший бог греческой мифологии, создатель вселенной, не имеющий начала, и отец всех богов. Мы встречаем в стихотворцах, и особенно в философах Александрийской школы, другого еще Эроса, сына, а иногда брата Венеры Урании, бога чистой любви, которого не должно смешивать с Купидоном, греческим Приапом, известным из творений новейших поэтов под названием Амура, Эрота и Цифрепора. Здесь оба божества слиты в одно, как то часто случается у поэтов греческих, например Гелиос и Аполлон, Немезида и Диана нередко означают разных, нередко одних и тех же богов и богинь.

Любовь, связь мира, дыханье бессмертия,
Тебя познали, начала не знающий,
О Эрос! счастье, воздатель чистой
Невинности.

Ты видел в юной любовь непорочную,
Желанье неба, восторгов безоблачных,
Души, достойной делиться с нею
Веселием;

И тщетно взором искал между смертными
Ты ей по сердцу и брата, и равного!
Вотще! Для неба цветет в сей жизни
Небесное!

Метатель грома здесь сеет высокое,
Святое — музы, ты ж, дивной улыбкою
Миры создавший, — красу, невинность
И радости!

Лишь ты небесный супруг непорочности!
С тобой слиявшись, она упоенная
В эфире скрылась! Тебя я славлю,
Божественный.

1819 или 1820

НАДПИСЬ

НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИНСКОГО МЕРКУРИЯ

Перст указует на даль, на главе развйлися крылья,
Дышит свободою грудь; с легкостью дивною он,
В землю ударя крылатой ногой, кидается в воздух...
Миг — и умчится! Таков полный восторга певец.

1819 или 1820

КУПИДОНУ

Сидя на льве, Купидон будил радость могущею лирой,
И африканский лев тихо под ним выступал.
Их ваятель узрел, ударил о камень — и камень
Гения сильной рукой в образе их задышал.

1819 или 1820

ХОР

ИЗ КОЛИНОВОЙ ТРАГЕДИИ «ПОЛИКСЕНА»

Ге́лиос, Ге́лиос!
Там в беспредельности моря
Снова подъемлешь главу
В блеске лучей.
Горе мне, горе!
Снова я плачу
В сретенье бога!
Через пучину —
С тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стенания!

Смолкните, смолкните
Вы, растерзанной груди
Муки жестокие!
Пленнице мне
Горе, горе!
Скоро укажет мне
Грозной рукою грек,
Скоро сокроется
Берег священный отечества!

Троя! Троя!
Ты не эллинами
Ринута в прах,
«Гибель, гибель!» —
Было грозных бессмертных
Вечное слово.
Пала — отгрянул Восток,
Запад содро́гнулся.

Троя! Троя!
Феба любимица,
Матерь воителей,
Жизнью кипевшая!
Ныне — пустыня, уголь, прах,
Ныне — гроб!
Плачьте, о пленницы!
Ваших супругов гроб,
Ваших детей!
Выплачьте горькую,
Выплачьте жизнь вы слезами!
Рок ваш: плакать, плакать,
К долу прилечь,
Умереть!

1819 или 1820

ПОЭТ

Что до богов? Пускай они
Судьбами управляют мира!
Но я, когда со мною лира,
За светлы области эфира
Я не отдам златые дни
И с сладострастными ночами.
Пред небом тщетными мольбами
Я не унижуся, нет, нет!
В самом себе блажен поэт.

Всегда, везде его душа
Найдет прямое сладострастье!
Ему ль расслабнуть в неге, в счастье?
Нет! взгляньте: в бурное ненастье,
Стихий свободою дыша,
Сквозь дождь он город пробегает,
И сельский Аквилон играет
На древних дикостью скалах
В его измокших волосах!

Познайте! Хоть под звук цепей
Он усыплялся б в колыбели,

А вкруг преступники гремели
Развратной радостию в хмѐли, —
И тут бы он мечте своей
Дал возвышенное стремленье,
И тут бы грозное презренье
Пороку грянуло в ответ,
И выше б Рока был Поэт.

<1820>

УСПОКОЕНИЕ

В моей крови
Огонь любви!
Вотще усилья,
Мой Гиппократ!
Уж слышу — крылья
Теней шумят!
Их зрю в полете!
Зовут, манят —
К подземной Лете,
В безмолвный ад.

<1820>

ПЕРЕВОДЧИКУ ВЕРГИЛИЯ

Ты переводчик, я читатель,
Ты усыпитель — я зеватель.

<1820>

Ф. Н. ГЛИНКЕ
(ПРИСЫЛАЯ ЕМУ ГРЕЧЕСКУЮ АНТОЛОГИЮ)

Вот певцу Антология, легких харит украшенье,
Греческих свежих цветов вечно пленяющий пух!
Рви их, любимец богов, и сплетай из них русским Каменам
Неувядаемые, в Хроновом царстве, венки.

<1820>

ЕВГЕНИЮ

Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела),
Когда мы с Амуром и Вакхом
Тихо, но смело прокралися в терем Лилеты? И что же!
Бессмертные нам изменили!

К чаше! герои Киприды вином запивают победы!
Мы молоды, — юность, как роза,
Мигом пленит и увянет! А радость? Она — Филомела
Прелестная! Только в дни розы,

Только в дни юности нам попоет сладкозвучные песни
И вспо́рхнет! За крылья златую!
Ты опутай летунью цветочною цепью, ты амброй
Окуривай перья и кудри,

Нежно рукою ласкай ее легко-упругие груди
И с резвою пой и резвися!
Будем стары и мы! Тогда, браня ветренность внука,
Украдкой вздохнем и друг другу

Сладко напомним, седые! о наших любовных проказах:
Измену Лилеты, в досаде
Нами разбитые вазы и Аргусов дикую стаю!
Но кто на героев Киприды?

Дерзкие пали, дверь отскочила, и мы отступили,
Хвалясь и победой, и мщеньем.
«Друг, всё прошло, — ты шепнешь, — но при нас еще дружба и Бахус.
Дай руку и вспеним фиалы!»

<1820>

ЛЕКАРСТВА ОТ НЕСЧАСТИЯ

Если мне объявят боги:
«Здесь ты горе будешь пить!»
Я скажу: «Вы очень строги!
Но я всё ж останусь жить».

Горько ль мне — я разделяю
С милой слезы в тишине!
Что ж на небе, я не знаю,
Да и знать не нужно мне!

Мне великую науку
Дед мой доктор завещал:
«Дружбою, — он пишет, — скуку
И печаль я исцелял;

Он любви лечил несчастной
Состаревшимся вином;
Вообще же безопасно
Все лечить несчастья — сном».

<1820>

РОМАНС

— Проснися, рыцарь, путь далек
До царского турнира,
Луч солнца жарок, взнуздан конь,
Нас ждет владыка мира!

— «Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира,
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира!»

— Проснися, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!

— «Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишусь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!

Имел я друга — друга нет,
Имел супругу — тоже!
Их взял создатель! я ж молюсь:
К ним и меня, мой боже!

Ложусь в молитве, сон едва
Глаза покроет — что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.

Меня ласкают, говорят
О царстве божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!

Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, знаю!
Но с ними жить и в сне я рад
И в сне их зреть желаю!»

<1820>

ЭПИГРАММА РЕЦЕНЗЕНТУ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Хоть над поэмою и долго ты корпишь,
Красот ей не придашь и не умалишь! —
Браня — всем кажется, ее ты хвалишь;
Хваля — ее бранишь.

1820

ПЕСНЯ

«Дедушка! — девицы
Раз мне говорили, —
Нет ли небылицы
Иль старинной были?»

— «Как не быть! — уныло
Красным отвечал я, —
Сердце вас любило,
Так чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!

Уж они — старушки;
Но от них, порою,
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу волновали
Их уста и очи,
По огню бежали
Дни мои и ночи».

— «Дедушка, — толпою
Девицы вскричали, —
Жаль нам, а тобою
Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие,
Мы б тебя любили!»

— «Вы б любили? сказки!
Веры мне неймется!
И на ваши ласки
Дедушка смеется».

1820

ОТВЕТ

Зачем на меня ты и глупость, и злобу,
 Плетнев, вызываешь нескромной хвалой?
К чему величаешь любовью бессмертных
 Простого певца?

Так, были мгновенья ниспосланы Фебом:
 Я плавал в восторгах, я небом дышал!
Я пел — и мне хором, веселые, вторить
 Любили друзья.

Я пел, но в то время роскошная младость
 Мне жизнь озаряла волшебным лучом:
Я веровал в счастье, я жаждал любови,
 Я славой горел!

И опыт суровый смирил обольщенья,
Мой взор прояснился; но скрылись мечты,
За ними и счастье, и прелесть любови,
И славы призрак.

Как слушал Лаёртид, привязанный к мачте,
Волшебные песни Скилийских Сирен
И тщетно к ним рвался — упрямые верви
Держали его, —

Так я, твоей лирой печально пленяясь,
Вотще порываюсь к святым высотам,
Знакомым бывало, и в робкие струны
Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновений:
Мне путь на родную страну возбранен,
И глас мой подобен унылому гласу,
Жестоким стрелком

Подстреленной птицы, когда завывают
Осенние ветры и к теплым странам
Веселою стаей при кликах несутся
Подруги ее.

1820

К ЛАСТОЧКЕ

Что мне делать с тобой, докучная ласточка!
Каждым утром меня — едва зарумянится
Небо алой зарей и бледная Цинтия
Там в туманы покатится, —
Каждым утром меня ты криком безумолкным
Будишь, будто назло! А это любимое
Время резвых детей Морфея, целительный
Сон на смертных лиющего.
Их крылатой толпе Зефиры предшествуют,
С ними сам Купидон летает к любовникам

Образ милых казать и счастьем мечтательным
Тешит жертвы Кипридины.
Вот уж третью зарю, болтливая ласточка,
Я с Филидой моей тобой разлучаюся!
Только в блеске красы пастушка появится
Иль Психеей иль Гебою,
Только склонит ко мне уста пурпуровые
И уж мой поцелуй, кипя нетерпением,
К ним навстречу летит, ты вскрикнешь — и милая
С грезой милой скрывается!
Ныне был я во сне бессмертных счастливее!
Вижу, будто бы я на береге Пафоса,
Сзади храм, вкруг меня мирты и лилии,
Я дышу ароматами.
Взор не может снести сиянья небесного,
Волны моря горят, как розы весенние,
Светлый мир в торжестве и в дивном молчании,
Боги к морю склонилися. —
Вдруг вскипели валы и пеной жемчужною
С блеском вьются к брегам, и звуки чудесные
Слух мой нежат, томят, как арфа Еолова,
Я гляжу — вдруг является...
Ты ль рождаешься вновь из волн, Аматузия?
Боги! пусть это сон! Филида явилася
С той же лаской в очах и с тою ж улыбкою —
Я упал, и, отчаянный,
«Ах, богиня! — вскричал, — зачем обольстить меня?
Ты неверна́, а я думал Филидою
Век мой жить и дышать!» — «Утешься, обманутый,
Милый друг мой! (воскликнула)
Снова в наших лугах Филида, по-прежнему
В свежих ку́дрях с венцом, в наряде пастушеском —
Друг, утешься, я всё...» Болтливая ласточка,
Ты крикунья докучная,
Что мне делать с тобой — опять раскличалася!
Я проснулся — вдали едва зарумянилось
Небо алой зарей, и бледная Цинтия
Там в туманы скатилася.

1820

ЭПИТАФИЯ

Завидуйте моей судьбе!
Меня счастливцы не искали,
Я век не думал о себе,
А не видал в глаза печали.

1820

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девицам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера

До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

1820 или 1821

КРЫЛОВУ

Уж я не тот поэт беспечный,
Товарищ резвый светлых дней,
Когда Эрот и Бассарей
Мне говорили: друг, мы вечны!
Пусть дни и годы скоротечны,
Но мы с тобой — люби и пей!
Они ушли, лета златые,
Когда от чаши круговой
Эрот, хариты молодые
И смехи шумною толпой
Меня влекли к ногам Эльвиры.
Крылов, в то время голос мой,
Под звуки вдохновенной лиры,
Непринужденно веселил
Веселостью непринужденной.
А ныне твой поэт, лишенный
Неопытных, но смелых крил,
Венком поблекшим украшенный,
На землю бедную ступил,
И опыт хладный заключил
Его в жестокие объятья.
В боязни Фебова проклятья

Ленюся я стихи писать,
Лишь иногда во дни ненастья
Люблю о вёдре вспоминать
И мной неведомого счастья
Поэтам-юношам желать.

1820 или 1821

ГЕНИЙ-ХРАНИТЕЛЬ

(Сновидение)

Грустный душою и сердцем больной, я на одр мой недавно
Кинулся, плакать хотел — не мог и роптал на бессмертных.
Все испытанья, все муки, меня повстречавшие в жизни,
Снова, казалось, и вместе на душу тяжелые пали.
Я утомился, и сон в меня усыпление пролил:
Вижу — лежу я на камне, покрытый весь ранами, цепи
Руки мои бременят, надо мною стоит и рыдает
Юноша светлый, крылатый — созданье творящего Зевса.

«Бедный товарищ, терпенье!» — он молвил мне. (Сладость внезапно
В грудь мою полилась, и я жадно стал дивного слушать.)
«Я твой гений-хранитель! вижу улыбку укора,
Вижу болезненный взгляд твой, страдалец невинный, и плачу.
Боги позволили мне в сновиденьи предутреннем ныне
Горе с тобой разделить и их оправдать пред тобою.
Любят смертных они, и уж радость по воле их ждет вас
С мрачной ладьи принять и вести в обитель награды.
Но доколе вы здесь, вы игралище мощного рока;
Властный, законы ужасные пишет он паркам суровым.
Эрмий со мною (тебя еще не было) послан был Зевсом
Миг возвестить, когда им выпрясть нить твоей жизни.
Вняли веленью они и к делу руки простерли.
Я подошел к ним, каждую собственным именем на́звал,

Низко главу наклонил и молил, всех вместе и розно,
Ровно нить сию прясть иль в начале ее перерезать.
Нет! и просьбы, и слезы были напрасны! Дико
Песню запели они и в перстах веретено закружилось».

1820 или 1821

В АЛЬБОМ П. А. СПА—КОЙ

Я не привык альбомы наполнять
Надеждами, желаньями и лестью.
А к вам еще (позвольте мне сказать)
Ужасною я пламенею местью.
Недели три и, помнится, с тех пор,
Когда альбом вы этот мне отдали,
Чтоб я, с пелен парнасских крохобор,
Вписал в его воздушные скрижали
Для памяти вам с рифмами кой-что.
Для памяти? Признаться, вряд ли кто
Похвалится такой судьбой завидной!
Итак, альбом вы помните, как видно,
Поболее знакомых ваших! Что ж?
Вам бог простит. Я ж на последний грош
Готов свечу пред образом поставить
И перед ним день целый пролежать,
Лишь только б мог вас хоть альбом заставить
Меня в часы безделья вспоминать.

1820 или 1821

РОМАНС

«Сегодня я с вами пирую, друзья,
Веселье нам песни заводит,
А завтра, быть может, там буду и я,
Откуда никто не приходит!» —

Я так беззаботным друзьям говорил
Давно, — но от самого детства
Печаль в беспокойном я сердце таил
Предвестьем грядущего бедства.

Друзья мне смеялись, и, свежий венец
    На кудри мои надевая,
«Стыдись, — восклицали, — мечтатель-певец!
    Изменит ли жизнь молодая!»

Война запылала, к родным знаменам
    Друзья как на пир полетели;
Я с ними — но жребьи, враждебные нам,
    Мне с ними расстаться велели.

В бездействии тяжком я думой следил
    Их битвы, предтечи победы;
Их славою часто я первый живил
    Родителей грустных беседы.

Года пролетали, я часто в слезах
    Был черной повязкой украшен...
Брань стихла, где ж други? лежат на полях,
    Близ ими разрушенных башен.

С тех пор я печально сижу на пирах,
    Где всё мне твердит про былое;
Дрожит моя чаша в ослабших руках:
    Мне тяжко веселье чужое.

1820 или 1821

К Е.

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур веселый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И приняла на шумны волны
Нева и братьев и певцов.
Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнию довольный,
С беспечной музою моей

Друзьям пою: любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.
Часы бегут своей чредой!
Удел глупца иль Гераклита,
Безумно воя, их считать.
Смешно бы, кажется, кричать
(Когда, златым вином налита,
Обходит чаша вкруг столов
И свежим запахом плодов
Нас манят полные корзины),
Что всё у бабушки Судьбины
В сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То в списке вычеркнет мечту,
Прогонит радость; огорченье
Шлет с скукой и с болезнью нам,
Поссорит, разлучит нас с милой;
Перенесем, глядишь — а там
Она грозит нам и могилой.
Пусть плачут и томят себя,
Часов считают бой унылый!
Мы ж время измерять, друзья,
По налитым бокалам станем —
Когда вам петь престану я,
Когда мы пить вино устанем,
Да и его уж не найдем,
Тогда на утро мелькам взглянем
И спать до вечера пойдем.

О, твой певец не ищет славы!
Он счастья ищет в жизни сей,
Свою любовь, свои забавы
Поет для избранных друзей
И никому не подражает.
Пускай Орестов уверяет,
Наш антикварий, наш мудрец,

Почерпнувший свои познанья
В мадам Жанлис, что твой певец
И спит и пьет из подражанья;
Пусть житель Острова, где вам,
О музы вечно молодые,
Желая счастия сынам,
Вверяет юношей Россия,
Пусть он, с священных сих брегов,
Невежа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносит к вам любовь:
Для них я не потрачу слов —
Клянусь надеждами моими,
Я оценил сих мудрецов —
И если б я был равен с ними,
То горько б укорял богов.

Август 1821

ДИФИРАМБ
(НА ПРИЕЗД ТРЕХ ДРУЗЕЙ)

О, радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещет лира:
В струнах позабытых
Я звуков согласных,
Я звуков живительных
В восторге ищу.

Гремит, как прежде, подруга бессмертная;
Други, ко мне!
Опять доступен
Я смехам и песням,
И чаше, венчанной
Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя в обитель поэтову
С дальних сторон:
От финнов бледных,
Ледяноволосых;

От Реина-старца;
От моря сыпучего
Азийских песков.

Три гостя, с детства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющем венчанный,
При гимнах священных
Касто́ру и По́ллуксу
Хвалу воспою.

Август 1821

ДОМИК

За далью туманной,
За дикой горой
Стоит над рекой
Мой домик простой;
Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью.
Они берегут
Мой скромный приют,
Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов
В тени молчаливой,
Где, струйкой игривой
Сверкая, бежит,
Бежит и журчит
Ручей пограничный, —
С заботой привычной
Порхать и летать
И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзей прикликать.

1821

ДАМОН

(Идиллия)

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И запад, слиянный с краями далекими моря,
Готовый блестящего бога принять, загорался;
В долинах, на холмах звучали пастушьи свирели;
По холмам, долинам бежали стада и шумели;
В прохладе и блеске катилися волны Алфея.

Дамон, вдохновенный певец, добродетельный старец,
Из хижины вышел и сел у дверей на пороге.
Уж семьдесят раз он первыми розами лиру
И длинные кудри свои украшал, воспевая
На празднике пышном весны и веселье, и младость.
А в юности зрелой камены его полюбили.
Но старость, лишив его сил, убелив ему кудри,
Отнять у него не могла вдохновенного дара
И светлой веселости: их добродетель хранила.
И старец улыбкой и взором приветливым встретил
Отвсюду бегущих к нему пастухов и пастушек.

«Любезный Дамон, наш певец, добродетельный старец!
Нам песню ты спой, веселую песню, — кричали, —
Мы любим, после трудов и полдневного жара,
В тени близ тебя отдыхать под веселые песни.
Не сам ли ты пел, что внушенные музами песни
На сердце больное, усталое веют прохладой,
Которая слаще прохлады, из урны Алфея
С рассветом лиющейся, слаще прохлады, лилеям
Свежесть дающей росы, и вина векового,
В амфорах хранимого дедами, внукам на радость?
Что, добрый? не так ли ты пел нам?» Дамон
улыбнулся.
Он с юности ранней до позднего вечера жизни
Ни в чем не отказывал девам и юношам милым.
И как отказать? Убедительны, сладки их просьбы:
В прекрасных устах и улыбка, и речи прекрасны.
Взглянул он на Хлою, перстом погрозил ей и молвил:
«Смотри, чтоб не плакать! и ты попадешь в мою
песню».

Взял лиру, задумался, к солнцу лицом обратился,
Ударил по струнам и начал хвалою бессмертным:

«Прекрасен твой дар, Аполлон, — вдохновенные мысли!
Кого ты полюбишь, к тому и рано и поздно
В смиренную хижину любят слетаться камены.
О Эрмий, возвышен твой дар — убедительность речи!
Ты двигаешь силою слова и разум и душу.
Как ваших даров не хвалить, о Гимен, о Паллада!
Что бедную жизнь услаждает? — Подруга и мудрость.
Но выше, бесценней всего, Эрот и Киприда,
Даяние ваше — красою цветущая младость!
Красивы тюльпан и гвоздика и мак пурпуро́вый,
Ясмин и лилея красивы, но краше их роза;
Приятны крылатых певцов сладкозвучные песни —
Приятней полночное пенье твое, Филомела!
Все ваши прекрасны дары, о бессмертные боги!
Прекраснее всех красотою цветущая младость,
Прекрасней, проходчивей всех. Пастухи и пастушки!
Любовь с красотою не жители — гости земные,
Блестят как роса, как роса и взлетают на небо.
А тщетны без них нам и мудрость, и дар убежденья!
Крылатых гостей не прикличешь и лирой Орфея!
Все, други, вы скажете скоро, как дед говорит ваш:
Бывало, любили меня, а нынче не любят!
Да вот и вчера... Что краснеешь ты, Хлоя? Взгляните,
Взгляните на щеки ее: как шиповник алеют!
Глядите: по ним две росинки, блестя, покатились!
Не вправду ль тебе говорил я: смотри, чтоб не плакать!
И ты попадешь в мою песню: сказал — и исполню».

И все оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась к подруге,
И шепот веселый, и шум в пастухах пробудила.
Дамон, улыбаясь на шум их и шепот веселый,
Громчей заиграл и запел веселей и быстрее:

«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, где нимфы,
Игривые дщери Алфея и ближних потоков,
Расчесывать кудри зеленые любят сходиться
И вторить со смехом и песням, и клятвам любовным,

Там встретил я Хлою. «Старинушка добрый, спой
песню», —
Она мне сказала. — «С охотой, пастушка, с охотой!
Но даром я песен не пел никогда для пастушек;
Сперва подари что-нибудь, я спою». — «Что могу я
Тебе подарить? Вот венок я сплела!» —
«О, прекрасен,
Красиво сплетен твой венок, но венка мне не надо».
— «Свирелку возьми!» — «Мне свирелку, красавица?
Сам я
Искусно клею их воском душистым». — «Так что же
Тебе подарю я? Возьмешь ли корзинку? Мне нынче
Ее подарил мой отец, а, ты знаешь, корзинки
Плетет он прекрасно. Но, дедушка, что же молчишь
ты?
Зачем головой ты качаешь? Иль этого мало?
Возьми же в придачу ты овцу любую!» — «Шалунья,
Шалунья, не знать в твои годы, чем платят за песни!»
— «Чего же тебе?» — «Поцелуя». — «Чего?» —
«Поцелуя!»
— «Как, этой безделицы?» — «Ах, за нее бы я отдал
Не только венок и свирелку, корзинку и овцу:
Себя самого! Поцелуй же!» — «Ах, дедушка добрый!
Все овцы мои разбежались; чтоб волк их не встретил,
Прощай, побегу я за ними». — Сказала, и мигом,
Как легкая серна, как нимфа дубравная, скрылась.
Взглянул я на кудри седые, вздохнул и промолвил:
Цвет белый пастушкам приятен в нарциссах, в лилеях;
А белые кудри пастушкам немилы. Вот, други,
Вам песня моя: весела ли, судите вы сами».

Умолк. Все хвалили веселую песню Дамона;
А Хлоя дала поцелуй (так хотели пастушки)
Седому слагателю песней игривых и сладких,
И радость блеснула во взорах певца. Возвращаясь
К своим шалашам, пастухи и пастушки «О боги, —
Молились, — пошлите вы нам добродетель и мудрость!
Пусть весело встретим мы старость, подобно Дамону!
Пусть так же без грусти, но с тихой улыбкою скажем:
„Бывало, любили меня, а нынче не любят!"»

1821

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ АМИКИ

О камены, камены всесильные!
Вы внушите мне песню унылую;
Вы взгляните: в слезах Аматузия,
Горько плачут амуры и грации.
Нет игривой собачки у Лидии,
Нет Амики, прекрасной и ласковой.
И Диана, завидуя Лидии,
Любовалась невольно Амикою.
Ах, она была краше, игривее
Резвых псов звероловицы Делии.
С ее шерстью пуховой и вьющейся
Лучший шелк Индостана и Персии
Не равнялся ни лоском, ни мягкостью.
Не делила Амика любви своей:
Нет! любила одну она Лидию;
И при ней не приближьтесь вы к Лидии
(Ах, и ревность была ей простительна!):
Она вскочит, залает и кинется,
Хоть на Марса иль Зевса могучего.
Вот как нежность владела Амикою,
И такой мы собачки лишилися!
Как на рок не роптать и не плакаться?
Семь уж люстров стихами жестокими
Бавий мучит граждан и властителей;
А она и пол-люстра, невинная!
Не была утешением Лидии.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузия,
Горько плачьте, амуры и грации!
Уж Амика ушла за Меркурием
За Коцит и за Лету печальную,
Невозвратно в обитель Аидову,
В те сады, где воробушек Лесбии
На руках у Катулла чиликает.

1821

В АЛЬБОМ

О, сила чудной красоты!
К любви, по опыту, холодный,
Я забывал, душой свободный,

Безумной юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество — но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

1821

МУЗАМ

С благоговейною душой
Поэт, упавши на колены,
И фимиамом и мольбой
Вас призывает, о камены,
В свой домик низкий и простой!

Придите, девы, воскресить
В нем прежний пламень вдохновений
И лиру к звукам пробудить:
Друг ваш и друг его Евгений
Да будет глас ее хвалить.

Когда ж весна до вечных льдов
Прогонит вьюги и морозы —
На ваш алтарь, красу цветов,
Положит первые он розы
При пеньи радостных стихов.

1821

ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке —
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!

О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф, —

Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шеи
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь. . .
Но с вами я заговорюсь. . .
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!»

1821 (?)

ЛУНА

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;

Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.

В душе замутилось, я дико вздрогнул:
Я прошлое живо душой вспомянул!

В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Лила — веселье очей.

Как прежде, шепнула коварная мне:
«Быть вечно твоею клянуся луне».

Как прежде, за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.

Из трубки я выдул сгоревший табак,
Вздохнул и на брови надвинул колпак.

1821 или 1822

Н. И. ГНЕДИЧУ

Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость:
В темный недавно Айдес тень славянина пришла;
Там, окруженная сонмом теней любопытных, пропела
(Слушал и древний Омер) песнь Илиады твоей.
Старец наш, к персям вожатого-юноши сладко приникнув,
Вскрикнул: «Вот слава моя, вот чего веки я ждал!»

1821 или 1822

НА СМЕРТЬ ***

(Сельская элегия)

Я знал ее: она была душою
Прелестней своего прекрасного лица.
Умом живым, мечтательной тоскою,
Как бы предчувствием столь раннего конца,
Любовию к родным и к нам желаньем счастья,
Всем милая, она несчастлива была,
И, как весенний цвет, расцветший в дни ненастья,
Она внезапно отцвела.
И кто ж? любовь ей сердце отравила!
Она неверного пришельца полюбила:

На миг ее пленяся красотой,
Он кинулся в объятия другой
И навсегда ушел из нашего селенья.
Что, что ужаснее любви без разделенья,
Простой, доверчивой любви!
Несчастная, в душе страдания свои
Сокрыла, их самой сестре не поверяла,
И грусть безмолвная и жаждущая слез,
Как червь цветочный, поедала
Ее красу и цвет ланитных роз!
Как часто гроб она отцовский посещала!
Как часто, видел я, она сидела там
С улыбкой, без слезы роптанья на реснице,
Как восседит Терпенье на гробнице
И улыбается бедам.

1821 или 1822

ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.

Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

РОМАНС

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь его унылый,
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!

Не к добру грудь моя тяжко воздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает;

Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул, и сильней витязь возмутился,
В милый край, в страшный край как стрела пустился.

Ночь прошла, всё светло: виден храм с дубровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

1821 или 1822

В АЛЬБОМ Б.

У нас, у небольших певцов,
Рука и сердце в вечной ссоре:
Одно тебе, без лишних слов,
Давно бы несколько стихов
Сердечных молвило, на горе
Моих воинственных врагов;
Другая ж лето всё чертила
В стихах тяжелых вялый вздор,

А между тем и воды с гор
И из чернильницы чернила
Рок увлекал с толпой часов.
О, твой альбом-очарователь!
С ним замечтаться я готов.
В теченьи стольких вечеров
Он, как старинный мой приятель,
Мне о былом воспоминал!
С ним о тебе я толковал,
Его любезный обладатель!
И на листках его встречал
Черты людей, тобой любимых
И у меня в душе хранимых
По доброте, по ласкам их
И образованному чувству
К свободно-сладкому искусству
Сестер бессмертно-молодых.

1821 или 1822

ПЕТЕРБУРГСКИМ ЦЕНЗОРАМ

Перед вами нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской,
Цензируя, жмете нас.
　　Славьтесь, Бируков, Красовский!
　　Вам дивится даже князь!
Член тюремный и Библейский
Цензор, мистик и срамец,
Он с душонкою еврейской,
Наш гонитель, князя льстец.
　　Славься, славься, дух лакейский,
　　Славься, доблестный подлец!
Вас и дух святый робеет;
Он, как мы, у вас в когтях;
Появиться он не смеет
Даже в Глинкиных стихах.
　　Вот как семя злое зреет!
　　Вот как всё у нас в тисках!
Ни угрозою, ни лаской,
Видно, вас не уломать;

Олин и Григорий Спасский
Подозренья в вас родят.
Славьтесь цензорской указкой!
Таски вам не миновать.

Между 1821 и 1824

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

ES KANN SCHON NICHT IMMER SO BLEIBEN

(Посвящена Баратынскому и Коншину)

Ничто не бессмертно, не прочно
Под вечно изменной луной,
И всё расцветает и вянет,
Рождённое бедной землей.

И прежде нас много, веселых,
Любило и пить и любить:
Нехудо гулякам усопшим
Веселья бокал посвятить.

И после нас много, веселых,
Полюбят любовь и вино,
И в честь нам напенят бокалы,
Любившим и пившим давно.

Теперь мы доверчиво, дружно
И тесно за чашей сидим.
О дружба, да вечно пылаем
Огнем мы бессмертным твоим!

1822
Роченсальм, в Финляндии

(19 ОКТЯБРЯ 1822)

Что Илличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.

Как песни петь не позабыли
Лицейского мы Мудреца,
Дай бог, чтоб так же сохранили
Мы скотобратские сердца.

ВДОХНОВЕНИЕ

(Сонет)

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.

И пре́зренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

Н. М. ЯЗЫКОВУ

(Сонет)

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с каменой сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовию пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил,
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

1822

СОНЕТ

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже *нет*
Во мне родят любовь и безнадежность.

На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость,

Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

1822

СОНЕТ

Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с нее моих очей;
Я говорил в раздумье сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.

Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,

Всё нежилось. — Почто ж в душе моей
Не радости, унынья было боле?

Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?

Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?

1822

* * *

София, вам свои сонеты
Поэт с весельем отдает:
Он знает, от печальной Леты
Альбом ваш верно их спасет!

1822 или 1823

РОЗА

Роза ль ты, розочка, роза душистая!
Всем ты, красавица, роза цветок!
Вейся, плетися с лилеей и ландышем,
Вейся, плетися в мой пышный венок.

Нынче я встречу красавицу девицу,
Нынче я встречу пастушку мою:
«Здравствуй, красавица, красная девица!»
Ах! .. и промолвлюся, молвлю: люблю!

Вдруг зарумянится красная девица,
Вспыхнет младая, как роза цветок.
Взглянь в ручеечек, пастушка стыдливая,
Взглянь: пред тобою ничто мой венок!

1822 или 1823

ЖАЛОБА

Воспламенить вас — труд напрасный,
Узнал по опыту я сам;
Вас боги создали прекрасной —
Хвала и честь за то богам.
Но вместе с прелестью опасной
Они холóдность дали вам.
Я таю в грусти сладострастной,
А вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простым мольбам.

1822 или 1823

К А. Е. И.

Мой по каменам старший брат,
Твоим я басням цену знаю,
Люблю тебя, но виноват:
В тебе не всё я одобряю.
К чему за несколько стихов,
За плод невинного веселья,
Ты стаю воружил певцов,
Бранящих всё в чаду похмелья?
Твои кулачные бойцы
Меня не выманят на драку,
Они, не спорю, молодцы,
Я в каждом вижу забияку,
Во всех их взор мой узнает
Литературных карбонаров,
Но, друг мой, я не Дон-Кишот —
Не посрамлю своих ударов.

1822 или 1823

* * *

До рассвета поднявшись, извозчика взял
    Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
    В желтый дом, где живет Бирюков;

Не с Цертелевым он совокупно спешил
    На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
    За баллады, сонеты путем.
Но во фраке был он, был тот фрак запылен,
    Какой цветом — нельзя распознать;
Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан,
    Двадцатифунтовая тетрадь.
Вот к обеду домой возвращается он
    В трехэтажный Моденова дом,
Его конь опенен, его Ванька хмелен,
    И согласно хмелен с седоком.
Бирюкова он дома в тот день не застал, —
    Он с Красовским в цензуре сидел,
Где на Олина грозно вдвоем напирал,
    Где фон Поль улыбаясь глядел.
Но изорван был фрак, на манишке табак,
    Ерофеичем весь он облит.
Не в парнасском бою, знать в питейном дому
    Был квартальными больно побит.
Соскочивши у Конной с саней у столба,
    Притаяся у будки стоял;
И три раза он кликнул Бориса-раба,
    Из харчевни Борис прибежал.
«Подойди ты, мой Борька, мой трагик смешной,
    И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но, право, скотина лихой,
    И скотство по нутру мне твое».

(Продолжение когда-нибудь).

Между 1822 и 1824

К МОРФЕЮ

Увы! ты изменил мне,
Нескромный друг, Морфей!
Один ты был свидетель
Моих сокрытых чувств,
И вздохов одиноких,

И тайных сердца дум.
Зачем же, как предатель,
В видении ночном
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открыл?
Зачем, меня явивши
Красавице в мечтах,
Безмолвными устами
Принудил всё сказать?
О! будь же, бог жестокий,
Будь боле справедлив:
Открой и мне взаимно,
Хотя в одной мечте,
О тайных чувствах сердца,
Сокрытых для меня.
О! дай мне образ милый
Хоть в призраке узреть;
И пылкими устами
Прильнуть к ее руке...
Когда увижу розы
На девственном челе,
Когда услышу трепет
Стыдливой красоты,
Довольно — и, счастливец,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны,
И пурпурные маки
С Авророй принесу!

<1823>

К СОФИИ

За ваше нежное участье
Больной певец благодарит:
Оно его животворит;
Он молвит: боже, дай ей счастье
В сопутники грядущих дней!
Болезни мне, здоровье ей!
Пусть я по жизненной дороге
Пройду и в муках, и в тревоге;

Ее ж пускай ведут с собой
Довольство, радость и покой!

Вчера я был в дверях могилы;
Я таял в медленном огне;
Я видел: жизнь, поднявши крылы,
Прощальный взор бросала мне;
О жизни сладостного чувства
В недужном сердце не храня,
Терял невольно веру я
Врачей в печальные искусства:
Свой одр в мечтах я окружал
Судьбой отнятыми друзьями,
В последний раз им руки жал,
Молил последними словами
Мой бедный гроб не провожать,
Не орошать его слезами,
Но чаще с лучшими мечтами
Мечту о друге съединять...

И весть об вас, как весть спасенья,
Надежду в сердце пролила;
В душе проснулися волненья;
И в вашем образе пришла
Ко мне порою усыпленья
Игея с чашей исцеленья...

Февраль 1823

* * *

Анахорет по принужденью
И злой болезни, и врачей,
Привык бы я к уединенью,
Привык бы к супу из костей,
Не дав испортить сожаленью
Физиономии своей;
Когда бы непонятной силой
Очаровательниц иль фей
На миг из комнаты моей,
И молчаливой, и унылой,
Я уносим был каждый день
В ваш кабинет, каменам милый.

Пусть, как испуганная тень
Певца предутреннего пеньем,
Послушав вас, взглянув на вас,
С немым, с безропотным терпеньем
И к небесам с благодареньем
Я б улетал к себе тотчас!
Я услаждал бы сим мгновеньем
Часы медлительного дня,
Отнятого у бытия
Недугом злым и для меня
Приправленного скукой тяжкой.

Февраль 1823

К ОШЕЙНИКУ СОБАЧКИ ДОМИНГО

Ты на Доминго вечно будь,
Моя надежда остальная,
И обо мне когда-нибудь
Она вздохнет, его лаская.

1823

К ПТИЧКЕ, ВЫПУЩЕННОЙ НА ВОЛЮ

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебе, летунье сладкогласной,
Дарю свободу я. — Лети!
И я равно счастливой долей
От милой наделен моей:
Как ей обязана ты волей,
Так я неволею своей.

1823

РОМАНС

Вчера вакхических друзей
Я посетил кружок веселый;
Взошел — и слышу: «Здравствуй, пей!»
— Нет, — молвил я с тоской тяжелой, —

Не пить, беспечные друзья,
Пришел к вам друг ваш одичалый:
Хочу на миг забыться я,
От жизни и любви усталый.

Стучите чашами громчей;
Дружней гетер и Вакха пойте!
Волнение души моей
Хоть на минуту успокойте!

Мне помогите освежить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напевом радости застольной.

1823

РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

1823

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

1823

РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, всё счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

С. Д. П—ОЙ

(ПРИ ПОСЫЛКЕ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИСПАНИИ», СОЧ. БУЛГАРИНА)

(Сонет)

В Испании Амур не чужестранец,
Он там не гость, но родственник и свой,
Под кастаньет с веселой красотой
Поет романс и пляшет, как испанец.

Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышит померанец.

Но он и к нам, всесильный, не суров,
И к северу мы зрим его вниманье:
Не он ли дал очам твоим блистанье,

Устам коралл, жемчужный ряд зубов,
И в кудри свил сей мягкий шелк власов,
И всю тебя одел в очарованье!

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.
Днем ли в те поры я выеду,
В очи солнце — ты не хмуришься;
В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей всё повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —

Только взглянут и вспокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?

Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке конопляночке,
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая,
    Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
    К белой ручке клонишь?
Или словом, или взором
    Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
    Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
    У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
    Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
    Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
    Заповедать тайну!

Не слыхали ль злые люди
    Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди
    У отца родного;
Не спросили ль сопостаты
    У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень?
    Чья в повязке лента?

Лента, ленточка цветная,
    С золотой каймою;
Перстень с чернью расписною,
    С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
    Слез твоих горючих!
Перелей в мое ты сердце
    Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
    Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
    Легче растоскуем.

1823

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать младой.
Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —
Под окошком всё так весело глядит,
И мне душу то веселие томит.
То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.
И я выду во широкие поля —
С них ли негой так и веет на тебя;
Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,
Хочешь с кем-то этим запахом дышать
И другим устам его передавать;
Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
К изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами обольюсь.
Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но ее не освежит,
Так и слезы не свежат меня, младой;
Скучно, девушки, весною жить одной!

1824

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ
1829

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги,
В лесе звери лютые,
Да не люди!

1824

ПЕСНЯ

Наяву и в сладком сне
Всё мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных персей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?

Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

И я утром золотым
Молвлю персям молодым:
Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине —
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью сплю ли я, не сплю —
Всё устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет, —
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

1824

РОМАНС

Друзья, друзья! я Нестор между вами,
По опыту веселый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.

И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий про любовь!

Не кончен пир — а гости разошлися,
Допировать один остался я.
И что ж? ко мне вы, други, собралися,
Весельчаков бывалых сыновья!

Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино;
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

1824

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны младые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провесть
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенесть.

1824

* * *

Твой друг ушел, презрев земные дни,
Но ты его, он молит, вспомяни.
С одним тобой он сердцем говорил,
И ты один его не отравил.
Он не познал науки чудной жить:
Всех обнимать, всех тешить и хвалить,
Чтоб каждого удобней подстеречь
И в грудь ловчей воткнуть холодный меч.
Но он не мог людей и пренебречь:
Меж ними ты, старик отец и мать.

1824

МЫ

Бедные мы! что наш ум? — сквозь туман озаряющий
факел
Бурей гонимый наш челн по́ морю бедствий и слез;
Счастие наше в неведеньи жалком, в мечтах
и безумстве:
Свечку хватает дитя, юноша ищет любви.

1824

ЭПИТАФИЯ

Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой.
Скоро разбила ее: верно, утешилась там.

1824

КУПАЛЬНИЦЫ

(Идиллия)

«Как! ты расплакался! слушать не хочешь и старого
друга!
Страшное дело: Дафна тебе ни полслова не скажет,
Песен с тобой не поет, не пляшет, почти лишь не плачет,
Только что встретит насмешливый взор Ликорисы, и обе
Мигом краснеют, краснее вечерней зари перед вихрем!
Взрослый ребенок, стыдись! иль не знаешь седого
сатира?
Кто же младенца тебя баловал? день целый, бывало,
Бедный на холме сидишь ты один и смотришь за стадом:
Сердцем и сжалюсь я, старый, приду посмеяться
с тобою,
В кости играя поспорить, попеть на свирели. Что ж
вышло?
Кто же, как ты, свирелью владеет и в кости играет?
Сам ты знаешь, никто. Из чьих ты корзинок плоды ел?
Всё из моих: я, жимолость тонкую сам выбирая,
Плел из нее их узорами с легкой, цветною соломой.
Пил молоко из моих же ты чаш и кувшинов: тыквы
Полные, словно широкие щеки младого сатира,
Я и сушил, и долбил, и на коже резал искусно
Грозды, цветы и образы сильных богов и героев.

Тоже никто не имел (могу похвалиться) подобных
Чаш и кувшинов и легких корзинок. Часто, бывало,
После оргий вакхальных другие сатиры спешили
Либо в пещеры свои отдохнуть на душистых постелях,
Либо к рощам пугать и преследовать юных пастушек;
Я же к тебе приходил, и покой и любовь забывая;
Пьяный, под песню твою плясал я с ученым козленком;
Резвый, на задних ногах выступал и прыгал неловко,
Тряс головой, и на роги мои и на бороду злился.
Ты задыхался от смеха веселого, слезы блестели
В ямках щечек надутых — и всё забывалося горе.
Горе ж какое тогда у тебя, у младенца, бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирель, да и только.
Нынче ль тебя не утешу я? нынче ль оставлю? поверь мне,
Слезы утри! успокойся и старого друга послушай». —

Так престарелый сатир говорил молодому Микону,
В грусти безмолвной лежащему в темной каштановой роще.
К Дафне юный пастух разгорался в младенческом сердце
Пламенем первым и чистым: любил, и любил не напрасно.
Всё до вчерашнего вечера счастье ему предвещало:
Дафна охотно плясала и пела с ним, даже однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда он сказал ей: «Люби меня, Дафна!»
Что же два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна?
Только он к ней — она от него. Понятные взгляды,
Ласково-детские речи, улыбка сих уст пурпуровых,
Негой пылающих, — всё, как весенней водою, уплыло!
Что случилось с прекрасной пастушкой? Не знает ли, полно,
Старый сатир наш об этом? не просто твердит он: «Послушай!
Ночь же прекрасная: тихо, на небе ни облака! Если
С каждым лучом богиня Диана шлет по лобзанью
Эндимиону счастливцу, то был ли на свете кто смертный
Столько, так страстно лобзаем и в полную пору любови!

Нет и не будет! лучи так и блещут, земля утопает
В их обаятельном свете; Иллис из урны прохладной
Льет серебро; соловьи рассыпаются в сладостных
песнях;
Берег дышит томительным запахом трав ароматных;
Сердце полнее живет и душа упивается негой».
Бедный Микон сатира послушался, медленно поднял
Голову, сел, прислонился к каштану высокому, руки
Молча сложил и взор устремил на сатира, а старый
Локтем налегся на длинную ветвь и, качаясь, так
начал:

«Ранней зарею вчера просыпаюсь я: холодно что-то!
Разве с вечера я не прикрылся? где теплая кожа?
Как под себя не постлал я трав ароматных и свежих?
Глядь, и зажмурился! свет ослепительный утра, не
слитый
С мраком ленивым пещеры! Что это? дернул ногами:
Ноги привязаны к дереву! Руку за кружкой: о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоценная кружка!
Ах, я хотел закричать: ты усерден по-прежнему,
старый,
Лишь не по-прежнему силен, мой друг, на вакхических
битвах!

Ты не дошел до пещеры своей, на дороге ты, верно,
Пал, побежденный вином, и насмешникам в руки
попался! —
Но плесканье воды, но веселые женские клики
Мысли в уме, а слова в растворенных устах удержали.
Вот, не смея дышать, чуть-чуть я привстал; предо
мною
Частый кустарник; легко листы раздвигаю; подвинул
Голову в листья, гляжу: там синеют, там искрятся
волны;
Далее двинулся, вижу: в волнах Ликориса и Дафна,
Обе прекрасны, как девы-хариты, и наги, как нимфы;
С ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди: бедных
Прошлой весною ты спас; их матерь клевала жестоко, —
Мать отогнал ты, поймал их и в дар принес Ликорисе:
Дафну тогда уж любил ты, но ей подарить их боялся.

Первые чувства любви, я помню, застенчивы, робки:
Любишь и милой страшишься наскучить и лаской
излишней.
Белые шеи двух лебедей обхватив, Ликориса
Вдруг поплыла, а Дафна нырнула в кристальные воды.
Дафна явилась, и смех ее встретил: «Дафна, я Леда,
Новая Леда». — А я Аматузия! видишь, не так ли
Я родилася теперь, как она, из пены блестящей? —
«Правда; но прежняя Леда ничто перед новой! мне
служат
Два Зевеса. Чем же похвалишься ты пред Кипридой»?
— Мужем не будет моим Ифест хромоногий
и старый! —
«Правда и то, моя милая Дафна, еще скажу: правда!
Твой прекрасен Микон; не сыскать пастуха, его лучше!
Кудри его в три ряда; глаза небесного цвета;
Взгляды их к сердцу доходят; как персик, в пору
созревший,
Юный, он свеж и румян и пухом блестящим украшен;
Что ж за уста у него? Душистые, алые розы,
Полные звуков и слов, сладчайших всех песен
воздушных.
Дафна, мой друг, поцелуй же меня! ты скоро не будешь
Часто твою целовать Ликорису охотно; ты скажешь:
„Слаще в лобзаньях уста пастуха, молодого Микона!"»
— Всё ты смеешься, подруга лукавая! всё понапрасну
В краску вводишь меня! и что мне Микон твой? хорош
он —
Лучше ему! я к нему равнодушна. — «Зачем же
краснеешь?»
— Я поневоле краснею: зачем всё ко мне пристаешь ты?
Всё говоришь про Микона! Микон, да Микон; а он что
мне? —
«Что ж ты трепещешь и грудью ко мне прижимаешься?
что так
Пламенно, что так неровно дышит она? Послушай:
Если б (пошлюсь на бессмертных богов, я того
не желаю), —
Если б, гонясь за заблудшей овцою, Микон очутился
Здесь вот, на береге, — что бы ты сделала?» — Я б?
утопилась! —
«Точно, и я б утопилась! Но отчего? что за странность?

Разве хуже мы так? смотри, я плыву: не прекрасны ль
В золоте струй эти волны власов, эти нежные перси?
Вот и ты поплыла; вот ножка в воде забелелась,
Словно наш снег, украшение гор! А вся так бела ты!
Шея же, руки — вглядися, скажешь — из кости слоновой
Мастер большой их отделал, а Зевс наполнил
с избытком
Сладко-пленяющей жизнью. Дафна, чего ж мы
стыдимся!»
— Друг Ликориса, не знаю; но знаю: стыдиться
прекрасно! —
«Правда; но всё непонятного много тут скрыто!
Подумай:
Что же мужчины такое? не точно ль как мы, они люди?
То же творенье прекрасное дивного Зевса-Кронида.
Как же мужчин мы стыдимся, с другим же, нам чуждым
созданьем,
С лебедем шутим свободно: то длинную шею лаская,
Клёв его клоним к устам и целуем; то с нежностью
треплем
Белые крылья и персями жмемся ко груди пуховой.
Нет ли во взоре их силы ужасной, Медузиной силы,
В камень нас обращающей? что ты мне скажешь?» —
Не знаю!
Только Ледой и я была бы охотно! и так же
Друга ласкать и лобзать не устала б в сем образе
скромном,
В сей красоте белизны ослепительной! Дерзкого ж,
боги,
(Кто бы он ни был) молю, обратите рогатым оленем,
Словно ловца Актеона, жертву Дианина гнева!
Ах, Ликориса, рога! — «Что, рога?» — Рога за
кустами! —
«Дафна, Миконов сатир!» — Уплывем, уплывем! — «Всё
он слышал,
Всё он расскажет Микону! бедные мы!» — Мы
погибли! —

Так, осторожный, как юноша пылкий, я разговор их
Кончил внезапно! и всё был доволен: Дафна, ты
видишь,
Любит тебя, и невинная доли прекрасной достойна:

Сердцем Микона владеть на земле и в обителях Орка!
Что ж ты не плачешь по-прежнему, взрослый ребенок!
сатира
Старого, видно, слушать полезно? поди же в шалаш свой!
Сладким веленьям Морфея покорствуй! Эрот не оставит
Дела прекрасного! верь мне, спокойся: он кончит, как начал».

1824

19 ОКТЯБРЯ 1824

Семь лет пролетело, но, дружба,
Ты та же у старых друзей:
Всё любишь лицейские песни,
Всё сердцу твердишь про Лицей. (2)

Останься ж век нашей хозяйкой
И долго в сей день собирай
Друзей, не стареющих сердцем,
И им старину вспоминай.

Наш милый начальник! ты с нами,
Ты любишь и нас, и Лицей,
Мы пьем за твое все здоровье,
А ты пей за нас, за друзей.

* * *

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедии тупы,
Трагедии глупы,
Эпиграммы сладки
И, как он, всем гадки.

1824

В АЛЬБОМ С. Г. К—ОЙ

Во имя Феба и харит
Я твой альбом благословляю
И, по внушенью аонид,
Его судьбу предвозвещаю:
В нем перескажет дружба вновь
Все уверенья, все мечтанья,
И без намеренья любовь
Свои откроет ожиданья.

1824 или 1825

ДВЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Со мною мать прощалася
(С полком я шел в далекий край);
Весь день лила родимая
Потоки слез горючие,
А вечером свела меня
К сестре своей кудеснице.
В дверь стукнула, нет отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучит, огонь секут;
В окно глядим, там светится.
Вот в третий раз стучит, кричит:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отóпрешься ль? — Нет отзыва!
Мы час стоим, другой стоим:
А зá дверью огонь горит,
Дрова трещат, котлы кипят,
Ворчат, поют нерусское.
Но полночь бьет, всё смолкнуло,
Всё смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать-пождать, дверь скрыпнула,
Идет, поет кудесница:

«Туман, туман! В тумане свет!
То, дитятко, звезда твоя!
Туман тебе: немилый край;
Туманный свет: туманно жить.
Молись, молись! туман пройдет,

Туман пройдет, звезда блеснет,
Звезда блеснет приветнее,
Приветнее, прилучнее!»

Ах, с той поры в краю чужом
Давным-давно я ведаю
Тоску-печаль, злодейку-грусть;
Злодейка-грусть в душе живет.
Так, старая кудесница,
Туман, туман — немилый край!
В нем тошно жить мне, молодцу!
Но та звезда, та ль звездочка,
Свети иль нет, мне дела нет!
В краю чужом у молодца
Другие есть две звездочки
Приветные, прилучные —
Глаза ль моей красавицы!

1824 или 1825

19 ОКТЯБРЯ 1825

В третий раз, мои друзья,
Вам пою куплеты я
На пиру лицейском.
О, моя, поверьте, тень
Огласит сей братский день
В царстве Елисейском.

Хоть немного было нас,
Но застал нас первый час
Дружных и веселых.
От вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
От стихов тяжелых.

И в четвертый раз, друзья,
Воспою охотно я
Вам лицейский праздник.
Лейся, жжёнка, через край,
Ты ж под голос наш играй,
Яковлев-проказник.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

ДРУЗЬЯ

(Идиллия)

Е. А. Баратынскому

Вечер осенний сходил на Аркадию. — Юноши, старцы,
Резвые дети и девы прекрасные, с раннего утра
Жавшие сок виноградный из гроздий златых, благовонных,
Все собралися вокруг двух старцев, друзей знаменитых.

Славны вы были, друзья Палемон и Дамет! счастливцы!
Знали про вас и в Сицилии дальней, средь моря цветущей;
Там, на пастушьих боях хорошо искусившийся в песнях,
Часто противников дерзких сражал неответным вопросом:
Кто Палемона с Даметом славнее по дружбе примерной?
Кто их славнее по чудному дару испытывать вина?

Так и теперь перед ними, под тенью ветвистых платанов,
В чашах резных и глубоких вино молодое стояло,
Брали они по порядку каждую чашу — и молча
К свету смотрели на цвет, обоняли и думали долго,
Пили, и суд непреложный вместе вину изрекали:
Это пить молодое, а это на долгие годы
Впрок положить, чтобы внуки, когда соизволит Кронйон
Век их счастливо продлить, под старость, за трапезой шумной
Пивши, хвалилися им, рассказам пришельца внимая.
Только ж над винами суд два старца, два друга скончали,
Вакх, языков разрешитель, сидел уж близ них и, незримый,
К дружеской тихой беседе настроил седого Дамета:

«Друг Палемон, — с улыбкою старец промолвил, — дай руку!
Вспомни, старик, еще я говаривал, юношей бывши:
Здесь проходчиво всё, одна не проходчива дружба!
Что же, слово мое не сбылось ли? как думаешь, милый?
Что, кроме дружбы, в душе сохранил ты? — но я не жалею,
Вот Геркулес! не жалею о том, что прошло; твоей дружбой
Сердце довольно вполне, и веду я не к этому слово.
Нет, но хочу я — кто знает? — мы стары! хочу я, быть может
Ныне впоследнее, всё рассказать, что от самого детства
В сердце ношу, о чем много говаривал, небо за что я

Рано и поздно молил, Палемон, о чем буду с тобою
Часто беседовать даже за Стиксом и Летой туманной.
Как мне счастливым не быть, Палемона другом имея?
Матери наши, как мы, друг друга с детства любили,
Вместе познали любовь к двум юношам милым и дружным,
Вместе плоды понесли Гименея; друг другу, младые,
Новые тайны вверяя, священный обет положили:
Если боги мольбы их услышат, пошлют одной дочерь,
Сына другой, то сердца их, невинных, невинной любовью
Крепко связать и молить Гименея и бога Эрота,
Да уподобят их жизнь двум источникам, вместе текущим,
Иль виноградной лозе и сошке прямой и высокой.
Верной опорою служит одна, украшеньем другая;
Если ж две дочери или два сына родятся, весь пламень
Дружбы своей перелить в их младые, невинные души.
Мы родилися: нами матери часто менялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;
Впили мы дружбу, и первое, что лишь запомнил я, — ты был;
С первым чувством во мне развилася любовь к Палемону.
Выросли мы — и в жизни много опытов тяжких
Боги на нас посылали, мы дружбою всё усладили
Скор и пылок я смолоду был, меня всё поражало,
Всё увлекало; ты кроток, тих и с терпеньем чудесным,
Свойственным только богам, милосердым к Япетовым детям.
Часто тебя оскорблял я, — смиренно сносил ты, мне даже,
Мне не давая заметить, что я поразил твое сердце.
Помню, как ныне, прощенья просил я и плакал, ты ж, друг мой,
Вдвое рыдал моего, и, крепко меня обнимая,
Ты виноватым казался, не я. — Вот каков ты душою!
Ежели все меня любят, любят меня по тебе же:
Ты сокрывал мои слабости; малое доброе дело
Ты выставлял и хвалил; ты был всё для меня, и с тобою

[illegible]

[illegible]

Что он [illegible] всех [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] противились [illegible]

[illegible]

N

Так и теперь не [illegible] сидела она. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

61

Долгая жизнь пролетела, как вечер веселый в рассказах.
Счастлив я был! не боюсь умереть! предчувствует сердце —
Мы ненадолго расстанемся: скоро мы будем, обнявшись,
Вместе гулять по садам Елисейским, и, с новою тенью
Встретясь, мы спросим: «Что на земле? всё так ли, как прежде?
Други так ли там любят, как в старые годы любили?»
Что же услышим в ответ: по-старому родина наша
С новой весною цветет и под осень плодами пестреет,
Но друзей уже нет, подобных бывалым; нередко
Слушал я, старцы, за полною чашей веселые речи:
«Это вино дорогое! — Его молодое хвалили
Славные други, Дамет с Палемоном; прошли, пролетели
Те времена! хоть ищи, не найдешь здесь людей, им подобных,
Славных и дружбой, и даром чудесным испытывать вина».

<1826>

В АЛЬБОМ А. Н. В — Ф

В судьбу я верю с юных лет.
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.

Всегда в пути моем тяжелом
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом,
Где вас узнал я, где ясней
Моя душа заговорила
И блеск Гименовых свечей
Пророчественно полюбила.
Так при уходе зимних дней,

Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певица в крае здешнем
Пленяет песнию своей.

20 января 1826

* * *

Снова, други, в братский круг
Сóбрал нас отец похмелья,
Поднимите ж кубки вдруг
В честь и дружбы, и веселья.

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Выпьем, други, в память их!
Выпьем полные стаканы
За далеких, за родных,
Будем ныне вдвое пьяны.

19 октября 1826

УТЕШЕНИЕ

Смертный, гонимый людьми и судьбой! расставаяся с миром,
Злобу людей и судьбы сердцем прости и забудь.
К солнцу впоследнее взор обрати, как Руссо, и утешься:
В тернах заснувшие здесь, в миртах пробудятся там.

1826 или 1827

СМЕРТЬ

Мы не смерти боимся, но с телом расстаться нам жалко:
Так не с охотою мы старый сменяем халат.

1826 или 1827

ЭПИГРАММА

Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилья:
В старом свитке прочли книгу, известную всем.
Юноша! к Лиде ласкаясь, ты старого тоже добьешься:
Лида подчас и тебе вымолвит слово: люблю.

1826 или 1827

А. Н. КАРЕЛИНОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ» НА 1827 ГОД

От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов:
В соседстве вашем дух пророка
Волшебной свежестью стихов
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади — соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите,
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.

Начало 1827

НА СМЕРТЬ В. . . .ВА

Дева

Юноша милый! на миг ты в наши игры вмешался!
Розе подобный красой, как Филомела ты пел.
Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев и песен,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты.

Роза

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим;
Ах! и любовь бы изменою душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!

Март 1827

СОНЕТ

Что вдали блеснуло и дымится?
Что за гром раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнул, поднял гриву,
Звонко ржет, грызет узду, бодрится.

Снова блеск... гром, грянув, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву...
Зевс ли то, гремя, летит на ниву
И она, роскошная, плодится?

Нет, то флот. Вот выплыли ветрилы,
Притекли громада за громадой;
Наш орел над русскою армадой

Распростер блистательные крилы
И гласит: «С кем испытать мне силы?
Кто дерзнет, и станет мне преградой?»

Июль 1827, Ревель

ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих дерев имена начертали:
Титир — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту

Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят
Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослися. —
Нимфы дерев сих, тайною силой имен сочетавшись,
Ныне в древе двойном вожделеньем на путника веют;
Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

1827

* * *

Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уцелел!
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел!

1827

* * *

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яйц гнилых?
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Между 1827 и 1831

* * *

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

1828

ХОР
ДЛЯ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИЦ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА

Три или четыре голоса

Подруги, скорбное прощанье
И нам досталось на удел!
Как сновиденье, как мечтанье
Златой наш возраст пролетел!
Простите... Жизненное море
Уже принять готово нас;
На нем что встретим? Счастье ль, горе? —
Еще судьбы безмолвен глас!

Один голос

Но не безмолвен голос сердца!
Он громко мне благовестит:
Кто здесь призрел меня, младенца,
Меня и там приосенит.
И наша матерь, наше счастье,
Отрада стороны родной,
Нам будет в жизненном ненастье
Путеводительной звездой.

Хор

Свети, свети, звезда России,
Свети бескровных благодать!
Пусть долго с именем Марии
Мы будем радость сочетать.
А ты, святое провиденье,
Внемли молению детей:
Она всех бедных утешенье,
За них воздателем будь ей!

1828

В АЛЬБОМ Е. П. ЩЕРБИНИНОЙ
(В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ)

Как в день рождения (хоть это вам забавно)
Я вас спешу поздравить, подарить!
Для сердца моего вы родились недавно,
Но вечно будете в нем жить.

1828

КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(Идиллия)

Путешественник

Нет, не в Аркадии я! Пастуха заунывную песню
Слышать бы должно в Египте иль Азии Средней, где рабство
Грустною песней привыкло существенность тяжкую тешить.

Нет, я не в области Реи! о боги веселья и счастья!
Может ли в сердце, исполненном вами, найтися начало
Звуку единому скорби мятежной, крику напасти?
Где же и как ты, аркадский пастух, воспевать научился
Песню, противную вашим богам, посылающим радость?

Пастух

Песню, противную нашим богам! Путешественник, прав ты!
Точно, мы счастливы были, и боги любили счастливых:
Я еще помню оное светлое время! но счастье
(После узнали мы) гость на земле, а не житель обычный.
Песню же эту я выучил здесь, а с нею впервые
Мы услыхали и голос несчастья и, бедные дети,
Думали мы, от него земля развалится и солнце,
Светлое солнце погаснет! Так первое горе ужасно!

Путешественник

Боги, так вот где впоследнее счастье у смертных гостило!
Здесь его след не пропал еще. Старец, пастух сей печальный,
Был на проводах гостя, которого тщетно искал я
В дивной Колхиде, в странах атлантидов, гипербореев,
Даже у края земли, где обильное розами лето
Кратче зимы африканской, где солнце с весною проглянет,
С осенью в море уходит, где люди на темную зиму
Сном непробудным, в звериных укрывшись мехах, засыпают.

Чем же, скажи мне, пастух, вы прогневали бога
Зевеса?
Горе раздел услаждает; поведай мне горькую повесть
Песни твоей заунывной! Несчастье меня научило
Живо несчастью других сострадать. Жестокие люди
С детства гонят меня далеко от родимого града.

Пастух

Вечная ночь поглоти города! Из вашего града
Вышла беда и на бедную нашу Аркадию! сядем,
Здесь, на сем береге, против платана, которого ветви
Долгою тенью кроют реку́ и до нас досягают. —
Слушай же, песня моя тебе показалась унылой?

Путешественник

Грустной, как ночь!

Пастух

А ее Амарилла прекрасная пела.
Юноша, к нам приходивший из города, эту песню
Выучил петь Амариллу, и мы, незнакомые с горем,
Звукам незнаемым весело, сладко внимали. И кто бы
Сладко и весело ей не внимал? Амарилла, пастушка
Пышноволосая, стройная, счастье родителей старых,
Радость подружек, любовь пастухов, была удивленье,
Редкое Зевса творение, чудная дева, которой
Зависть не смела коснуться и злоба, зажмурясь,
бежала.
Сами пастушки с ней не равнялись и ей уступали
Первое место с прекраснейшим юношей в плясках
вечерних.
Но хариты-богини живут с красотой неразлучно,
И Амарилла всегда отклонялась от чести излишней.
Скромность взамен предпочтенья любовь ото всех
получала.
Старцы от радости плакали, ею любуясь, покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцем заметит?
Кто из прекрасных младых пастухов назовется
счастливцем?
Выбор упал не на них! Клянуся богом Эротом,
Юноша, к нам приходивший из города, нежный Мелетий,

Сладкоречивый, как Эрмий, был Фебу красою подобен,
Голосом Пана искусней! Его полюбила пастушка.
Мы не роптали! мы не винили ее! мы в забвеньи
Даже думали, глядя на них: «Вот Арей и Киприда
Ходят по нашим полям и холмам; он в шлеме блестящем,
В мантии пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,
Сжатой камнем драгим на плече белоснежном. Она же
В легкой одежде пастушки простой, но не кровь, а бессмертье,
Видно, не менее в ней протекает по членам нетленным».
Кто ж бы дерзнул и помыслить из нас, что душой он коварен,
Что в городах и образ прекрасный, и клятвы преступны.
Я был младенцем тогда. Бывало, обнявши руками
Белые, нежные ноги Мелетия, смирно сижу я,
Слушая клятвы его Амарилле, ужасные клятвы
Всеми богами: любить Амариллу одну и с нею
Жить неразлучно у наших ручьев и на наших долинах.
Клятвам свидетелем я был; Эротовым сладостным тайнам
Гамадриады присутственны были. Но что ж? и весны он
С нею не прожил, ушел невозвратно! Сердце простое
Черной измены постичь не умело. Его Амарилла
День, и другой, и третий ждет — всё напрасно! О всём ей
Грустные мысли приходят, кроме измены: не вепрь ли,
Как Адони́са, его растерзал; не ранен ли в споре
Он за игру, всех ловче тяжелые круги метая?
«В городе, слышала я, обитают болезни! он болен!»
Утром четвертым вскричала она, обливаясь слезами:
«В город к нему побежим, мой младенец!» И сильно схватила
Руку мою и рванула, и с ней мы как вихрь побежали.
Я не успел, мне казалось, дохнуть, и уж город пред нами
Каменный, многообразный, с садами, столпами открылся;
Так облака перед завтрашней бурей на небе вечернем
Разные виды с отливами красок чудесных приемлют.

Дива такого я и не видывал! Но удивленью
Было не время. Мы в город вбежали, и громкое пенье

Нас поразило — мы стали. Видим: толпой перед нами
Стройные жены проходят в белых как снег покрывалах.
Зеркало, чаши златые, ларцы из кости слоновой
Женщины чинно за ними несут. А младые рабыни
Резвые, громкоголосые, с персей по пояс нагие,
Около блещут очами лукавыми в пляске веселой,
Скачут, кто с бубном, кто с тирсом, одна ж головою кудрявой
Длинную вазу несет и под песню тарелками плещет.
Ах, путешественник добрый, что нам рабыни сказали!
Стройные жены вели из купальни младую супругу
Злого Мелетия. — Сгибли желанья, исчезли надежды!
Долго в толпу Амарилла смотрела и вдруг, зашатавшись,
Пала. Холод в руках и ногах, и грудь без дыханья!
Слабый ребенок, не знал я, что делать. От мысли ужасной
(Страшной и ныне воспомнить), что более нет Амариллы —
Я не плакал, а чувствовал: слезы, сгустившися в камень,
Жали внутри мне глаза и горячую голову гнули.
Но еще жизнь в Амарилле, к несчастью ее, пламенела:
Грудь у нее поднялась и забилась, лицо загорелось
Темным румянцем, глаза, на меня проглянув, помутились.
Вот вскочила, вот побежала из города, будто
Гнали ее эвмениды, суровые девы Айдеса!

Был ли, младенец, я в силах догнать злополучную деву!
Нет... Я нашел уж ее в сей роще, за этой рекою,
Где искони возвышается жертвенник богу Эроту,
Где для священных венков и цветник разведен благовонный
(Встарь, четою счастливой!), и где ты не раз, Амарилла,
С верою сердца невинного, клятвам преступным внимала.

Зевс милосердый! с визгом каким и с какою улыбкой
В роще сей песню она выводила! сколько с корнями
Разных цветов в цветнике нарвала и как быстро плела их!

Скоро странный наряд изготовила. Целые ветви,
Розами пышно облитые, словно роги, торчали
Дико из вязей венка многоцветного, чуднобольшого;
Плющ же широкий цепями с венка по плечам и по персям
Длинный спадал и, шумя, по земле волочился за нею.
Так, разодетая, важно, с поступью Иры-богини,
К хижинам нашим пошла Амарилла. Приходит, и что же?
Мать и отец ее не узнали; запела, и в старых
Трепетом новым забились сердца, предвещателем горя.
Смолкла — и в хижину с хохотом диким вбежала, и с видом
Грустным стала просить удивленную матерь: «Родная,
Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастли́ва, счастли́ва!»
Мать и отец, не поняв, но услышав ее, зарыдали.
«Разве была ты когда несчастли́ва, дитя дорогое?» —
Дряхлая мать, с напряжением слезы уняв, вопросила.
«Друг мой здоров! я невеста! из города пышного выйдут
Стройные жены, резвые девы навстречу невесте!
Там, где он молвил впервые *люблю* Амарилле-пастушке,
Там, из-под тени заветного древа, счастливица, вскрикну:
Здесь я, здесь я! Вы, стройные жены, вы, резвые девы!
Пойте: Гимен, Гименей! и ведите невесту в купальню.
Что ж не поете вы, что ж вы не пляшете! Пойте, пляшите!»
Скорбные старцы, глядя на дочь, без движенья сидели,
Словно мрамор, обильно обрызганный хладной росою.
Если б не дочь, но иную пастушку привел Жизнедавец
Видеть и слышать такой, пораженной небесною карой,
То и тогда б превратились злосчастные в томностенящий,
Слезный источник — ныне ж, тихо склоняся друг к другу,
Сном последним заснули они. Амарилла запела,
Гордым взором наряд свой окинув, и к древу свиданья,
К древу любви изменившей пошла. Пастухи и пастушки,
Песней ее привлеченные, весело, шумно сбежались
С нежною ласкою к ней, ненаглядной, любимой подруге.

Но — наряд ее, голос и взгляд... Пастухи и пастушки
Робко назад отшатнулись и молча в кусты разбежались.

Бедная наша Аркадия! Ты ли тогда изменилась,
Наши ль глаза, в первый раз увидавшие близко
несчастье,
Мрачным туманом подернулись? Вечнозеленые сени,
Воды кристальные, все красоты твои страшно поблекли.
Дорого боги ценят дары свои! Нам уж не видеть
Снова веселья! Если б и Рея с милостью прежней
К нам возвратилась, всё было б напрасно! Веселье и
счастье
Схожи с первой любовью. Смертный единожды в жизни
Может упиться их полною, девственной сладостью!
Знал ты
Счастье, любовь и веселье? Так понял, и смолкнем
об оном.

Страшно поющая дева стояла уже у платана,
Плющ и цветы с наряда рвала и ими прилежно
Древо свое украшала. Когда же нагнулася с брега,
Смело за прут молодой ухватившись, чтоб цепью
цветочной
Эту ветвь обвязать, до нас достающую тенью,
Прут, затрещав, обломился, и с брега она полетела
В волны несчастные. Нимфы ли вод, красоту сожалея
Юной пастушки, спасти ее думали, платье ль сухое,
Кругом широким поверхность воды обхватив,
не давало
Ей утонуть? Не знаю, но долго, подобно Наяде,
Зримая только по грудь, Амарилла стремленьем
неслася,
Песню свою распевая, не чувствуя гибели близкой,
Словно во влаге рожденная древним отцом Океаном.
Грустную песню свою не окончив — она потонула.

Ах, путешественник, горько! ты плачешь! беги же
отсюда!
В землях иных ищи ты веселья и счастья! Ужели
В мире их нет, и от нас от последних их позвали боги!

Примечание:

Читатели заметят в конце сей идиллии близкое подражание Шекспирову описанию смерти Офелии. Сочинитель, благоговея к поэтическому дару великого британского трагика, радуется, что мог повторить одно из прелестнейших его созданий.

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он впоследнее стоял
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:

«За турецкой за границей,
В басурманской стороне
По тебе лишь по девице
Слезы лить досталось мне...»
. . . .
. . . .

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам.
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

СОН

«Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
Я в третью ночь, в последнюю,
Я в вещем сне пришла к тебе,
Забыла стыд девический!
Не волком я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злым врагом утрачена:
По засекам гуляючи,
Я обошла лесничего
Косматого, рогатого;
Я сбилася с тропы с пути,
С тропы с пути, с дороженьки
И встретилась я с ведьмою,
С заклятою завистницей
Красы моей — любви твоей.

Мой суженый, мой ряженый,
Я в вещем сне впоследнее
К тебе пришла: спаси меня!
С зарей проснись, росой всплеснись,
С крестом в руке пойди к реке,
Благословясь пустися вплавь
И к берегу заволжскому
Тебя волна прибьет сама.
Во всей красе на береге
Растет, цветет шиповничек;
В шиповничке — душа моя:
Тоска — шипы, любовь — цветы,
Из слез моих роса на них.
Росу сбери, цветы сорви,
И буду я опять твоя».

— Обманчив сон, не вещий он!
По гроб грустить мне, молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!
По Волге брод — саженный лед,
По берегу ж заволжскому
Метет, гудет метелица!

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка девушка,
Полюби меня, молодца,
Полюбя, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе, —
Сиротинушке девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставенки,
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замóк висит,
В подворотенку пес глядит.

1828

ЭПИЛОГ

Так певал без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
Счастлив другом, милой девы
Всё искал душою я,
И любви моей напевы
Долго кликали тебя.

1828

РУССКАЯ ПЕСНЯ

По́ небу
Тучи громóвые ходят;
По́ полю
Пули турецкие свищут.
Молодцу ль
Грома и пули бояться?
Что же он

Голову клонит да плачет?
Бедному
Жаль не себя, горемыки,
Жаль ему
Душечки красной девицы!
Девушку
Грозный отец принуждает,
Красную
Жалобно матушка молит:
«Дитятко!
Выдь за богатого замуж!
Милое,
Верь, и не вспомнишь солдата!»

1828 или 1829

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

(Русская идиллия)

Солдат

Нет, не звезда мне из лесу светила:
Как звездочка, манил меня час целый
Огонь ваш, братцы! Кашицу себе
Для ужина варите? Хлеб да соль!

Пастухи

Спасибо, служба! Хлеба кушать.

Солдат

Быть так,
Благодарю вас. Я устал порядком!
Ну, костыли мои, вам роздых! Рядом
Я на траву вас положу и подле
Присяду сам. Да, верст пятнадцать
Ушел я в вечер.

1-й пастух

А идешь откуда?

Солдат

А из Литвы, из Виленской больницы.
Вот как из матушки России ладно

Мы выгнали гостей незваных, — я
На первой заграничной перестрелке,
Беда такая, без ноги остался!
Товарищи меня стащили в Вильну;
С год лекаря и тем и сем лечили
И вот каким, злодеи, отпустили.
Теперь на костылях бреду кой-как
На родину, за Курск, к жене и сестрам.

2-й пастух

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулуп раскинутый ложися!

Солдат

Спасибо, друг, господь тебе заплатит! —
Ах, братцы! Что за рай земной у вас
Под Курском! В этот вечер словно чудом
Помолодел я, вволю надышавшись
Теплом и запахом целебным! Любо,
Легко мне в воздухе родном, как рыбке
В реке студеной! В царствах многих был я!
Попробовал везде весны и лета!
В иных краях земля благоухает,
Как в светлый праздник ручка генеральши —
И дорого, и чудно, да не мило,
Не так, как тут! Здесь целым телом дышишь,
Здесь все суставчики в себя впивают
Простой, но сладкий, теплый воздух; словом,
Здесь нежишься, как в бане старых бар!
И спать не хочется! Играл бы всё
До солнышка в девичьем хороводе.

3-й пастух

И мы б, земляк, играть не отказались!
Да лих нельзя! Село далёко! Стадо ж
Покинуть без присмотра, положившись
Лишь на собак, опасно, сам ты знаешь!
Как быть! Но вот и кашица поспела!
Перекрестяся, примемся за ужин.
А после, если к сну тебя не клонит,
То расскажи нам (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!

Я чай, везде бывал ты, всё видал!
И домовых, и водяных, и леших,
И маленьких людей, живущих там,
Где край земли сошелся с краем неба,
Где можно в облако любое вбить
Крючок иль гвоздь и свой кафтан повесить.

Солдат

Вздор мелешь, малый! Уши вянут! Полно!
Старухи врут вам, греясь на печи,
А вы им верите! Какие черти
Крещеному солдату захотят
Представиться? Да ныне ж человек
Лукавей беса! Нет, другое чудо
Я видел, и не в ночь до петухов,
Но днем оно пред нами совершилось!
Вы слышали ль, как заступился бог
За православную державу нашу,
Как сжалился он над Москвой горящей,
Над бедною землею, не посевом,
А вражьими ватагами покрытой —
И раннюю зиму́ послал нам в помощь,
Зиму с морозами, какие только
В Николин день да около Крещенья
Трещат и за́ щеки и уши щиплют?
Свежо нам стало, а французам туго!
И жалко и смешно их даже вспомнить!
Окутались от стужи чем могли,
Кто шитой душегрейкой, кто лохмотьем,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались все, как святочные хари,
И ну бежать скорее от Москвы!
Недалеко ушли же. На дороге
Мороз схватил их и заставил ждать
Дня судного на месте преступленья:
У божьей церкви, ими оскверненной,
В разграбленном анбаре, у села,
Сожженного их буйством! — Мы, бывало,
Окончив трудный переход, сидим,
Как здесь, вокруг огня и варим щи,
А около лежат, как это стадо,
Замерзлые французы. Как лежат!

Когда б не лица их и не молчанье,
Подумал бы, живые на биваке
Комедию ломают. Тот уткнулся
В костер горящий головой, тот лошадь
Взвалил, как шубу, на себя, другой
Ее копыта гложет; те ж, как братья,
Обнялись крепко и друг в друга зубы
Вонзили, как враги!

Пастухи

Ух! страшно, страшно!

Солдат

А между тем курьерский колокольчик,
Вот как теперь, и там гремит, и там
Прозвякнет на морозе; отовсюду
Везут известья о победах в Питер
И в обгорелую Москву.

1-й пастух

Э, братцы,
Смотрите, вот и к нам тележка скачет,
И офицер про что-то ямщику
Кричит, ямщик уж держит лошадей;
Не спросят ли о чем нас?

Солдат

Помоги
Мне встать: солдату вытянуться надо...

Офицер

(подъехав)

Огня, ребята, закурить мне трубку!

Солдат

В минуту, ваше благородье!

Офицер

Ба!
Товарищ, ты как здесь?

Солдат

К жене и сестрам
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану в чистую уволен!

Офицер

С богом!
Снеси ж к своим хорошее известье:
Мы кончили войну в столице вражьей,
В Париже русские отмстили честно
Пожар московский! Ну, прости, товарищ!

Солдат

Прощенья просим, ваше благородье!

Офицер уезжает.

Благословение господне с нами
Отныне и во веки буди! Вот как
Господь утешил матушку Россию!
Молитесь, братцы, божьи чудеса
Не совершаются ль пред нами явно!

<1829>

ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЯНИЯ

(Идиллия)

(Посвящается В. И. Григоровичу)

«В кущу ко мне, пастухи и пастушки! В кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!
Боги благие меня, презренного девой жестокой,
Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились
Светлым, небесным видением! Персты мои совершили,
Смертные, дело бессмертное! Зов мой услышьте, бегите
В кущу ко мне, пастухи и пастушки! В кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!»

Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким
Кликал мирно пасущих стада пастухов ионийских
Ликидас юный, из розовой глины творивший искусно
Чаши, амфоры и урны печальные, именем славный,
Пламенным сердцем несчастный! Любовь без раздела —
несчастье!

Ликидас, всеми любимый, был презрен единой
пастушкой,
Злою Харитой, которою он безрассудно пленился!

— Образ Хариты! Харита живая! Харита из глины! —
Разом вскричали вбежавшие в кущу. Крики слилися
В радостный вой, восходящий до неба, и в узкие
двери,
Словно река, пастухи потекли, толпа за толпою.
«Други, раздайтесь! — им Ликидас молвил. — Так, образ
Хариты,
Девы жестокой, вы видите! Боги сей подвиг великий
Мне помогли совершить и глину простую в небесный
Облик одели, но в прочности ей отказали! Раздайтесь,
Други, молю вас! Может иной, в тесноте продираясь,
Вдруг без намеренья ринуться прямо на лик сей
и глину
Смять и меня еще в злейшую долю повергнуть!
Садитесь,
Крайние, вы же все замолчите, вам чудо скажу я!

Много дней и ночей, томим безнадежной любовью,
Сна не знал я, пищи не брал и дела не делал.
Словно призрак печальный, людей убегая, блуждал я
Вдоль по пустынному брегу морскому; слушал стенанье
Волн и им отвечал неутешным рыданием. Нынче
Ночью — как и когда, не припомню — упал на песок я,
Смолк и забылся. К утру, чувствую, теплой рукою
Кто-то плечо мое тронул и будит меня, и приятно
На ухо шепчет: „Ликидас, встань! Подкрепи себя
пищей,
В кущу иди и за дело примися! Что сотворишь ты,
Вечной Киприде в дар принеси: уврачует богиня
Сердце недужное!“ Взоры я поднял — напрасно!
Поднялся —
Нет никого ни вблизи, ни вдали! Но советы благие
В сердце запали послушное: в кущу иду я и глину
Мну и, мягкий кусок отделивши, на круг повергаю;
Сел я, не зная, что делать; по глыбе послушной без
мыслей
Пальцы блуждают, глаза не смотрят за ними, а сердце —

Сердце далеко, на гордость Хариты, несчастное,
ропщет!
Вдруг, как лучом неожиданным в бурю, меня поразило
Что-то знакомое, я встрепенулся, и сердце забилось.
Боги! на глине я вижу очерк прямой и чудесный
Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожий!
Вижу: и кудри густые, кругом завиваясь, повисли;
Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся
добраться
В мякоти чудной до уст говорливых! С этого мига
Я не знаю, что было со мною! Пламя, не сердце,
Билось во мне, и не в персях, а в целом разлитое теле,
С темя до ног! И руки мои, и глина, и куща,
Дивно блистая, вертелись! Лишь помню: прекрасный
младенец
Стрелкой златою по глине сверкал, придавая то
гордость
Светлому лбу, то понятливость вгляду, то роскошь
ланитам.
Кончил улыбкой, улыбкой заманчиво-сладкой!
Свершилось!
С места восстал я, закрыл рукою глаза, а другою
Кудри свои захватил и подернул: хотел я скорее
Боль почувствовать, всё ли живу я, узнать! —
„Совершилось
Смертным бессмертное! — голос священный внезапно
раздался. —

Эрмий, раскуй Промефея! Старец, утешься меж славных
Теней! Небесный огонь не вотще похищён был тобою!
Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же,
мгновенной,
Бренной красе даровавший бессмертье, взглянь, как
потомкам
Поздним твоим представятся боги в нетленном сияньи,
Камень простой искусством твоим оживить в их подобьи,
Смертных красой к небесам восхищать и о Зевсе
глаголать!“

Где я? Стрела прорезала небо! Олимп предо мною!
Феб-Аполлон, это ты, это ты! Тетива еще стонет,

Взор за стрелой еще следует, славой чело и ланиты
Блещут; лишь длань успокоилась, смерть со стрелою пустивши!
Мне ли пред вами стоять, о бессмертные боги! Колени
Гнутся, паду! Тебе я сей лик приношу, Киферея,
Дивно из моря исшедшая в радость бессмертным и смертным!
Слепну! Узрел я Зевеса с Горгоной на длани могучей!
Кудри, как полные грозды, венчают главу золотую,
В легком наклоне покрывшую вечный Олимп и всю землю!»

<1829>

К П***
ПРИ ПОСЫЛКЕ ТЕТРАДИ СТИХОВ

Броженье юности унялось,
Остепенился твой поэт,
И вот ему что́ отстоялось
От прежних дел, от прошлых лет.
Тут всё, знакомое субботам,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней:
Я — снова к лени, ты — к заботам.

1829

* * *

Увижу ль вас когда-нибудь
С моею нежной половиной,
Увижу ль вас когда-нибудь,
О милый свадрик с плоховиной!

1829

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ

Вместе с няней фантазия тешит игрушкой младенцев,
Даже во сне их уста сладкой улыбкой живит;
Вместе с любовницей юношу мучит, маня непрестанно
В лучший и лучший мир, новой и новой красой;

Другу Плетневу от Д.

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

1829.

Бросивши юности утехи
Остепенился твой поэт —
И вот ему что отстоялось
От прежних нег, от прошлых лет,
Тут все, знакомое субботам,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней
И снова к музам, ты к заботам,

Мужа степенного лавром иль веткой дубовой прельщает,
Бедному ж старцу она тщетным ничем не блестит!
Нет! на земле опустевшей кажет печальную урну
С прахом потерянных благ, с надписью: в небе найдешь

1829

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

ГРУСТЬ

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит? Грустит не о прежнем;
Нет! не грядущего страх жмет и волнует его.
Что же? Иль в миг сей родная душа расстается с землею?
Иль мной оплаканный друг вспомнил на небе меня?

1829

МАЛОРОССИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Я ль от старого бежала,
В полночь травы собирала,
Травы с росами мешала,
Всё о воле чаровала.
Птичке волю, сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?..
Дайте, дайте погуляю,
Как та рыбка по Дунаю,
Как та рыбка с окунями,
Я, молодка, с молодцами,
Как та рыбка со плотвою,
Я с прилукой-красотою!

1829

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как у нас ли на кровельке,
Как у нас ли на крашеной,
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
В путь-дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь мы наигралися,
Здесь не ждать же вам гибели
От мороза трескучего!»

Государь ты мой, батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватает,
Меня ряженый сватает;
Поспешите, не мешкайте,
Меня поезду выдайте,
С хлебом-солию, с образом,
С красотой проходящею!
Мне не век вековать у вас,
Не сидеть же всё девицей
Без любви и без радости
До ворчуньи до старости.

1829

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли!
— Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блестим!

1829

УДЕЛ ПОЭТА

Юноша

Сладко! Еще перечту! О, слава тебе, песнопевец!
Дивно глубокую мысль в звучную ткань ты облек!
В чьих ты, счастливец, роскошных садах надышался весною?
Где нажурчали ручьи говор любовный тебе?

Гений поэта

Где? Я нашел песнопевца на ложе недуга, беднее
Старца Гомера, грустней Тасса, страдальца любви!
Но я таким заставал и Камо́энса в дикой пещере,
Так и Сервантес со мной скорбь и тюрьму забывал!

1829

* * *

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

1829 или 1830

ПОЭТ

Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли:
Мнится, с нами, людьми, их он не хочет делить!
Изредка, так ли, по воле ль небесной, вдруг запоет он, —
Боги! в песнях его счастье, и жизнь, и любовь,
Всё, как в вине вековом, початом для гостя родного,
Чувства ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

<1830>

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?

Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я,
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

НАБРОСКИ, ОТРЫВКИ И СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я вечор в саду, младешенька, гуляла,
И я белую капусту поливала,
Со пра́вой руки колечко потеряла;
Залилася я горючими слезами,
И за это меня матушка бранила:
«Стыдно плакать об колечке! — говорила. —
Я куплю тебе колечко золотое,
Я куплю тебе колечко с изумрудом».
— Нет, нет, матушка, не надо никакого!
То колечко было друга дорогого;
Милый друг дал мне его на память.
Любовь милого дороже изумруда,
Любовь милого дороже всего света.

1820-е годы

* * *

Пусть нам даны не навсегда
И жизнь, и жизни наслажденье,
Пусть как падучая звезда
Краса блестит одно мгновенье,
Да будет так! Закон богов
Без ропота благословляю,
А всё на путь мой я цветов,
Как жизнь минутных, рассыпаю.

* * *

Тассо

Удались, ты так же всё сияешь
И в стране призра́ков и теней,
Ты и здесь, царица, всех пленяешь
Красотой могущею своей,
Ты опять в Торквато разжигаешь
Страшный огнь, всю ревность прежних дней!
Удались, хотя из состраданья,
Мне страдать нет силы, ни желанья!

Елеонора

Бедный друг, божественный Торквато!
Прежним я и здесь тебя нашла.
Так, была царицей я когда-то,
Но венец как бремя я несла,
И в душе, любовию объятой,
Мысль одна отрадная жила,
Что тобой, певец Ерусалима,
Я славна и пламенно любима.

Тассо

Замолчи, молю, Елеонора!
Здесь, как там, мы будем розно жить.
Но сей скиптр, венец и блеск убора
Там должны ль нас были разлучить!
Устыдись сердечного укора:
Никогда не знала ты любить.
Ах, любовь всё с верой переносит,
Терпит всё, одной любви лишь просит.

* * *

От души ль ты, господин служивый,
Песни, ходя на часах, поешь,
Вспоминаешь ли отца и матерь,
О девице ль горько слезы льешь,
Иль в забаву речи так выводишь,
Как весною соловьи поют.

* * *

На теплых крыльях летней тьмы
Чрез запах роз промчались мы
И по лучам ночных светил
Тебя спустили средь могил.
Гляди смелей: кладбище здесь;
Плакучих ив печальный лес
Над урной мраморной шумит,
Вблизи ее седой гранит
Едва виднеет меж цветов;
Кругом кресты, и без крестов
Лишь две могилы.

* * *

Мы весело свои кончали дни!
Что до чужих? Пускай летят они,
В двух сторонах экватор рассекая,
Но мы б, друзей под вечер оставляя,
Фортуне вслед не думали бежать.

* * *

И вещего баяна опустили
Сквозь запах роз и песни соловьев
Под тень олив, на ложе из цветов.

* * *

Когда крылам воображенья
Ты вдохновенный миг отдашь,
Прости земные обольщенья,
Схвати, художник, карандаш.

Богами на сие мгновенье
Весь озаряется дух наш,
Ты вскрикнешь: в тайне я творенья
Постигнул помысл, боги, ваш.

* * *

Певец Онегина один
Вас прославлять достоин, Ольга,
Его стихи блестят, как злато, как рубин,
Мои ж — как мишура и фольга.

* * *

Нет, я не ваш, веселые друзья,
Мне беззаботность изменила.
Любовь, любовь к молчанию меня
И к тяжким думам приучила.

Нет, не сорву с себя ее оков!
В ее восторгах неделимых
О, сколько мук! О, сколько сладких снов!
О, сколько чар неодолимых.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили, шутя: «Какое в *россиянах* чувство!»

1819

ПЕВЦЫ 15-ГО КЛАССА

Князь Шаховской согнал с Парнаса
И мелодраму, и журнал;
Но жаль, что только не согнал
Певца 15-го класса.

Но я бы не согнал с Парнаса
Ни мелодраму, ни журнал,
А хорошенько б откатал
Певца 15-го класса.

Не мог он оседлать Пегаса;
Зато Хвостова оседлал,

И вот за что я не согнал
Певца 15-го класса.

(Теперь певцы говорят сами:)

Хотя и согнан я с Парнаса,
Всё на Песках я молодец:
Я председатель и отец
Певцов 15-го класса.

Я перевел по-русски Тасса,
Хотя его не понимал,
И по достоинству попал
В певцы 15-го класса.

Во сне я не видал Парнаса,
Но я идиллии писал
И через них уже попал
В певцы 15-го класса.

Поймав в Париже Сен-Томаса,
Я с ним историю скропал
И общим голосом попал
В певцы 15-го класса.

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгребал,
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса.

Я сам, Княжевич, от Пегаса
Толчки лихие получал
И за терпение попал
В певцы 15-го класса.

Хотел достигнуть я Парнаса,
Но Феб мне оплеуху дал,
И уж за деньги я попал
В певцы 15-го класса. [1]

---

[1] В сенате — третьего я класса,
А здесь — в 15-й попал.

Кой-что я русского Парнаса,
Я не прозаик, не певец,
Я не 15-го класса,
Я цензор — сиречь — я подлец.

1822

Сочинил унтер-офицер
Евгений Баратынский с артелью

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович как кровный
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил!

1825

* * *

Наш приятель, Пушкин Лёв,
Не лишен рассудка:
И с шампанским жирный плов,
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силою желудка.

Федор Глинка молодец —
    Псалмы сочиняет,
Его хвалит бог-отец,
    Бог-сын потакает;
Дух святой, известный лжец,
Говорит, что он певец...
    Болтает, болтает.

1826 или 1827

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДЕЛЬВИГУ

НА ИГРУ АРТИСТКИ ГОСПОЖИ КОЛОСОВОЙ, М<ЛАДШЕЙ>

Ты дочь любимая и важной Мельпомены
И резвой Талии; ты создана пленять
И прелестью игры их храм одушевлять,
Как Амфион немые стены.

1819

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

МЕДЕЯ

Трагедия в пяти действиях в стихах,
переделанная с французского
из Театра Лонжпьера

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА[1]:

* Медея, дочь Аэта, царя Колхиды, супруга Язона.
* Язон, вождь Фессалийский.
* Креон, царь Коринфский.
Креуза, дочь Креона.
Дети Медеи.
* Родопа, наперсница Медеи.
Ифит, наперсник Язона.
Сидиппа, наперсница Креузы.
Свита Креона.

ДЕЙСТВИЕ II

Явление I

Медея
(одна)

Где я, несчастная? Весь дух мой возмущен!
Что зрела, слышала? то истина иль сон?
Не узнаю себя, бегу и цепенею.
Не слышатся ль мне шум и песни Гименею?

---

[1] Звездочкой отмечены действующие лица, участвующие в помещаемом здесь отрывке из «Медеи». — *Ред.*

Так, торжеством Коринф гремит в своих стенах;
Отверсты храмы все, все алтари в цветах!
Пир, ненавистный мне, спеша приготовляют;
Все, все неверного с Креузой прославляют.
Язон — кто б думать мог? — Язон мне изменил;
От ложа он жену позорно удалил!
Что говорю — жену? Несчастная Медея!
Нет для тебя надежд! нет боле Гименея!
Неверный, разорвал он узы брака сам.
О боги-мстители, я прибегаю к вам!
Вы слышали его обеты, уверенье,
Карайте дерзкого, отмстите оскорбленье.
О солнце, ты ль меня оставишь в бедстве сем?
Тебе родитель мой обязан бытием;
Ты видишь от небес бесчестие Медеи
И светишь на Коринф? и зрят тебя злодеи?
Перемени свой путь, ты отврати свой зрак
И погрузи весь мир в смятение и мрак!
Или — твоих коней вручи мне с колесницей:
В прах всё я превращу под мстительной десницей,
С их пламенем на Истм Медея упадет,
И разгромит Коринф и дерзкий с ним народ.
И страшный гнев ее, с самой природой споря,
Облегшие Коринф соединит два моря.
Но тщетные мольбы! и мне ль в моих бедах,
Мне ль помощи теперь искать на небесах?
Нет, вы, подземные богини эвмениды!
Придите вы омыть Медеины обиды!
Всю к человечеству мы жалость умертвим;
Всю черноту волшебств здесь к трепету яви́м.
Пусть кровь дымящаясь, пусть мертвых бледны виды
На Истме то явят, что зрели средь Колхиды.
Нет! в злодеянии и то мы превзойдем;
Тогда, от младости неопытная в нем,
Душою чистою, невинной я любила,
Тогда длань робкую одна любовь водила,
Теперь и ненависть, и горесть, и любовь
Неистовым огнем мою волнуют кровь.
Чего сей лютый огнь, чего не предвещает?
Злодейство съединив, пусть нас и разлучает.

Явление 11

Медея, Родопа.

Медея

Ты знаешь, за любовь чем платит мне Язон?
И до чего, увы! простер измену он?
Креузу он избрал; их брак уготовляют;
А мне позор и смерть! — Когда сей брак свершают?

Родопа

Царица! завтра брак желают совершить.

Медея

Как, завтра? краток миг! мне должно поспешить;
Воспользуемся им.

Родопа

Жестокою судьбою
Вдруг столько горестей излито над тобою.

Медея

Но что сравняется с сей горестью одной?
Язон, кто б думать мог? Язон убийца мой!
Неверный, в торжестве с надменною царицей
Меня он, как рабу, влачит за колесницей,
Меня, которая пожертвовала всем:
Отчизной, счастием, и троном, и отцем;
Всё с пламенной душой я в жертву приносила,
И от него за всё одной любви просила;
Бесчеловечный! он и в ней мне отказал!
Но мало этого: Язон меня изгнал —
Под чуждым небом сим, в стране иноплеменной
Оставил преданной, бесславною, презренной,
Где за злодейства я жду мщенья одного,
А я злодейства те свершила для него.

Родопа

За недостойное любви твоей забвенье
Оставь неверного, питай к нему презренье,
И духа торжество ты над судьбой яви.

Медея

Но как торжествовать над властию любви?
Несчастная! я всё смущаю заклинаньем;
Мой всемогущий глас колеблет всем созданьем:
Над всем я властвую, всё в силах побеждать,
Из сердца нет лишь сил неверного изгнать!
Любовь сильней меня, не внемлет заклинаньям,
Смеется чарам всем и всем моим терзаньям!
Она в моей душе с изменником моим.
Люблю, что говорю? я вся пылаю им;
Вновь для него предать отечество готова,
Вновь для него пошла б скитаться без покрова...

Родопа

Но вспомни — для кого? К кому питаешь страсть?
О! гибельной любви мучительная власть!
Медея, о тебе нельзя не сокрушиться...

Медея

Родопа, но меня нельзя и не страшиться!
Без кар еще никто не делал мне обид.
Но где теперь Язон? и что он говорит?

Родопа

Увы! Креузы он колена обнимает,
Лишь с нею говорит и ею лишь пылает.

Медея

Кровь вероломного Медею отомстит.
Умрет мой враг! и что за страх меня томит?
Давно ль и отчего Медея робкой стала?
Иль брата лишь убить рука ее дерзала?
Невинных поражать нетрудно было ей,
Так пощажу ль того, кто смертный мой злодей.
Пусть гибнет!.. но увы, какое ослепленье!
Чтоб он погиб, герой, любовь, мое творенье,
Предмет моих забот, трудов, злодейств самих.
Нет, нет, он не умрет, он мука дней моих!
Его Креон склонил на брак, мне нестерпимый,
В Креона обратим мы гнев неумолимый:
Тиран лишил меня супруга моего,
И месть ужасная да поразит его!

Родопа

Умерь, царица, ты жестокое мученье;
Ах, удержись иль скрой души твоей волненье!
Я слышу шум. Идут! сей гордый гнев сокрой.
Царица, вот Креон, враг ненавистный твой!

Явление III

Медея, Родопа, Креон.

Креон

Язон и дочь моя уже судьбу свершили,
И граду торжество их брака возвестили.
Медея! как твоя судьбина ни грустна,
Язона и меня оставить ты должна.
Здесь радости твое лишь сердце потревожат;
Оставь сии места, пусть мук они не множат.
Покорствуя судьбе, оставь ты мой народ,
Пусть в пристань верную судьба тебя ведет.
Того Акаст, Коринф и просят, и желают,
И мир ценою сей друг другу обещают,
Сей мир положишь ты отбытием твоим.
Вотще противился б я подданным моим;
К тебе их ненависть с днем каждым возрастает,
Их злобы и моя вся власть не обуздает.
Какой ярем народ в пылу не сокрушит?
Сей яростный поток чей остановит щит?
Ты, необузданных страшася исступленья,
В одном изгнании ищи себе спасенья.
То рок тебе велит, покой наш, жизнь твоя.
Вот что, для польз твоих, открыть счел нужным я.

Медея

За дивное твое благодарю старанье!
Супруга отнял ты, и наконец изгнанье
Ты ж назначаешь мне; скажи же, за какой
Проступок мой у вас так милосерд со мной?

Креон

Медея ли своих не знает преступлений?

Медея

Но кто тебе вручил права для угнетений?
Тираны подданных насилием разят;
Цари, не осудив, виновных не казнят.
Коль сам судить меня ты хочешь унижаться,
То осуждай, или — позволь мне оправдаться.
Не знаю, что меня бесславит пред тобой,
Но вот мои вины: будь судия ты мой.
Я сих вождей спасла, бессмертью обреченных,
Цвет лучший Греции, богами порожденных.
Добыл ли б без меня руно златое он,
Сей образец вождей, сей славимый Язон?
Иль славу он мою сокрыл перед тобою?
Коль он на то дерзнул, так я сама открою:
В дубраве мрачной, где луч днѐвный не светил,
Ужаснейший дракон руно сие хранил.
Оно — священное Арея достоянье,
И исполнял дракон небесных завещанье.
Он сладким никогда не наслаждался сном,
И нестерпимым взор его горел огнем.
Равно и день и ночь он, гибелью грозящий,
Бродил неистовый и ужас разносящий.
Два яростных вола, созданье злых небес,
Оберегали вход в таинственный сей лес.
Дыханье их огнем окрестность заливало;
И, необузданных, смирить их надлежало;
И должно было зреть — вдруг из змеи зубов,
Рождаемых землей, сонм яростных бойцов,
И, кровью дышащих, их победить ужасных!
Кто, смертный или бог, героев спас несчастных?
Я, победив судьбу, героев сих спасла,
Я сохранила их, я славой облекла.
И, забывая всё: отечество, державу,
И собственный покой, и собственную славу,
В награду — я из них искала одного;
Владейте всем, а мне оставьте вы его!

Креон

Итак, по сим словам невинна ты душою.
Ужасных дел твоих — одна любовь виною.
Медея, чтоб спасти любви своей предмет,
Злодейством рук своих наполнила весь свет.

Но мы не чувствуем признательности правой.
Мы ей обязаны и жизнию и славой,
Эллада целая...

Медея

Обязана мне всем!
И подвигов моих не наградит ничем.
И что в притворной мне, бесчувственной награде?
Я жертвовала всем Язону, не Элладе,
И слишком дорого купила я его.
За что ж меня лишать супруга моего?
Почто его, Креон, со мной не изгоняешь?
Виновны оба мы, почто ж одну караешь?

Креон

Медея, воздержись невинных обвинять
И именем своим героя унижать.
Язон не разделял преступных замышлений.

Медея

Нет! — он пожал плоды с злодейств
и преступлений,
Которых всех виной единственно был он.
Коль я преступница — преступник и Язон!
Почто ж, тиран, меня одну ты обвиняешь?

Креон

Медея! ты мой гнев невольно возбуждаешь.
Страшись!

Медея

И ты, Креон, давно мой возбудил.
Иди, не помышляй, чтобы меня склонил
Вымаливать твое презренное жаленье.
Мое ты отнял всё, но мне осталось мщенье

Креон

Ах! долго гневу я противиться хотел.
Оставь, скиталица, немедля мой предел,
Избавь собой ты нас ужасного созданья;
Здесь воздух заражен от твоего дыханья.
Очисти ты Коринф, и в варварских странах
С злодейством водвори ты божий гнев и страх.

В Колхиде рассевай и ужасы и чары,
Там ускоряй небес медлительные кары.
Беги — и навсегда оставь ты мой предел,
Чтоб с утренней зарей я здесь тебя не зрел.
Или — останься здесь, презри мои веленья,
И завтра здесь падешь ты жертвою мученья!
Решись и избирай.

(Уходит.)

Явление IV

Медея, Родопа.

Медея

Тиран, решилась я!
Так, завтра не узрит меня земля твоя;
Но не гордись еще, я удалюсь со славой.
Воздвигну я себе здесь памятник кровавый,
Который с трепетом и поздний род узрит:
В прах мстительный мой гром весь град сей обратит.
Но как? ужель и он, и сам Язон коварный,
С Креоном согласясь? . .

Родопа

Вот он, неблагодарный.

Медея

О ты, которая зришь скорбь души моей,
Любовь, что чары все пред властию твоей!
Ах, умягчи его, наполни грудь Язону,
Или — дай власть твою моим слезам и стону!

Явление V

Те же и Язон.

Медея

Итак, всё кончено: супруг — врагом мне стал,
С Креоном согласясь, он сам меня изгнал.
Изгнание, Язон, ты помнишь, мне не ново.
И прежде на него твое решило слово.

С тобой бежала я, сражалася с судьбой,
Всё для тебя, Язон, — и изгнана тобой!
Нет нужды! Ты велишь — мне должно покориться:
Тебя оставлю я! — Но где, скажи, мне скрыться?
В Европе, в Азии ль пристанище найду?
Не за тебя ль весь мир ведет со мной вражду?
Везде закрыт мне путь, везде найду гоненье
За страсть мою к тебе и за твое спасенье.
Ты помнишь — для тебя я жертвовала всем;
Ты помнишь то, и вот благодаришь мне чем!

Язон

Не укоряй меня несчастьем непременным;
Повергнуты в него мы небом раздраженным.
Делю все горести, все бедствия с тобой,
Но отвратить я их могу лишь сей ценой;
С богами мощными бороться нам напрасно.
Судьба твоя, детей тягчит меня ужасно;
Коль не Креуза бы и благостный Креон,
То я...

Медея

И смеет так мне говорить Язон?
Неблагодарный! Чем себя ты извиняешь?
Креона с дочерью ты мне предпочитаешь?
Каким они добром, ценою дел каких
Купили над тобой прав более моих?
Я честь тебе и жизнь один ли раз спасала,
Как на тебя судьба всей злобой восставала,
Когда, летя в Колхос с дружиною своей,
Ты был игралищем и рока и морей?
Воспомни о бедах, главе твоей грозивших,
О чудах яростных, о тучах, огнь дождивших.
Кто все их укрощал, дракона усыпил?
Кто наконец тебе руно сие вручил?
Всё мало! Для тебя Медея без возврата
Покинула отца, исторгла жизнь у брата;
И всё то делала, чтоб счастлив был Язон.
Что ж боле для тебя соделал сей Креон?
Креузе ль боле ждать твоих благодарений,
Коль жизнь твоя есть цепь моих благотворений.

Язон

Их память глубоко в душе моей живет;
Язон ее с собой в могилу понесет.
Когда бы в сей душе твои читали взоры,
Ты б ужаснулася, оставила б укоры.
Но слаб судьбу, тебя разящу, одолеть,
Я что бы для тебя мог сделать?

Медея

Умереть!
Иль славы сей тебе еще казалось мало?
Пример тебе подать мне б мужество достало.
Бестрепетной рукой пронзив сама себя,
Еще б я славы путь открыла для тебя.
Чего ты стоишь мне, о том не вспоминаю.
Нет, к сердцу твоему я путь вернейший знаю.
Забудь, бесчувственный, о жертвах жизни всей,
Но вспомни, вспомни ты хоть о любви моей.
Паду к ногам твоим, у ног твоих рыдаю...
Ах, именем любви, которою пылаю,
Которая тебя дала душе моей
И даровала нам хвалу семейств, детей,
Их именем молю, твоими сыновьями;
Тронися; нет, не мной, тронися ты детями;
Не покидай ты мать, коль любишь чад своих;
Все узнают тебя в чертах младенцев сих.
Увы! Какой удел их, сирых, ожидает!..
При виде их тоска мне сердце раздирает.
В них вижу я твой дух, твою в них вижу кровь;
И тем бесценнее твоя ко мне любовь!
Спаси со мной детей, тронися их судьбою.
Представь, когда пойдут в изгнание со мною;
Что ждет их?..

Язон

Не страшись об участи ты их.
Я б умер с горести, изгнав детей своих.
И взора и души они мне утешенье;
И перенес ли б я толь горькое лишенье?
Ничто не разлучит их с нежностью моей!

Медея

Как? хочешь ты еще лишить меня детей?
Моих детей — предать ты мачехе дерзаешь?

Язон

Напрасно ты себя сей мыслию смущаешь.
Я счастья им хочу и знаю, что их род
Честь, им приличную, в Коринфе обретет
Под кровом царственным и под моей защитой,
Всю славу сохранит их крови знаменитой.
Своими милостьми Креон их наградит,
И с ними собственных он внуков съединит.

Медея

Нет, лучше во сто крат им смерть, чем униженье!
Как? кровь мою обречь на рабское служенье!
И, посмеваяся над отраслью богов,
С Сизифа племенем — зреть Солнцевых сынов?

Язон

Но не имею сил я с ними разлучиться,
Отдать их — всё равно, что жизни мне лишиться.
Нет, не решуся я... и без детей моих...

Медея

Довольно! кончено! оставим речь о них.
Но вспомни, рассуди, что ты предпринимаешь,
Меня лишая их, чего себя лишаешь?
Один их вид мой гнев против тебя смирял.
Отняв их, свой покров последний ты отнял.

Язон

Желал я облегчить души твоей печали,
Не мысля, чтоб слова мои их умножали.
Тебе я тягостен. Но время, может быть,
Успеет истину очам твоим открыть;
И за поступок мой признательностью вечной
Сама ты мне воздашь.

(Уходит.)

Явление VI

Медея, Родопа.

Медея

Воздам, бесчеловечный,
Воздам за всё тебе ужасною ценой.
Позором отягчив несчастный жребий мой,
Меня ты счастия последнего лишаешь,
У матери детей, безбожный, отымаешь...
Всё кончено: страшись! И завтра, о злодей,
Ты позавидуешь мне в участи моей!

Конец второго действия

МАККАВЕИ

Трагедия Гиро

АКТ III

Явление I

Саломия, пять братьев, Елиодор.

Саломия

Как! Сын мой! Ефраим богов иноплеменных
Дерзнет почтить в местах, их игом оскверненных!

Елиодор

Ты в том уверишься! взгляни, уж твой народ,
Мной созванный, сюда со всех сторон течет
И сей чертог толпой несметной окружает.

Саломия

Мой сын, ты говоришь, корону принимает?

Елиодор

Так, здесь ее и честь он примет от царя.

Саломия

Не верьте сим словам, о дети, о друзья!
Тень Ааронова его не постыдится,
И чистою на нем тиара сохранится,
Иль, как Елеазар пример преподал нам,
Уступит он ее одним лишь палачам.

Елиодор

Верь, скоро ты в словах моих не усумнишься.
Сама их истиной в сем месте убедишься,
В его покорности уверен государь.

Саломия

О, сына более мать знает, чем твой царь:
Мой сын хранить отцов святыню не престанет,
Он братьев, он меня, он бога не обманет,
Что Ефраим готов богам сим честь воздать,
Меня б вотще пришел сам царь твой уверять.
Как мыслишь ты, Нептал, ты, с ранних лет за братом
Летавший на врагов с губительным булатом?

(Забулону)

И ты, его делам дивившийся в боях,
Что он изменит нам, ты чувствуешь ли страх?

Нептал

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОЖДЕНИЕ ЛЕЛЯ

ПЕСНИ МОЛОДОГО БАЯНА

1

Я ходил молиться богам, сперва небесным, там земным, а там подземным и просил их научить меня сладостно петь. Но сколько жрецам ни раздарил я овечек и коз, всё ж надо мной смеялись пастушки. Глупец, мне давно бы пойти к Лелю. Он услышал мои молитвы и кинул несколько искр в мою чашу, мед закипел, и я с тех пор воспеваю Леля и чаще пляшущим девушкам пою под лад его рождение, они улыбаются и хвалят Баяна.

2

Что б мы были без вас, прелестные, с вами и пустынная природа теряет свою дикость, и птички поют сладостнее, и мы дышим дыханьем бессмертных. Послушайте повесть мою. Проно выучил внучку свою Ладу волшебству, сим волшебством она отвлекала богов от богинь, перед всяким летала призраком и мучила пустыми желаниями, а в богинь поселяла ревнивость. Только поцелуй мог разрушить очарование, и гонимая Лада тайно ниспустилась на землю. Около горящего дуба лежали дикие обитатели земли, ужасные песни прославляли убийство, и победители пили кровь из черепа вражеского. Лада явилась пред ними, и они устыдились своей жестокости и познали благость бессмертных в нежных объятиях дев.

3

Поверьте мне, милые, ясное зеркало вод опаснее шумящего потока, одно устрашает нас, другое привлекает. Никто из богов, лежа на пуховом облаке, не знал, куда скрылась Лада, и летучий Догода, от которого она не скрылася и даже позволяла дитяте завивать падущие на груди ее кудри, о всем рассказал им, и боги и богини полетели на землю. Боги — похитить поцелуй, а богини — из ревности запрятать волшебницу Ладу.

4

Резвитесь, пасту́шки и пастушки́, кружитесь, схватившись руками. Без резвости и красота не красота. Мерцана из небесных чертогов привела за полную ручку летуна Догоду: «Вот тебе, прелестная Зимцерла, — сказала она, — вот любовник твой, забавляйтесь, а под вечер я приду за ним». Но прелестная Зимцерла и не глядит на него. «Ты изменил сестре моей Ладе, изменишь и мне! Поди, ветреник, не тронь моих цветов. Я и без тебя буду забавляться пестренькими бабочками. Поди, ветреник, не тронь цветов моих». Он вздохнул и понесся, а ее цветы стали завядать от жару солнечного. Зимцерла вздохнула, и в кусточке что-то вздохнуло. Она уронила слезку, а Догода унес ее на розу и с улыбкой обнялся с Зимцерлой.

5

О властолюбие, что не делают для тебя и бессмертные и смертные! На просвещенный Ладою народ кидается Лед с мечом обоюдуострым. Неизвестный воин, весь покрытый железом, защищает его. Лед ударяет по забралу, забрало поднимается вверх и лицо Лады блеснуло под закрывающимся железом. Исступленный бог схватывает за узду Ладиного коня и обнимает латы, пустые латы на него падают, и молоденький кролик скрывается в кустарнике.

Послушайте, молодые любовники, послушайте, что вам молодой Баян поет. Обманчиво время, а женщины

обманчивее и времени. Наши деды, певал Святославов Баян, называли их колдуньями, которые устрашают вас в длинные вечера на посиделках, о девы и юноши. Ужасный Лед хотел похитить у Лады поцелуй, уж она находилась в его объятиях, как, превращенная в белого кролика, сокрылась она в кустарнике. Лед наклонился к кустарнику и выгнал уж не белого, а черного кролика. «Не укроешься!» — кричал он и загнал его в темную пещеру, где вместо кролика кто-то обнял его. «Это ты», — прошептал он и ловил уста ее; но это была Яга, жена его. Тщетно вырывался он из объятий ее; она держала его и осыпала его укоризнами.

Не беги меня, Людмила, я более не буду принуждать тебя сказать мне «люблю». Быть насильно милым нельзя, говорит старинная песня.

Святовид хотел поцеловать Ладу, она убегала его. Лада превратилася в пастушку, он в пастушка; из его объятий она улетела бабочкою, а он пестреньким мотыльком хотел свиться с нею; но хитрая замочила ему крылья, превратяся росою, и он упал меж колючим шиповником. С тех пор Святовид перестал превращаться и улетел в свое солнце.

НОЧЬ НА 24 ИЮНЯ

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Шекспир

Сцена 1-я

Деревенское кладбище с двумя или тремя каменными памятниками. Подле одного памятника разрыта могила, около нее летает бледное пламя. В ногах могилы пламя останавливается, разгорается и освещает темную человеческую фигуру.

Он

Встань, старый грех! Пора! Разоспалась ты и позабыла клятвы! Им исполненье наступило! вставай! Иль как уж раз заснешь сном человеческим, последним и невольным, то и не хочется проснуться? Так не давала бы заране слова! вставай и пойди за мною.

Мертвая

Ой, ой, ой! Кто будит жизнь в умерших членах? Его слова дыханья смерти холоднее! Пред ними сырость гроба сладка, как для живых младенцев теплота родимой груди. Встаю, могучий! Движуся всем телом, как живая, разделяю с усилием запекшиеся веки и гляжу. Кто ты?

Он

Я черный барин, как меня зовут о Масляной паясы. Иль, проще, будочник кладбищный. Да, впрочем, тебе какое дело до меня?

Мертвая

Я ж кто была? За какие клятвы ты меня тревожишь, страшный!

Он

Вот это иное дело! Я расскажу, послушай! Да не прими рассказа моего за сказку и не засни опять! Не для того тебя я разбудил, нет, вспоминай, чтоб знать что делать. На всякий случай выдь-ка из могилы, не ленися!

Мертвая

Ох, говори, не мучь меня, проклятый!

Он

Ты была не чудо! Просто нянчила в соседстве с сим кладбищем ты злую дочь помещицы княгини Пронской! Дочь вышла замуж, и ты с ней отправилася жить в поместье князя Серебренова, ее мужа, а там и умерла!

Мертвая

Помню, помню!

Он

А помнишь ли, воспитывалась с нею вместе подкидыш-девушка, которую они как барышню учили и как служанку презирали?

Мертвая

Марию? помню.

Он

Как приехал, окончив заграничное ученье, князь молодой и влюбился в прекрасную Марию?

Мертвая

Святые души! им бы жить и царствовать и нас своим примером умудрять.

Он

Да немцы помогли нам! в нем ум и душу настроили высоко, не по земному ладу! Он обольстил смиренницу и матушку княгиню поздравил с надеждою быть бабушкой!

Мертвая

Ох, грешница! Злой демон, что ты мне вспоминаешь?

Он

Дослушай, не тревожься! Матушка княгиня в тот же вечер тихонько посадила невестку будущую в бричку и отослала к вам на попеченье. Нрав дочери любезной вполне она ценила! Сына же в бреду горячки отвезла в столицу и записала в службу.

Мертвая

Ох!

Он

Не говори и не мешай мне досказывать! Княжна-дочка невестку приняла, как добрая родня! Не правда ль? Ей отвела богатые покои — в людской, заставила работой княжеской заняться — мыть полы и грязную посуду, а поутру и ввечеру ее в разлуке с другом утешала побоями с колкими словами.

Мертвая

И, бедная, как чистый дух, сносила, улыбаясь, и огорченья и труды, страдала только за душу его и за невинный плод любви их!

Он

Хорошо! Так помнишь ли, как чистый дух твой потерял терпенье? Как на смертном ложе, с младенцем мертвым на руках, она твою княгиню просила перестать ругаться над ее несчастьем и в исступленье наконец пришла.

Мертвая

За нее я, грешница, молила тоже!

Он

«Не женщина, а изверг! — воскликнула Мария. — На краю могилы я клянусь, и клятву умирающей услышит небо. Дотоле с телом мертвым не расстанусь и не уйду в жилище душ, пока тебя рождающую не увижу, пока руками мертвыми младенца твоего я не приму и в моей

могиле не постелю тебе постели!» Сказав, упала на войлочное изголовье и, как говорите вы, преставилась.

Мертвая

Злодейка, погубила душу бедной Марьи! Я ж грешная!

Он

А, а! ты помнишь!

Мертвая

Я упала целовать у мертвой руки и поклялась ей про себя помочь ей до кладбища дотащить змею, взлелеянную мною, и мертвым голосом ее в могиле убаюкать! Ах, грешная! увы мне!

Он

И час настал! Доселе каждый вечер землей не принятое тело из могилы тисками ведьмы на гору лысую и только месяц бледным светом жизнь сонную в нем пробуждал, они огнь мщенья питали в нем, и разжигали, и берегли. Там и теперь мы их найдем! Твою княгиню, взбесившись, лошади теперь несут, слуга упал и колесом раздавлен, кучер, в вожжах запутанный, тащился долго по ручью и захлебнулся, у кладбища в щепы карета разлетится! Пойдем, ты видишь — надобно спешить нам!

Мертвая

Лукавый! Ах, грешница, увы мне!

Сцена 2-я

Лысая гора близ Киева, на вершине ее лежит мертвое тело Марии, по горе толпятся старые и молодые ведьмы, в половине сцены показывается полный месяц.

(Они поют)

Разлилися воды
На четыре броды:
Как на первом броде
Роща зацветает,

Соловей щелкáет;
На втором-то броде
Лето весну гонит,
А кукушка стонет.
Как на третьем броде
Кони-легконожки
Полетят с дорожки.
На четвертом броде
Свет-девица плачет,
За неровню идучи,
Сердцем лихо чуючи.

1. Здорово, кумушка! 2. Здорово, сватья! 3. Откудова, сестрица? 1. Ох, я устала, я устала!

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие Дельвига, в части, опубликованной при его жизни, разбросано по многим журналам и альманахам того времени. В некоторой мере оно было подытожено самим поэтом в его прижизненном сборнике — «Стихотворения барона Дельвига». СПб., 1829. Но Дельвиг включил в этот сборник далеко не все напечатанное до этого года. Что же касается длинного ряда стихов, при жизни поэта не печатавшихся, тексты их сохранились в рукописных лицейских сборниках, в личных тетрадях Дельвига, в альбомах и переписке его современников, в позднейших воспоминаниях близких к поэту людей.

Процесс сосредоточения поэтического наследия Дельвига в посмертных собраниях его сочинений подразделяется на четыре этапа. Первое из таких собраний, смирдинское («Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения барона Антона Антоновича Дельвига». Изд. Александра Смирдина. СПб., 1850, в одном томе с соч. Нелединского-Мелецкого), оказалось далеко не полным. В статьях, вызванных появлением этого издания, В. Гаевский составил список печатных произведений Дельвига и отчасти использовал в них рукописный фонд. Последующие собрания — суворинское («Полное собрание стихотворений барона А. А. Дельвига с портретом и биографией». Изд. А. С. Суворина, тт. 1—4. СПб., 1887—1892) и майковское («Сочинения барона А. А. Дельвига. С приложением биографического очерка, составленного Вал. В. Майковым». Ежемесячное приложение к журналу «Север» за июль 1893 г. СПб., 1893, в одном томе с соч. А. Одоевского) — составлялись уже на основании указаний Гаевского, но не достигли полноты, поскольку их составители не обращались к рукописному фонду. Последний явился предметом особой публикации в книге: «Дельвиг. Неизданные стихотворения». Под редакцией М. Л. Гофмана. Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук. Пб., 1922. Но и М. Л. Гофман использовал не весь автографический фонд Дельвига. Одна тетрадь, содержащая стихи и статьи 1830—1831 гг., осталась неизученной. Не был учтен и ряд автографов, хранившихся вне Пушкинского дома. Изучение рукописного фонда Дельвига продолжил Б. В. Томашевский при подготовке издания «А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений». Ред. и прим. Б. Томашевского. Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1934, в которое было им

включено 21 совершенно новое, никогда не издававшееся произведение поэта и пять стихотворений, не включавшихся ранее в собрания. Таким образом, в издании 1934 г. поэтическое наследие Дельвига было впервые представлено с почти исчерпывающей полнотой. Настоящее второе издание Полного собрания стихотворений, также подготовленное покойным Б. В. Томашевским, удалось пополнить одним до сих пор неизвестным стихотворением: «Стихи на рождение В. К. Кюхельбекера», найденным Е. М. Хмелевской; не включавшимися ранее в собрания сочинений поэта стихотворениями «Увижу ль вас когда-нибудь...», «На игру артистки госпожи Колосовой, м<ладшей>» и романсом «Не осенний частый дождичек», печатного текста которого в 1934 г. не удалось найти.

Не публикуются в настоящем издании, как и в издании 1934 г., стихотворения, приписывавшиеся Дельвигу без достаточных оснований и включавшиеся в некоторые собрания его стихотворений. Одно из них — «Пояс» — впервые напечатано в «Литературной газете», 1831, № 36, июня 27, за подписью: Д. и приписано Дельвигу Гаевским («Современник», 1853, № 1, стр. 50). Принадлежность этого стихотворения Дельвигу вызывает сомнения, ибо непонятно, почему бы после смерти Дельвига Сомов стал печатать его стихи без полной подписи. Вероятнее, что эти стихи принадлежат Деларю. По тем же соображениям не публикуются и два стихотворения — «Беседа» и «Песня» («Не воркуй, касаточка...»), — напечатанные в «Полярной звезде» на 1832 г., альманахе, который вряд ли мог располагать в 1831 г. стихами Дельвига, а в противном случае не стал бы печатать их с одной начальной буквой автора. Стихотворения эти были включены в список стихотворений Дельвига Гаевским, но в их принадлежности Дельвигу сомневался сам Гаевский и доказывал их непринадлежность Дельвигу Тихонравов. По-видимому, они принадлежат поэту, печатавшему в 1832 г. свои стихотворения за подписью: «Д-г» и «Д-берг». Не публикуется в настоящем издании и стихотворение «Русская песня» («Что же ты, соловушко...»), изданное вместе с нотами (музыка Н. С. Титова) в 1872 г. и не включавшееся в собрания стихотворений. Возможно, что оно было приписано Дельвигу, как автору стихотворения «Соловей мой, соловей...» и других русских песен.

Источниками текста для настоящего издания послужили: автографический фонд Дельвига, рукописные копии лицейских сборников и копии, сделанные близкими к поэту лицами, прижизненные печатные тексты и достаточно авторитетные позднейшие публикации, имеющие значение первоисточников. Отсутствие в примечаниях сведений об автографах означает, что таковые не обнаружены. Все тексты заново проверены по первоисточникам. Стихи печатаются в последней редакции. Там, где позднейшие исправления существенно изменяют текст по сравнению с ранними редакциями, в примечаниях приведены варианты. Поправки Пушкина вводятся в текст в тех случаях, когда они авторизованы Дельвигом, остальные даны в примечаниях. В случаях, когда стихи печатаются по первым публикациям, это специально не оговаривается. Если первые публикации подписаны полным именем, это в примечаниях не указывается.

Существенным отличием настоящего издания является хронологическое расположение материала, принятое для большинства изданий «Библиотеки поэта», но до сих пор не применявшееся в собраниях сочинений Дельвига, за исключением майковского, в котором стихи были размещены по датам первых публикаций, что лишь отчасти намечало хронологию творчества поэта, так как многие из его произведений годами лежали в его портфеле, прежде чем пойти в печать. Датировка стихотворений Дельвига — дело не легкое: поэт редко датировал собственные стихи, а свои творческие замыслы вынашивал иногда на протяжении десятилетий и, записав, подвергал многократной правке. В его основных тетрадях 1819—1820 гг. даты, как общее правило, не проставлены, а переписка поэта и его друзей, альбомы, рукописные копии и свидетельства современников помогают определенно датировать лишь немногие стихотворения. Основные соображения, позволяющие все же наметить хронологическую канву поэзии Дельвига, следующие.

Немногие ранние его произведения 1812—1813 гг. естественно связаны с тогдашними историческими событиями, волновавшими всю Россию. Тем самым их датировка облегчена. Помогают и даты, проставленные поэтом в отдельных ранних автографах, которые редактор держал в руках, и неустановившийся детский почерк рукописей.

Лицейские свои стихотворения Дельвиг собрал и записал в тетрадь в 1819 г., по-видимому, более или менее одновременно. Хотя внесенные в эту тетрадь стихи имеют последовательную нумерацию, анализ тетради показывает, что эта нумерация не отражает действительной хронологии лицейского и непосредственно послелицейского творчества поэта. Тем не менее выделить стихотворения лицейских лет все же возможно по признаку их наличия в рукописных лицейских сборниках, по свидетельству Пушкина относительно целой группы лицейских стихов и по датам ранних публикаций (до 1817 г.), помеченных Дельвигом под стихами в тетради. Правда, большинство стихотворений лицейского времени приходится датировать целым периодом: между 1814 и 1817; лишь немногие из них поддаются более точной датировке внутри этого периода, но и такая суммарная датировка, дающая понятие о «раннем Дельвиге», имеет значение.

Тетрадь 1819 г., начатая в означенном году, заполнялась Дельвигом до конца ноября 1820 г., так как следующая за ней вторая тетрадь начата 1 декабря 1820 г. Поэтому те стихи из внесенных в первую тетрадь, которые не вошли в лицейские сборники и не отражают событий личной жизни поэта и его друзей: выпуск из Лицея, поездка Дельвига на Украину, отъезд Илличевского в Сибирь, свадьба Е. А Кильштедт и т. п., — приходится датировать также периодом между 1814 и 1820 г. Вторая тетрадь, условно обозначаемая как тетрадь 1820 г., начата 1 декабря и охватывает весь остальной период 1820-х г. до смерти поэта. Относительно этой тетради с большей уверенностью можно предполагать, что стихи, в основном, вносились в нее по мере их создания и что ее нумерация в какой-то степени должна отражать основную хронологическую последовательность поэтического творчества Дельвига 1820-х гг. В этот период Дельвиг много и систематически печа-

тает, участвуя в литературных обществах и сам выступая в качестве издателя. Стихи его сравнительно редко залеживаются в его портфеле и очевидно, что даты их публикаций и чтений в различных собраниях более или менее близки ко времени их создания. Хотя нумерации тетради 1820 г. нельзя следовать слепо, все же ей можно доверять в тех случаях, когда закрепленный в ней порядок расположения материала подтверждается последовательностью публикаций, чтений или же событий литературной и личной жизни Дельвига.

Таковы соображения, дающие возможность разместить стихи Дельвига приблизительно в хронологическом порядке, что дает некоторое понятие об эволюции его творчества.

Схема датировки и ее обозначения следующие: впереди, в ломаных скобках, помещаются произведения, написанные не позднее каждого данного года: <1825>, что совпадает обычно с датой первой публикации; затем — имеющие точную дату: 7 февраля 1825, август 1825, за ними — относящиеся к этому году, но не имеющие точных дат: 1825; далее — предположительно относимые к данному году, с вопросительным знаком: 1825?; еще дальше — относящиеся к этому или к следующему за ним году: 1825 или 1826; наконец — написанные в период, начинающийся данным годом: между 1825 и 1827; между 1825 и 1830 и т. д.; в конце сборника — стихи неизвестных лет.

Одним из главнейших источников текста Дельвига являются его рукописи, находившиеся в руках В. П. Гаевского (к которому они перешли от Плетнева: см. «Современник», 1853, № 5, стр. 2). Вместе с архивом Гаевского они поступили в Пушкинский дом. Рукописи эти следующие:

1. Тетрадь большого формата в переплете. На титульном листе надпись: «Стихотворения барона А. А. Дельвига, помощника императорского библиотекаря и члена разных ученых российских обществ, том 1-ый. С.-Петербург 1819 года» (слова «помощника императорского библиотекаря» и «том 1-ый» вписаны позднее). В дальнейшем эта тетрадь сокращенно будет называться тетрадью 1819 года. В тетради переписаны стихи на четных листах. Нечетные листы оставлены чистыми для исправлений. У большинства стихотворений помета: где напечатано и в каком году. Кроме того, указано число строк каждого стихотворения. Много стихотворений, переписанных в печатной журнальной редакции, подвергалось здесь дальнейшей обработке. На некоторых стихах карандашные пометы рукой Пушкина. Всего в тетради 70 стихотворений. Открывается она эпиграфом из Гете (Ich singe wie der Vogel singt) и стихотворением «В сей книге...», под которым дата: 18 $\frac{XI}{13}$ 18. Прочие стихи без дат. Стихотворения пронумерованы. Вне нумерации на л. 108 — «Переводчику Вергилия». Тетрадь заполнялась, вероятно, в течение 1819 и 1820 гг., так как в ней находятся стихотворения, относящиеся к 1820 г. (например: «Рецензенту поэмы „Руслан и Людмила"»). На переплете поврежденный оттиск печати с изображением, по-видимому, масонских знаков.

2. Тетрадь того же формата в переплете. На титульном листе подобная же надпись, кончающаяся: «Том 2-ой. С.-Петербург

1820-го года — 1-го декабря». В дальнейшем эту тетрадь будем называть тетрадью 1820 года. Поставленная на титуле дата, очевидно, обозначает, когда в нее Дельвиг начал переписывать свои стихи. Стихотворения пронумерованы (№ 7 помечен дважды, поэтому, хотя последний номер в тетради — 59, общее количество стихотворений 60). Тетрадь заполнялась в том же порядке, как и предыдущая, с пропуском нечетных листов; но помет о напечатании нет. В начале тот же эпиграф.

3. Черновая тетрадь того же формата, с оторванным с одной стороны переплетом. Первоначально служила в качестве приходо-расходной книги. Счетные записи в ней — на немецком языке и относятся к 1801—1804 гг. В дальнейшем эта тетрадь называется приходо-расходной книгой. В ней находятся черновые рукописи ряда стихотворений различных годов. Здесь же статьи «Литературной газеты». Кроме того, рукой Дельвига такие записи:

5. Рыбак, Альцибиад и Аспазия
6. Свадьба
7. Пигмалион
8. Похороны.

Затем хозяйственные замечания: «10 октября налита рябина». Многие листы вырезаны.

4. Черновая тетрадь того же формата, инв. № 18045. На переплете надпись: Conto Buch, 1803. Тетрадь эта служила в качестве книги лицевых счетов. Записи на немецком языке относятся к периоду 1803—1804 гг. Здесь находятся счета Postor Asverus, P. V. Baggohufwud, Lüder Wohlfarth и др. В дальнейшем тетрадь обозначается сокращенно — «счетная книга».

Открывается она записями следующего содержания:

1. У Сен Флорана справляться о Географическом словаре. Пока от Ламота получено три волюма — 6 частей.
2. У Сомова справляться об Американских акциях.
3. Плюшару продать рукопись Броневского.
4. Спросить у Витовтова о книге о овцах.
5. Катерине Гринклер дано на башмаки 10 р. из денег С. М. 22 февраля.
6. 24 февраля взято у Антона Антоновича 30 р., из коих на почту за посылку 3 шалей заплочено 27 р. 15 копеек.
7. За перевозку сундуков к Амальи Ивановне 3 р.
8. За пересылку браслет 14 р. 34 копейки. . .

Далее следует «Ночь на 24 июня». В той же тетради с другой стороны неизвестной рукой итальянские слова, затем рукой Дельвига: идиллия «Купальщицы», «Конец золотого века», «Отставной солдат» (программа), «Изобретение ваяния» и несколько других стихотворений. В тетрадь вложена программа «Рождение Леля».

5. Тетрадь, служившая в качестве приходо-расходной, значится в книге поступлений под номером 334.[1] (В дальнейшем обозначается как тетрадь № 334). Содержит немецкие приходо-расходные записи с октября 1809 по март 1810, сделанные той же рукой, что

[1] В настоящее время имеет шифр: Р1, оп. 6. № 164. — *Ред.*

и в предыдущих тетрадях. Хотя предположительно эти записи считались принадлежавшими отцу Дельвига, но, по-видимому, сделаны они родителями Кюхельбекера, как можно судить по встречающимся именам: Wilhelm, Mischa, Iulchen, и по почерку.

Тетрадь открывается стихами «О радость, радость, я жизнью бывалою...» («Дифирамб») с пометой Calos (т. е. веселая застольная песня). Далее следует несколько стихотворений, из них некоторые зачеркнуты. Среди зачеркнутых не все поддаются прочтению. Так, невозможно прочесть четверостишие, в котором разбираются только отдельные слова:

Хоть во сне б я мог обидеть
. . . .
. . . . бы мне увидеть
Что за сердце . . . . . .

Среди стихотворных набросков запись: «Егор определился ко мне 20 декабря 1824 года 75 р. за г.».

Далее следуют черновики статей из «Литературной газеты».

С другого корешка тетради идут «Отставной солдат», «Изобретение ваяния» и статьи из «Литературной газеты». В тетради находится листок с заметкой, не появившейся в печати и относящейся к происходившей на страницах «Литературной газеты» полемике с «Северной пчелой» по поводу отзыва о пении Зонтаг (октябрь 1830 г.).

Кроме того, в архиве Пушкинского дома находятся:

6. Пачка беловых автографов на отдельных листах разных форматов, 19 стихотворений. На некоторых — пометы рукой Пушкина

7. Автографические записи в альбомах Пономаревой, Кеппена, П. Яковлева и др.

8. Три стихотворения («Настанет час ужасной брани...», «Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья...» и «От вод холмистых средиземных...») в собрании Яковлева, от Т. В. Семечкиной, дочери Данзаса, лицейского товарища Дельвига и Пушкина, брата секунданта Пушкина на последней его дуэли.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства находятся в фонде А. А. Дельвига, тютчевском собрании, в фондах А. А. Голенищева-Кутузова, Я. К. Грота:

9. Тетрадь со стихотворениями, принадлежавшая Е. А. Дельвиг. На обороте первого (разорванного) листка рукой Баратынского и неизвестного несколько стихов из «Дома сумасшедших» А. А. Воейкова.

10. Автографы стихотворений: «Музам», «А. А. Крылову», «Дифирамб», «Прекрасный день, счастливый день...» и др.

11. Списки стихотворений: «На яву и в сладком сне...», «До рассвета поднявшись...», «Отставной солдат» (с поправками Дельвига и Пушкина, замечаниями Баратынского) и др.

Подготавливая настоящее издание к печати, Б. В. Томашевский работал над вступительной статьей к нему, но преждевременная кончина оборвала его труд буквально на полуслове. Поскольку во всем остальном издание было уже подготовлено, ему предпосылается статья Б. В. Томашевского, в свое время написанная им для

«Полного собрания стихотворений» 1934 г., с включением в текст всего того, что покойный авторитетнейший знаток поэзии Дельвига успел заготовить для новой своей статьи, с теми изменениями в композиции последней, которые были намечены и сохранились в бумагах ученого.

Ближайшим сотрудником Б. В. Томашевского при подготовке издания и проверке текстов была Е. М. Хмелевская (Мясоедова).

В настоящем издании приняты следующие условные сокращения для примечаний:

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

«Воспоминания» — А. П. Керн. Воспоминания. Предисловие П. И. Новицкого. Вступ. статья и прим. Ю. Н. Верховского. Л., Academia, 1929.

Изд. 1829 г. — Стихотворения барона Дельвига. СПб., 1829.

«Мои воспоминания» — А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, Т. 1, М., 1912.

НЗ — журнал «Невский зритель».

НЛ — журнал «Новости литературы».

НС — Дельвиг. Неизданные стихотворения под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922.

ПД — Пушкинский дом (Институт русской литературы Академии наук СССР).

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

П и С — «Пушкин и его современники». Материалы и исследования. Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук.

ПЛ — К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я. К. Гротом. С приложением портретов, факсимиле и рисунков, а также некоторых бумаг III и VI курсов. СПб., 1911.

ПС 1934 — А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. Б. Томашевского. Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1934.

РА — журнал «Русский архив».

РМ — журнал «Российский музеум».

РП — «Русские пропилеи». Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. Т. 6, М., 1919.

РС — журнал «Русская старина».

«Труды» — «Труды Общества любителей российской словесности».

С — журнал «Современник».

СО — журнал «Сын отечества».

СЦ — альманах «Северные цветы».

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦС — альманах «Царское село».

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА 1812—1817

Русская песня («Как разнесся слух по Петрополю...») (стр. 61). Впервые — ПС 1934, стр. 213, по автографу, сообщенному Н. Ф. Бельчиковым, где песня сопровождалась припиской: «(На голос: «Как на матушке на Неве-реке...»). Сию песню я сочинил тогда, когда услышал, что Москва взята французами, 7 сентября 1812 года». Москва была взята 2 (14) сентября. Упоминаемая здесь песня «Как на матушке на Неве-реке молодой матрос корабли снастил» — распространенная песня XVIII в., приписывавшаяся Петру I. Лицейские настроения в связи с войной 1812 г. нашли свое отражение в лицейском творчестве. Лицейские журналы повторяли ультра-патриотическую фразеологию ростопчинских афиш и тому подобных произведений той эпохи. Вот отрывки из статьи «Слова истинно русского», помещенной в прибавлении к четвертому номеру лицейского журнала «Для удовольствия и пользы» 1813 г. Речь вложена в уста отставного капитана Усердова: «Молвить правду-матку, а французы сущая саранча... Да не все коту масленица, будет и великий пост. Бог вас благословит, Кутузов и Витгенштейн, а монарх да украсит вас почестями... Сколько вору ни воровать, а кнута не миновать. Бывало, как мы с Суворовым пригрянем в штыки колонной, так искры посыплются... Память тебе, Требио; не карфагенцам чета. Русские отдули потомков-то галлов» (статья написана, по-видимому, М. Л. Яковлевым). Стихи Дельвига совпадают с этой статьей как обращением к тем же историческим фактам, так и стремлением подделаться под «народный» стиль. *Витгенштейн* Петр Христианович (1768—1842) — русский генерал, командовавший в 1812 г. армией, прикрывавшей подступы к столице. *Требио* — Требия, река в Италии, на берегах которой 7—9 (18—20) июня 1799 г. произошло сражение между русскими войсками под предводительством Суворова и французами. Поражение французской армии генерала Макдональда в этой битве было предметом постоянных патриотических воспоминаний, особенно в периоды неудач в русских войнах с Наполеоном.

«От вод холмистых средиземных...» (стр. 62). Впервые — ПС 1934, стр. 218. Автограф в собрании Яковлева (ПД). Датируется 1812 или 1813 г. на том же основании, что и предыдущее.

«Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья...» (стр. 63). Впервые — ПС 1934, стр. 216. Автограф в собрании В. И. Яковлева (ПД). Датируется 1812 или 1813 г. на основании статьи В. Гаевского («Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения» — С, 1863, № 7, стр. 146) и потому, что в нем говорится о недавнем московском пожаре и бегстве наполеоновских армий из России, начавшемся в середине октября и закончившемся в конце декабря 1812 г. В приемах описания зимы едва ли не отразилось влияние Хераскова (см. стр. 273). *И, как от ветра прах, враги от нас взвились.* Имеется в виду бегство французов.

«Настанет час ужасной брани...» (стр. 64). Впервые — ПС 1934, стр. 220. Автограф в собрании В. И. Яковлева (ПД). Датируется 1812 или 1813 г. на основании названной выше статьи Гаевского. Стихотворение любопытно тем, что в нем использованы элементы скандинавской мифологии, получившей некоторое распространение под влиянием оссиановских поэм.

Пиит и эхо (стр. 65). Впервые — ПС 1934, стр. 215, по автографу, сообщенному Н. Ф. Бельчиковым. Находится на одном листке со следующим стихотворением «Эпитафия», так что дата, помеченная под текстом, относится к обоим стихотворениям. Листок был свернут конвертом, запечатан сургучной печатью и на нем надписан рукою Дельвига следующий адрес: «Барону Антону Антоновичу Дельвигу, г. плац-майору в Москве». Стихи написаны в жанре, имевшем большое распространение во Франции до начала XIX в. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» (1821 г., ч. 1, стр. 529—530) пишет следующее: «Ехо. Род стихов... можно назвать стихотворческою игрушкою. Состоит в том, когда последние слоги оканчивающего стих слова образуют другое слово, соответствующее в рифме и производящее согласный или противный смысл. Предполагается, что сии краткие слова произносит эхо (отголосок), отчего и сочинение сие получило такое название... На русском языке нет таких удачных примеров (как на французском), однако же покажем и то, что имеем:

Кто сделал, что хромлю? ведь я совсем не хром! — Ром.
Мне очень совестно! как совесть усыпить? — пить!

Вот еще несколько стихов из сочинения «Бонопарте и эхо», помещенного в № 4 «Восточных известий»:

От русских ранен кто среди протекших дней? — Ней.
Ужель бежал от них и сам Наполеон? — Он.
и т. д.»

Эпитафия («Прохожий, здесь не стой! беги скорей, уйди...») (стр. 65). Впервые — ПС 1934, стр. 214. Автограф и дата на одном листке с предыдущим. Стихотворение это — в необычайном для Дельвига роде эпиграмм. Очевидно, он оставил этот жанр, потому что через три года Илличевский писал о Дельвиге своему другу Фуссу: «Странно, что человек такого веселого, шутливого нрава (ибо он у нас один из лучших остряков) не хочет блеснуть на поприще эпиграмм» (28 февраля 1816 г. — ПЛ, стр. 63). Данная эпиграмма не представляет собой ничего оригинального, принадлежа к обычному в те годы жанру шуточных эпитафий. В этом жанре впоследствии много упражнялся сам Илличевский. В автографе, по-видимому, описка: «понежем» вместо «понеже». *Понеже* — потому что. Слово это в XVIII в. употреблялось почти исключительно в канцелярском («приказном») языке. И. Богданович посвятил ему эпиграмму, начинающуюся стихами:

Понеже говорят подьячие в приказе:
Понеже без него не можно и прожить,

Понеже слово то приказано в указе,
Понеже в выписке оно имелось быть.

Стихи на рождение В. К. Кюхельбекера (стр. 65). Печ. впервые по автографу ЦГИА, сообщенному Е. М. Хмелевской. Написано старательным почерком с добавлением в конце: «С глубочайшим почтением подносит барон А. Дельвиг». На обороте, рукой Кюхельбекера: «Хоть люблю я льстеца, но лесть его, знай! ненавижу. Кюхельбекер». Судя по почерку, стихотворение относится к 1813 г. Месяц устанавливается датой рождения Кюхельбекера — 10 июня. *Сын пропасти лютой* — по-видимому, морское чудище, от которого Персей освободил царевну Андромеду, но возможно, что имеется в виду эпизод из борьбы олимпийских богов с титанами, во время которой один из титанов был обращен Афиною в каменную гору. *Алцей, Пиндар* (VI—V вв. до н. э.) — греческие лирические поэты.

Аполог (стр. 66). Впервые — ПС 1934, стр. 222, по автографу, сообщенному Н. Ф. Бельчиковым. По характеру почерка, орфографии, пунктуации и по технике можно отнести к 1813 г. Известно, что в этом году Дельвиг писал басни и помещал их в рукописном лицейском журнале «Юные пловцы». Журнал до нас не дошел, но сохранилось письмо А. Иконникова от 2 сентября 1813 г. к издателям «Юных пловцов». Сообщая свое впечатление от журнала и перечисляя помещенные в нем сочинения, Иконников писал: «басни г-на Яковлева и Дельвига — и теперь еще в моей памяти» (ПЛ, стр. 253). Настоящий аполог, написанный в обычном басенном стиле, носит характер пролога к серии басен или стихотворных повестей. В автографе, по-видимому, имеется неустранимая описка: стихи второй и четвертый оканчиваются на одно слово «пространной». Вероятно, в четвертом стихе следует читать «прохладной» (рифма пространной-прохладной вполне вероятна: она обычна у Державина, на стихах которого Дельвиг воспитывал свою стихотворную технику). *Страза* — искусственный драгоценный камень, граненый хрусталь, изобретенный немецким ювелиром Страссом и модный во время Дельвига.

К голубку (стр. 67). Впервые — ПС 1934, стр. 223, по автографу, также сообщенному Н. Ф. Бельчиковым. Судя по почерку и технике, написано одновременно с предыдущим. Элегический характер стихотворения свидетельствует о прямом или отраженном влиянии французской элегии Мильвуа и его современников. Форма стихотворения — строфы, замыкающиеся, как в рондо, начальными словами (в данном случае повторяющимися «Лети отсель!») — тоже характерна для французского романса начала XIX в. Преобладающий размер — пятистопный ямб, соответствующий декасиллабу — также один из признаков этой традиции. Для французской формы этого размера характерна выдержанность цезуры после четвертого слога:

Здесь тихо всё || здесь всё живет в печали...

Характерно, что у Пушкина подобные влияния замечаются в более позднем лицейском творчестве, в серии элегий 1816 г. Подобная же

форма романса у Пушкина встречается только в стихотворении «Певец» (1816).

К Диону (стр. 68). Впервые — ВЕ, 1814, № 15, стр. 189, за подписью: Д. С изменением — «Труды», 1819, кн. 10, стр. 81, за той же подписью. Автограф в тетради 1819 г., № 2. Печ. по изд. 1829 г., стр. 151. Первая редакция (ВЕ) отличается от последней в следующих стихах:

ст. 1 и 29:
Сядем, любезный Дион, под сенью зеленыя рощи.

ст. 6:
В честь вечно юному Вакху очистим мы дно золотое

ст. 10:
Молит с слезами его, — не внимая, он далее мчится

ст. 11:
Маленький только Амур песни поет и Сатурна

ст. 17—20:
Будь в хороводе девиц белогрудых — с ними пляши и резвися,
Песни веселые пой Аполлону и девственным музам:
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачущий светлый ручей.

ст. 21—24:
Будем под тению лип здесь в летние дни прохлаждаться,
Пусть за слепою Филон Фортуной гоняется вечно!
Пусть и обнимет ее! — Но скоро, Сатурном достигнут,
Он под косою падет.

ст. 27:
В темное царство Плутона чрез волны клубящего Стикса.

Фалернског вино — вино, очень ценимое в древнем Риме и часто упоминаемое в стихах Горация. *Пританы* — председатели народных собраний в древних Афинах. *Ир* — имя нищего в «Одиссее», нарицательное обозначение бедняка. *Крез* — царь Лидии (563—548 до н. э.), славившийся богатством, его имя стало нарицательным.

К Лилете («Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется...») (стр. 69). Впервые — ВЕ, 1814, № 22, стр. 97, за подписью: Д. С изменениями — «Труды», 1820, № 1, стр. 66, за той же подписью. Автограф в тетради 1819 г., № 3, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829, стр. 55. В редакции ВЕ особенно отличается вторая строфа:

В ужасном волненьи морей, когда громы сражалися с бездной
И свет устремлялся на тьму, и пена буграми клубилась,
Явились богини любви, в коральной сидя колеснице, —
И буря престала реветь.

В последней редакции 19 января 1820 г. было одобрено к печати членом Вольного общества любителей российской словесности А. Крыловым, исполнявшим в Обществе обязанности цензора, и 11 октября того же года читано на заседании Общества. В статье «Дельвиг» А. С. Пушкин писал: «Оды к Диону, к Лилете, Дориде писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всяких изменений. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял». В части, касающейся датировки и ранней редакции текста, Пушкин ошибся: стихотворение «К Дориде» датировано Дельвигом 1815 г. (см. примечание к этому стихотворению, стр. 285), а ранние редакции перечисленных Пушкиным од существенно отличаются от окончательных. В ранней редакции вошло в рукописные лицейские сборники.

Эпиграмма («Поэт надутый Клит...») (стр. 69). Впервые — ВЕ, 1814, № 22, стр. 101, вместе с стихотворениями «Первая встреча» («Дафна») и «Хлоя» («Старик»), за общей подписью: Д. Копии встречаются в рукописных лицейских сборниках. Не исключена возможность, что относится к Кюхельбекеру, так как «Клит» — традиционная лицейская эпиграмматическая кличка последнего.

Хлоя (стр. 70). Впервые — ВЕ, 1814, № 22, стр. 98, под названием «Старик», вместе с стихотворениями «Первая встреча» («Дафна») и «Эпиграмма» («Поэт надутый Клит...»), за общей подписью: Д. Печ. по автографу тетради 1819 г., № 56. Редакция ВЕ настолько отличается от позднейшей редакции рукописи в тетради 1819 г., что приводим ее полностью:

СТАРИК

Хлоя старика седого
    Захотела осмеять:
Вместо парня молодого
    Приласкать и в гости звать.

Вот покрыла ночь долину,
    Тень простерлась на лугах;
Видит Хлоя старичину
    С длинной лестницей в руках.

Тихо крадется к окошку,
    Ставит лестницу — и вмиг,
Протянув сухую ножку,
    К милой полетел старик.

К месту близок дорогому —
    И в морщиночке слеза!
Хлоя зеркало седому
    Прямо сунула в глаза:

И любовник спотыкнулся,
    Будто грянул сильный гром,

С криком в три дуги согнулся
    И считает бревны лбом.

Поутру она спросила:
    «Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
    И не ты ли обещал?»

Зубы в зубы ударяя,
    Он со страхом отвечал:
«Домовой меня, родная,
    У окна перепугал».

Старики! теперь внимайте
    Наставленье от меня:
Вас любить не заставляйте,
    Коль пугаетесь себя!

В основном эта редакция была переработана еще в Лицее, и в рукописных лицейских сборниках стихотворение находится в редакции, близкой к окончательной.

Первая встреча (стр. 71). Перевод стихотворения немецкого поэта Матиаса Клаудиуса (1743—1815) «Philide». Впервые — ВЕ, 1814, № 22, стр. 99, под названием «Дафна», вместе со стихотворениями «Хлоя» («Старик») и «Эпиграмма» («Поэт надутый Клит. . .»), за общей подписью: Д. С изменениями — «Труды», 1820, № 11, стр. 194. Автограф в тетради 1819 г., № 4, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829 г., стр. 145. В беловом автографе в трех местах исправлено Пушкиным. У Дельвига было:

строфа 1, ст. 4:

    Лишь бор, поток и поле.

строфа 7, ст. 3:

    На груди потупила взгляд.

строфа 8, ст. 1:

    И слова не сказала я.

Редакция ВЕ сильно расходится с окончательной:

ДАФНА

Мне минуло шестнадцать лет,
    Но сердце было в воле!
Я мало знала божий свет,
    Лишь бор, цветы и поле.

К нам юноша пришел в село,
    Ах, сердцу ангел милый!
И всё с прекрасным ожило,
    Лишь я лишилась силы.

И темно-русые власы
Вкруг шеи огибались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли,
Мы, не сказавши ничего,
Уже друг друга знали.

Как с розой ландыш — бел он был,
Милей его не знала.
Он мне приятно говорил,
Но слов не понимала.

Куда пойду, и он со мной,
Мне руку пожимая!
Увы! и ах! твердил с тоской,
От сердца воздыхая.

«Что хочешь ты?» — спросила я
У милого с слезами.
И обнял с жаром он меня
Прекрасными руками.

Желала я его обнять,
Но рук не поднимала,
На груди потупила взгляд,
Бледнела, трепетала.

И слова не сказала я!
Почто ж ему сердиться?
Почто ж оставил он меня?
Когда же возвратится?

(Из Клаудия)

А. С. Даргомыжский написал на слова Дельвига романс «Шестнадцать лет».

К поэту-математику (стр. 72). Впервые — ВЕ, 1814, № 21, стр. 24, за подписью: Д. Описание, заимствованное, по словам Дельвига, у Хераскова, действительно повторяет детали аллегорического эпизода в начале двенадцатой песни «Россиады».

В пещерах внутренних Кавказских льдистых гор,
Куда не досягал отважный смертных взор,
Где мразы вечный свод прозрачный составляют
И солнечных лучей паденье притупляют,
Где молния мертва, где цепенеет гром, —
Иссечен изо льда стоит обширный дом:
Там бури, тамо хлад, там вьюги, непогоды,
Там царствует Зима, снедающая годы...

. . . .

Престол имеет вид алмазныя горы,
Великие столпы, из льда сооруженны,
Сребристый мещут блеск, лучами озаренны...

Апофема — термин геометрии: перпендикуляр, опущенный из центра правильного многоугольника на его сторону. *Препнут* — преградят. *Лев и Змей ужасный, и лютый Тур* — созвездия Льва, Дракона и Тельца. *Невтон* — Исаак Ньютон (1643—1727). *Бланшард* Франсуа (1778—1802) — один из первых воздухоплавателей. *Илем* (ильм) — разновидность вяза, высокое дерево. *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) — поэт, романист и драматург, автор поэмы «Россиада». *Мессии избранный певец* — немецкий поэт Фридерик-Готлиб Клопшток (1724—1803), автор религиозной поэмы о Мессии (Христе) — «Мессиада». *Пиндар* — см. стр. 268. *Флакк* — Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — крупнейший римский лирик. *Жуковский дивными струнами Мечи ко мщенью извлекал.* В 1812 г. Жуковский написал несколько патриотических стихотворений, из которых «Певец во стане русских воинов» пользовалось наибольшим успехом. Под влиянием его поэзии Дельвиг написал в Лицее две баллады и стал изучать немецкий язык и литературу с помощью Кюхельбекера. По окончании Лицея Дельвиг посещал литературные «субботы» Жуковского, продолжавшиеся до отъезда Жуковского за границу в сентябре 1820 г. Позднее Жуковский был деятельным участником «Северных цветов». *И ловишь сов или Пегаса.* Сова — любимая птица богини Афины-Паллады, символ мудрости и учености; Пегас — символ поэтического вдохновения.

На взятие Парижа (стр. 77). Впервые — ВЕ, 1814, № 12, стр. 272, за подписью: «Русской», с пометою: «Из С.-Петербурга». Это первое произведение Дельвига, появившееся в печати. Стихотворение написано в обычном тогда тоне патриотической лирики и посвящено взятию Парижа русскими войсками 19 марта 1814 г. Напечатано в июне того же года, следовательно, вероятное время его написания: вторая половина марта — май 1814 г. *Царь миролюбный* — Александр I (1777—1825), император с 1801 г. Первые годы царствования были временем его популярности в либеральных кругах дворянства. После вынужденного Тильзитского мира (1807) внешнюю политику Александра в правительственных кругах изображали как миролюбивую. Отсюда и у Дельвига-лицеиста — «царь миролюбный». Позднее, сочувствуя декабристам и связанный с ними через друзей, Дельвиг изменил отношение к царю, после победы над наполеоновской Францией вставшему во главе европейской реакции. *Надменный Сизиф* — Наполеон I.

На смерть кучера Агафона (стр. 79). Впервые — «Библиографические записки», 1859, № 5, стр. 148. Копии в рукописных лицейских сборниках. Стихотворение представляет собой пародию на следующее стихотворение Кошанского, напечатанное в ВЕ, 1814, № 23:

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ ОЖАРОВСКОЙ

Ни прелесть, ни краса, ни радость юных лет,
Ни пламень нежного супруга,
Ни сиротство детей, едва узревших свет,
Ни слезы не спасли от тяжкого недуга...
И Ожаровской нет!
Потухла, как заря во мраке тихой ночи,
Как эхо томное в пустыне соловья!..
О небо! со слезой к тебе подъемлю очи,
И, бренный, не могу не вопросить тебя:
Ужели радостью нам льститься невозможно
И в милом счастие напрасно находить,
Коль лучшим существам жить в мире лучшем должно,
А нам здесь слезы лить?
Увы! не будешь ты всех радостей душою!
Не встретишь каждого любезностью своею;
И другу не вместишь в себе одной весь мир —
Уже не сядешь ты в мечтаньи за клавир,
Твой глас волшебный не прольется
Через отверстое окно во мрак ветвей,
Где твой соперник соловей
С досадою не отзовется,
И нежный твой супруг сквозь слез не улыбнется!
Умолкло всё с тобой! Эроты слезы льют,
Супруг и Грации венки на урну вьют,
И, оросив твой прах слезою,
Почий, вещают, мир с тобою.

В числе служителей Лицея в 1812 г. значился кучер Агафон Ефимов, отставной солдат, с месячным жалованьем в 12 рублей. По-видимому, его смерть и послужила предлогом для пародии. *Форейтор* — верховой на передней лошади в запряжке цугом.

Тихая жизнь (стр. 80). Впервые — «Труды», 1820, кн. 4, стр. 87, в ранней редакции, за подписью: Д. Автографы в тетради 1819 г., № 13, в группе беловых автографов ПД и в альбоме Кеппена 1821 г. Печ. по беловому автографу ПД. Относится к лицейскому периоду, так как копии встречаются в рукописных лицейских сборниках. Отличия ранней редакции следующие:

ст. 3:

Кто не клянет судьбу, и с милою своей

ст. 7:

Кому домашний дуб в огне трещит зимой

ст. 11 и 12:

Устанет наконец, и с думой о друзьях
Предастся смерти он, приятно засыпая.

ст. 15 и 16:

Что нужды? я блажен: я живши мог найти
Покой в безвестности и счастие в Лилете!

В лицейской редакции особенно отличаются от позднейшего текста две последние строфы (см. ПЛ, стр. 156):

Спокойно целый век прокатит он трудясь,
Полета быстрого часов не примечая,
Устанет наконец, зевнет, перекрестясь,
Протянется, вздохнет, да и заснет, зевая.

Так жизни Дельвига безвестно пролететь.
Не плачь, Эмилия! о други! веселиться!
Там, говорит Вильгельм, мы будем гимны петь:
Давайте ж мне фиал — здесь надобно напиться!

Бедный Дельвиг (стр. 80). Впервые — ПЛ, стр. 318. Относится к лицейскому периоду 1814—1817 гг., так как известно в рукописных лицейских сборниках. В. Гаевский пишет об этом стихотворении: «Считая леность своим призванием, он выставлял ее и рисовался ею в своих стихотворениях, которые в этом отношении вполне субъективны. Леность и беспечность считались тогда необходимой принадлежностью поэта, и Дельвиг заплатил обильную дань этой литературной моде, которой вполне соответствовала его апатическая натура. По примеру Батюшкова, написавшего «Похвальное слово сну», лицейские поэты наперерыв воспевали леность: Пушкин написал послание «Оправданная лень», которое не сохранилось, а Дельвиг еще в первые годы лицейской жизни, в стихотворении «Бедный Дельвиг», воспел свою «святую леность», которая с тех пор вместе со страстью писать, отвлекавшею его от уроков и от веселья, нередко давала повод к шуткам и эпиграммам со стороны товарищей» (С, 1863, № 7, стр. 146—147).

Подражание 1-му псалму (стр. 81). Впервые — ПЛ, стр. 157. Копии в рукописных лицейских сборниках. *Свистов* — Д. И. Хвостов (см. примечание к стихотворению «Хвостова кипа тут лежала...», стр. 325). *Экосес* (экосез) — салонный танец шотландского происхождения, модный в то время, исполнялся в быстром темпе.

В альбом княжне Волконской (стр. 82). Впервые — РП, т. 6, стр. 88, где напечатано по копии лицейского сборника. *Волконская* Татьяна Андреевна — кузина Дельвига со стороны матери.

Переводчику Диона (стр. 82). Впервые — ПЛ, стр. 154, под названием «К переводчику Диона», в ранней лицейской редакции. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 8. Последний стих в редакции ПЛ, нарушающей цезуру, читается: «Теперь ведут свой знатный род от двух отцов». Вероятно, написано по поводу какого-то неизвестного нам перевода стихотворения Дельвига «К Диону» (см. примечание к стихотворению «К Диону», стр. 269).

Эпитафия («Что жизнь его была? Тяжелый сон...») (стр. 82). Впервые — НЗ, 1820, № 1, стр. 32. Автографы под заго-

ловком «Эпитафия самому себе» в тетради 1819 г., № 15 и в группе беловых автографов ПД. Стихотворение было вписано Дельвигом в альбом Илличевского под названием «Эпитафия Дельвигу». По копии лицейского рукописного сборника с заглавием «Эпитафия А. А. Дельвига» напечатано — РП, т. 6, стр. 88. Печ. по изд. 1829, стр. 130.

Мои четыре возраста (стр. 82). Впервые — ПЛ, стр. 159, под названием «Того уж нет». Печ. по автографу тетради 1819 г., № 16. Датируется 1814—1817 гг., так как вошло в рукописные лицейские сборники. Редакция ПЛ существенно отличается от окончательной:

ТОГО УЖ НЕТ

Бывало, я на всё сердился,
Игрушки портил, бил,
Еще весь гнев не проходил,
Как я стыдился.

Того уж нет! вот я влюбился,
Томленьем грудь полна!
Бывало, взглянет лишь она —
И я стыдился.

Того уж нет! Вот я женился
На молодой вдове,
Но глядь — рога на голове:
Я застыдился.

Того уж нет! вот я явился
В собраньи с париком,
И все трунят над стариком:
Смерть как взбесился!

К. Я. Грот сообщает вариант третьей строфы по другому списку:

Того уж нет! Вот я женился
На Лизе молодой,
Но глядь — рога над головой:
Я застыдился.

Любовь (стр. 83). Впервые — РП, т. 6, стр. 80, в ранней лицейской редакции. Печ. по автографу тетради 1819 г., № 18. Ранний лицейский текст существенно отличается от окончательного:

ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Прелестный сон,
Собрание очарований:
Любовник посреди мечтаний
То издает печальный стон,

То чувствует в груди волненье,
Кидает руки за мечтой,
И оставляет сновиденье
С расстроенною головой.

К А. С. Пушкину («Как? житель гордых Альп, над бурями парящий...») (стр. 83). Впервые — ОЗ, 1855, № 6, стр. 43. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 19. По-видимому, стихотворение лицейского периода и под *Армениусом* подразумевается профессор Кошанский. Впрочем, возможно, что оно относится к концу 1820 г. и вызвано нападками на «Руслана и Людмилу» на страницах «Вестника Европы». Тогда Армениус — Каченовский. Датируется периодом 1814—1817 гг. предположительно. Кошанский Николай Федорович (1785—1831) занимал в Лицее кафедру русского и латинского языков и в качестве преподавателя литературы поощрял занятия лицеистов стихотворством, подвергал их произведения строгому разбору по всем правилам школьной науки. По-видимому, суду Кошанского подверглись и стихи Пушкина, что и побудило последнего написать в 1815 г. ироническое послание «Моему Аристарху», где под Аристархом (т. е. строгим критиком) разумеется Кошанский. В этой связи третью и четвертую строфы стихотворения Дельвига можно понять как намек на схоластическую и маловразумительную «Риторику» Кошанского и смысл стиха: «Ему ли быть твоих гонителем даров?..» — становится ясен. Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор истории, редактор «Вестника Европы», журналист консервативно-классического направления.

Надпись к моему портрету (стр. 84). Впервые — РС, 1884, № 14, стр. 664. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 23. Долгое время приписывалось Пушкину и включалось в его собрания сочинений. Принадлежность стихотворения Дельвигу разъяснил К. Я. Грот («Журнал министерства народного просвещения», 1905, № 10). Относится к лицейскому периоду, так как встречается в лицейских сборниках (в ранней редакции):

НАДПИСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТ

Не бойся, Глазунов! ты моего портрета,
Он скоро с рук сойдет, хоть я не генерал.
К чему лишь говорить, что он портрет поэта?
Карикатурой ты давно б его продал.

Глазунов Иван Петрович (1769—1831) — петербургский книгопродавец-издатель.

К А. М. Т....ой (стр. 84). Впервые — НЗ, 1820, № 3, стр. 62, в ранней редакции под заголовком «К Т — ой». Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 29. Относится к лицейским годам, так как встречается в рукописных лицейских сборниках под названием «Мадригал», где, начиная с пятого стиха, читается:

Я умолял: постой, веселое мгновенье!
Вели, чтоб быстрый вальс вертелся не вертясь,
Чтоб я не опускал с прекрасной вечно глаз
И чтоб забвение крылом покрыло нас.

Стихотворение неправильно приписывалось Пушкину.

Близость любовников (стр. 85). Перевод стихотворения Гете «Nähe der Geliebten». Впервые — ПЛ, стр. 152. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 32. Относится к лицейскому периоду, так как находится в лицейских сборниках под заглавием «Близость милой» с иной редакцией второй строфы:

Я зрю тебя, когда вдали дороги
Катится прах,
И с трепетом идет пастух убогий
В ночных лесах.

До Дельвига это стихотворение Гете было переведено на русский язык дважды: И. Борн «Близость любезного» — «Свиток муз», 1803, кн. 1, стр. 22, и Мещевский «Близость милой» (Оренбург, 1815) — «Новости литературы», 1824, № 12, стр. 92.

К Лилете («Так, всё исчезло с тобой! Брожу по колено в сугробах...») (стр. 85). Впервые — НС, стр. 36. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 33, где записано между стихотворениями: «Близость любовников» и «К Амуру». По-видимому, относится к лицейскому периоду. В рукописи в двух стихах поправки Пушкина:

ст. 13:

Как встречает к жизни семейством привязанный узник

ст. 18:

В воспоминаньи, в мечтах, в страстном пожатии рук

Но эти поправки не дают связной редакции. Под стихотворением рукою Дельвига приписано: «bene, bene respondere» (хорошо, хорошо отвечено) — цитата из «Мнимого больного» Мольера.

К Амуру (стр. 86). Перевод стихотворения швейцарского писателя-идиллика Саломона Геснера (1730—1788) «An den Amor». Впервые — «Труды», 1820, кн. 10, стр. 97, за подписью: Д. Автограф в тетради 1819 г., № 34, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829 г., стр. 63. Относится к лицейскому периоду, так как в первой редакции, с несущественными разночтениями, встречается в лицейских сборниках. Перевод Дельвига приблизительно передает размер подлинника. Вот первые строки оригинала:

Ach! Amor, lieber Amor!
Schon an dem ersten Mai
Baut in des Gartnes Ecke

Ich den Altar für dich,
Und pflanzte Rosenhecken
Und Myrten drüber her...

Досада (стр. 87). Впервые — НС, стр. 44. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 47. По-видимому, относится к лицейскому периоду.

Цефиз (стр. 87). Перевод одноименной популярной идиллии немецкого поэта Христиана-Эвальда Клейста (1715—1759). Впервые — «Труды», 1821, кн. 2, стр. 187, за подписью: Д. Автограф в тетради 1819 г., № 49. Печ. по изд. 1829 г., стр. 97. Перевод сделан Дельвигом еще в Лицее. Ранняя редакция, сильно отличающаяся от окончательной, — ПЛ, стр. 151:

ЦЕФИЗ

Мы еще молоды, братец, на плечах кудри виются,
Рдеют как яблоко щеки и алые губы пушатся
При благовонном дыханьи прелестных; но скоро наложит
Хладную руку на нас безотрадная старость, и дева
Не поцелует седых, и, локтем подругу толкая,
Скажет с улыбкой: «Лиза, вот бабушкин милый любовник!
Ну как же щеки румяны, как густы волнистые кудри!
Голос его соловьиный, взор его прямо орлиный!»
Смейся, красавица, смейся! и мы веселились бывало,
Но всё проходчиво в мире, одна непроходчива дружба.
«Здравствуй, любезный Филинт! Уж давно мы с тобой не видались.
Благословляю тот день, который тебя возвратил мне,
Добродетельный старец! О! с тех пор твои кудри
Старость нескупо осыпала снегом. Приди же к Цефизу
И насладися прохладою тени. Тебя призывает
Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!»
Так говорил обнимая Цефиз давнишнего друга
И, пожимая рукою, провел его в сад изобильный.
Бедный Филинт вкушал и хвалил благовонные груши,
И Цефиз, улыбаясь, воскликнул: «Будь ныне, приятель,
Дерево это твое! А я от холодной метели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.
Пусть оно для тебя цветет и плодом богатится!»
Но не Филинту оно и цвело, и плодом тяготилось,
И, воздыхая, Цефиз желал умереть столь же бедным
И добродетельным старцем, как он был. — Под желтою грушей
Похоронил он Филинта и холм увенчал кипарисом.

Часто он слышал, когда отражала луна от деревьев
Длинные тени, священное листьев шептанье;
Часто в могиле таинственный глас отдавался. Он, мнилось,
Был благодарности глас. И небо усыпало рощи
Изобильно Цефизу плодами и гроздем прозрачным.

Редакция «Трудов» почти не отличается от окончательной. Лишь в стихе 7-м дважды употреблена форма «поздно», а стих 13-й начинается: «Но здесь проходчиво всё. . .». *И. А. Б. . .кий* — Ираклий Абрамович Баратынский (1802—1859), брат поэта Е. А. Баратынского. В первой лицейской редакции посвящение отсутствует, а в рукописи 1819 г. имя «Ираклий» зачеркнуто и заменено именем «Евгений». По-видимому, Дельвиг, в какой-то момент, имел намерение переопосвятить свой перевод Е. А. Баратынскому. *Жизнедавец* — Зевс.

Застольная песня («Други, други! радость. . .») (стр. 88). Впервые — СЦ, 1828, стр. 78. Автограф в тетради 1819 г., № 57, озаглавленный «Наслаждение». Печ. по изд. 1829 г., стр. 38. Относится к лицейскому периоду, так как встречается в рукописных лицейских сборниках в ранней редакции под названием «Дифирамб». *Мозель* — река и департамент во Франции, район виноделия и марка вина.

К фантазии (стр. 89). Впервые — седьмая и восьмая строфы — ЦС, 1830, стр. 3, в качестве самостоятельного стихотворения. Полностью — ПС, 1934, где опубликовано по автографу в тетради 1819 г., № 58. Указанные выше две строфы под названием «К пастушке» вошли в рукописные лицейские сборники (Ср. РП, т. 6, стр. 41).

Богиня Там и бог Теперь (стр. 92). Впервые — ПЛ, стр. 150. Копии в лицейских сборниках. Олицетворение наречий места и времени напоминает стилистические приемы Жуковского, например:

Ах, найдется ль, кто мне скажет
Очарованное *Там?*

(«Весеннее чувство», 1815)

или:

О милый гость, святое *Прежде,*
Зачем в мою теснишься грудь

(«Минувших дней очарованье. . .», 1816)

Савич Николай Иванович (ум. в 1892 г.) — лицеист второго выпуска (1820 г.).

Дифирамб («Други, пусть года несутся. . .») (стр. 95). Впервые — «Труды», 1820, кн. 11, стр. 212, за подписью: Д. Автограф в тетради 1819 г., № 38. Печ. по беловому автографу ПД. Стихотворение относится к лицейскому периоду. Ранняя редакция под заглавием «Застольная песня» — ПЛ, стр. 158. В ней особенно отличается от позднейшей редакции последняя строфа, та же, что и в тексте «Трудов»:

Выпили? Еще! кругами
Рдеет радость на щеках.

Порх! Амур забил крылами,
И мы дремлем на цветах.

Жаворонок (стр. 95). Впервые — НС, стр. 48. Автограф в тетради 1819 г., № 51. По-видимому, относится к последним годам пребывания в Лицее. В рукописи Пушкин начал исправлять стихи Дельвига, но не довел до конца исправлений, которые состояли в изменении конструкции: переделывая стихи в форму обращения к жаворонку, Пушкин заменил третье лицо вторым (в 6-м ст. вм. он — ты; в 7-м ст. величаешь; соотв. в 9-м ст.; в 13-м ст. вм. И им — Тобой; кроме того, в ст. 11-м заменил эпитет: вм. окованная — раскованная). Печ. по тетради 1819 г. в редакции Дельвига.

Элизиум поэтов (стр. 96). Впервые — начиная с 7-й строфы — ОЗ, 1854, № 3, под названием «Отрывок». Автограф в тетради 1819 г., № 48. Печ. по НС, стр. 45, где впервые опубликовано полностью. По-видимому, относится к лицейскому периоду. В рукописи в двух местах правка Пушкина:

строфа 4, ст. 1:

Гремит их песнь

строфа 11, ст. 4:

Чрез грозный мир.

Вторая из этих поправок, характерная для Пушкина, едва ли в манере Дельвига. Она была удержана в публикации ОЗ, где, кроме того, встречаются разночтения в двух первых стихах 7-й строфы:

Певец, зачем, когда к тебе стучалась
Красавица вечернею порой...

Разговор с Гением (стр. 97). Впервые — «Труды», 1820, кн. 4, стр. 303, в ранней редакции. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 31. Датируется периодом 1814—1817 гг. 12 апреля 1820 г. читано и одобрено на заседании Вольного общества любителей российской словесности в редакции «Трудов», отличающейся от позднейшей в следующих стихах:

ст. 7:

С гор до дна поток ревет

ст. 12:

На реснице серебрится

ст. 22:

Где, баюканный мечтою

ст. 25—26:

Я — не бог, и в сих местах,
Посвященных опустенью

ст. 32:

В те места, где я родился
«Юноша! уж отцвели
Для тебя младые розы,

ст. 33—48:

Из родной твоей страны
Ждут тебя о прежнем слезы;
Колыбель твою качать
Там любовь не преставала;
Но не жди, чтоб нежна мать
О тебе в слезах мечтала;

Чтоб младенца слово «брат»
Тайно лепетать учила,
Чем отца внезапный взгляд
Прояснила б, ослезила;
Ты увидишь хоровод
И веселый, и невинный, —
Не сестра его ведет
Подле хижины пустынной».

ст. 54:

Верь надежд во исполненье,

ст. 57:

Но меня ужели ты

ст. 63:

Охраняем, любим вас

ст. 65:

Но, скажи, ужель судьбе

ст. 87—88:

Верь, когда-нибудь найдем
Мы покой с концом страданий.

В рукописи некоторые стихи исправлены рукою Пушкина:

3 строфа, ст. 3:

Там, где розы расцвели

9 строфа, ст. 7—8:

С кем в эфирной тишине
Я вздохнул для наслажденья

10 строфа, ст. 5:

С криком радостным фиал

12 строфа, ст. 2—3:

Вас, наставленный судьбою,
Вел, играя и смеясь.

Вертеп — пещера.

К К. Т. В. («К чему на памятном листке мне вас хвалить. . .») (стр. 100). Впервые — НС, стр. 49, с маленькой неточностью. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 52. Датируется периодом 1814—1817 гг. Обращено в Татьяне Андреевне Волконской, кузине Дельвига со стороны матери.

Фани (стр. 100). Впервые — НС, стр. 50, где опубликовано по автографу в тетради 1819 г., № 54. На полях рукописи написаны два стиха:

И сорванный насильно поцелуй
С горящих уст красавицы невинной.

В бумагах «Зеленой лампы» сохранилась копия рукой Илличевского, написанная на одном листке со стихотворением «К мальчику», с пометкой: «Третье заседание 17 апреля 1819». По-видимому, относится к лицейскому периоду. Это стихотворение, при жизни поэта не появлявшееся в печати, процитировал Пушкин в 3-й строфе IV главы «Евгения Онегина»:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета
Как сон забыты мной давно.

К мальчику (стр. 101). Впервые — «Благонамеренный», 1819, № 3, стр. 395. Автографы в тетради 1819 г., № 50, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829 г., стр. 143. Стихотворение относится к лицейскому периоду, так как находится в лицейских рукописных сборниках. Но в 1819 г. оно было пересмотрено Дельвигом совместно с Пушкиным и подвергнуто основательной правке. Ошибочно приписывалось Пушкину, может быть на том основании, что в рукописи рукою Пушкина переделано второе четверостишие. Первоначально в ней, как и в «Благонамеренном», было:

Матерь чистого веселья
Влагу смольную вина,
Чтобы мы, друзья похмелья,
Не видали в чашах дна.

В бумагах «Зеленой лампы» сохранился листок с копией этого стихотворения рукой Илличевского с надписью: «Третье заседание 17 апреля 1819. Председательство члена совета Улыбашева». К стихотворению приписка рукой Дельвига: «члена Дельвига» и поправка рукою Пушкина: вместо «Грезами наполнив грудь» — «Бахусом наполнив грудь». На этом же листке копия стихотворения «Фани».

Хата (стр. 101). Впервые — РМ, 1815, № 8, стр. 134, за подписью: Д. Автографы в тетради 1819 г., № 5, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829 г., стр. 138. В беловом автографе ПД 3-й ст. 3-й строфы читался:

Роем тяжелым столпясь, опуститесь на жесткое ложе

Редакция РМ сильно отличается от окончательного текста:

ХАТА

Ночь ниспустися на дол, на лес, на высокие горы!
Ветер осенний бушуй вкруг хаты прекрасной Лилеты!
Месяц мне путь не свети, когда заблудится любовник,
Счастье вкусить идучи!

Тише дверь отворись! о Лилета, твой милый с тобою!
Белой, лилейной рукой уж к сердцу его прижимаешь.
Что же робкий твой взор со трепетом бродит во мраке,
Или твой Аргус не спит?

Бог сновиденья, Морфей, будь защитою нежной подруги!
Сны, готовые нас разлучить до прекрасного утра,
Соединяся в толпу, окружите вы жесткое ложе
Аргуса милой моей.

Если же, боги, мольбу отринете друга Лилеты,
Сердцем и небом клянусь врага поразить перед нею!
И на бессмертных пойду! Их громы любви не ужасны:
Взоры Лилеты мой щит.

Розовой цепью веди, о юность, два нежные сердца!
Пусть унывает богач, не зная с прелестными счастья;
Мы не в палатах златых, но в хате, соломой укрытой,
Будем счастливей его.

Размер стихотворения — сочетание гекзаметра с трехстопным дактилем. О нем пишет Востоков в примечании к своему стихотворению «Ахелой, Вакх и Вертумн»: «В сем стихотворении по примеру Рамлера употреблено сочетание экзаметра с архилоховым стихом, в коем дактиль и хориямб — ◡◡ — ◡◡ — или, что все равно, два дактиля и долгий слог» («Опыты лирические», ч. 2, 1805, стр. 76). — А. С. Даргомыжский написал на слова Дельвига романс.

Вакх (стр. 102). Впервые — РМ, 1815, № 6, стр. 270, за подписью: Д. Автографы в тетради 1819 г., № 6, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829 г., стр. 131.

К Темире (стр. 102). Впервые — РМ, 1815, № 3, стр. 266, в ранней редакции, за подписью: Д. С изменениями — «Благонамеренный», 1818, № 4, стр. 11. Автограф в тетради 1819 г., № 7. Печ. по беловому автографу ПД. В ранней редакции — в рукописных лицейских сборниках. Редакция РМ и лицейских сборников существенно отличается от окончательной 2-ою строфой:

Но младость быстрая промчится,
И радости за ней толпой,

И ты, веселия царица,
Останешься с тоской

Предпоследний стих читается:

В Москве роскошной обитая

В редакции журнала «Благонамеренный» следующие отличия:

ст. 4:

Кружишься и поешь

ст. 18:

Во храм блестящий суеты —

ст. 20:

Тафтяные цветы.

ст. 21—24:

Но знай, что счастие на свете
Не в амстердамских кружевах,
Не на богатом туалете, —
Но в искренних сердцах

К словам предпоследнего стиха: «В столице роскоши» сделано примечание: «В Москве».

Тленность (стр. 103). Впервые — РМ, 1815, № 5, стр. 135, в ранней редакции, под названием «Фиалка и роза», вместе со стихотворением «К Т—ву», за общей подписью: Д. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 10.

К Т—ву (стр. 104). Впервые — РМ, 1815, № 5, стр. 137, за подписью: Д. Обращено к *Таушеву* (по указанию В. Гаевского. — С, 1853, № 2, стр. 50), но имеется ли здесь в виду поэт Александр Федорович Таушев или кто-нибудь другой — неизвестно. *Затейливый божок* — Эрот. *Бомбаст* — английское слово, обозначающее — напыщенный, высокопарный.

Поляк (стр. 105). Впервые — РА, 1864, № 10, стр. 199. Текст известен по рукописным лицейским сборникам. Датируется не позднее 1815 г. на основании упоминания баллады Пушкиным в «Послании к Галичу» («Где ты, ленивец мой?..») (1815):

Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу...

и упоминания баллады в письме Илличевского к Фуссу от 28 февраля 1816 г. (ПЛ, стр. 63).

К Дориде (стр. 108). Впервые — РМ, 1815, № 3, стр. 266, под названием «Лилея» и за подписью: Д. С изменениями — «Бла-

toнамеренный», 1818, № 3, стр. 290, с датой «1815». Автографы в тетради 1819 г., № 9, и в альбоме Батюшковой в ГПБ (беловой листок, вклеенный в альбом). Редакция РМ сильно отличается от окончательной:

ЛИЛЕЯ

Оставь, о Дорида, на стебле лилею;
Она меж цветами прелестна, как ты:
Пусть тихо зефиры колеблются с нею
И рой легкокрылый сбирает соты!
Она наклонилась к фиалке счастливой;
Над ними трепещет златой мотылек;
Блистая любовью, ручей говорливый
На струйках рисует любимый цветок.

Дорида, Дорида! любовью всё дышит;
Блаженство вкушает природа с весной;
Чуть воды струятся, чуть ива колышет
И зелень мешает с веселой волной.
Но ты неподвластна природы закону!
С победой Эроты летят пред тобой;
Вокруг не внимая печальному стону,
Ты узников гордо ведешь за собой.

К К. Г. (стр. 108). Впервые — РМ, 1815, № 6, стр. 267, под названием «К больному Г***» и за подписью: Д. Автографы в тетради 1819 г., № 11, и в группе беловых автографов ПД. Встречается в рукописных лицейских сборниках. Печ. по исправленному Дельвигом беловому автографу. Датируется 1815 г. по дате публикации и по упоминанию об этом стихотворении в письме Илличевского к Фуссу (28 февраля 1816 г. — ПЛ, стр. 63). Обращено к лицейскому товарищу Дельвига князю Александру Михайловичу *Горчакову* (1798—1883), ставшему впоследствии министром иностранных дел.

Пушкину («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...») (стр. 109). Впервые — РМ, 1815, № 9, стр. 260, за подписью: Д. Автограф в тетради 1819 г., № 12, где стихотворение снабжено эпиграфом из элегии Гете «Эфросина». Печ. по изд. 1829 г., стр. 136. В РМ пятый стих читался:

Тот в конгрессах не мудрствует...

Венский конгресс, на который намекал этот стих, происходил в 1814—1815 гг. Знакомством с элегией Гете Дельвиг, вероятно, обязан Кюхельбекеру, в дневнике которого (7 января 1833 г.) есть запись, показывающая, как высоко он ставил данную элегию (ср. его же отзыв в «Мнемозине», 1824, т. 3: «Элегия Гетева „Euphrosyne" исполнена высоких лирических красот и местами становится истинно одою»). На стихотворение Дельвига, появившееся в печати, вероятно, без ведома Пушкина, последний отвечал:

К ДЕЛЬВИГУ

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник!
. . . .
Спасибо за посланье,
Да что мне пользы в нем?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!..

Авзония — поэтическое название Италии, происходит от имени древнейшего населения западной Италии — авзонов.

Дифирамб («Либер, Либер! я шатаюсь...») (стр. 110). Впервые — НС, стр. 30. Автограф в тетради 1819 г., № 17. Печ. по беловому автографу ПД. Датируется 15 апреля 1816 г. на основании пометы в тетради 1819 г.

На смерть Державина (стр. 111). Впервые — отрывок — ОЗ, 1855, № 6, стр. 48. Автограф в тетради 1819 г., № 21. Печ. по Полн. собр. соч. Г. Р. Державина, т. 9, СПб., 1883, стр. 550, где впервые дано полностью. Вошло в рукописные лицейские сборники и опубликовано в ПЛ. Стихотворение является откликом на смерть Г. Р. Державина (8 июля 1816 г.), чем и определяется приблизительно время написания. В лицейские годы Дельвиг особенно благоговел перед Державиным. По воспоминаниям Пушкина, Дельвиг, когда в 1815 г. Державин приехал в Лицей на публичный экзамен при переходе лицейского первого выпуска на старший курс, хотел поцеловать руку, написавшую «Водопад». В ранней редакции (ПЛ) существенно отличаются только два стиха:

ст. 12:
И нимфа, на бреге сидя́, уж не плещет в подругу струею,

ст. 39:
Атлет молодой, кипящий лететь по шумной арене

Кастальская вода — вода из источника вдохновения на Парнасе (миф.). *Пиндар* — см. стр. 273. *Анакреон* (VI—V вв. до н. э.) — греческий поэт-лирик, воспевавший любовь и пиры, с его именем связана легкая, «анакреонтическая» поэзия, модная в России в XVIII и в начале XIX вв. *Флакк* — см. стр. 273.

Переменчивость (стр. 112). Впервые — ПЛ, стр. 199, по сборнику лицейских стихотворений. Печатается по автографу тетради 1819 г., № 8. Датируется 1816 г. по помете Дельвига на рукописи. В ранней лицейской редакции заканчивалось двумя стихами:

Мало всё! и своей республики ты не узнаешь.
Я поэт, но ее не оставляю душой!

В рукописи эти стихи зачеркнуты. *Платон* (427—347 до н. э.) — греческий философ-идеалист. Время, когда Дельвиг писал «Переменчивость», было особенно тяжелым для греков после подавления турками восстания 1804 г. Но в эти же годы развивалась деятельность тайных обществ (остерий) с целью восстановления независимости страны, окончившаяся восстанием 1821 г.

Прощальная песнь воспитанников Царскосельского лицея (стр. 113). Впервые — СО, 1817, № 26, стр. 260, с другим порядком строф. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 30. В тексте СО сначала идет часть, посвященная царю, а потом родине, воспитателям и товарищам. Песня была написана для исполнения на торжественном акте по случаю первого выпуска 9 июня 1817 г. Датируется апрелем—маем того же года. «Сочинение этой песни было поручено сначала директором Лицея Пушкину, но так как он медлил, а потом вовсе отказался писать ее, то это поручено было Дельвигу. Когда он также затруднился этим поручением, Е. А. Энгельгардт дал ему в общих чертах программу песни, и Дельвиг сочинил ее по этой программе и потом исправил по замечаниям Энгельгардта» (В. Гаевский. Дельвиг. С, 1853, № 2, стр. 87). Песня, хотя и написанная на заказ по чужой программе, тем не менее была популярна в лицейской среде. Ее цитирует Пушкин в стихотворении «19 октября» (1825), где, обращаясь к Матюшкину, говорит:

Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

На письмах Матюшкина к Е. А. Энгельгардту (от 20 февраля и 3 апреля 1824 г.), хранящихся в ПД, имеется сургучная печать, на которой изображены две пожимающие друг друга руки, а по краям текст двух последних стихов Дельвига в лицейской редакции:

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породнила нас.

Впервые песня исполнялась хором выпускников-лицеистов 9 июня 1817 г. Музыка была написана лицейским преподавателем пения и музыки Теппером де Фергюсоном. С тех пор эта песня стала традиционной и в течение почти двадцати лет исполнялась в Лицее при выпусках. В 1938 г. на слова Дельвига была написана Ю. В. Кочуровым музыка к кинофильму «Юность поэта».

К Пущину (стр. 115). Впервые — «Украинский вестник», 1817, № 8, стр. 228, под заглавием «К П — у (в альбом)». Печ. по автографу тетради 1819 г., № 28. Написано перед отъездом Дельвига из Петербурга в Хорол после окончания Лицея. *Пущин* Иван Иванович (1798—1859) — лицейский товарищ Дельвига, впоследствии декабрист. Датируется маем 1817 г. на основании сообщения Пущина, что стихи были вписаны ему в альбом в мае, еще до выпуска из Лицея (И. И. Пущин. Записки о Пушкине, М., 1956, стр. 67).

К А. Д. Илличевскому («Пока поэт еще с тобой...») (стр. 115). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 26. Печ. по автографу тетради 1819 г., № 25. По содержанию относится к последним дням пребывания в Лицее. На этом основании и по воспоминаниям И. И. Пущина о том, что в мае, накануне выпуска из Лицея, «наполнились альбомы и стихами и прозой» (И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1956, стр. 67), датируется маем 1817 г. Вошло в рукописные лицейские сборники под заглавием «В альбом Илличевскому». *Илличевский* Алексей Дамианович (1798—1837) — лицейский товарищ Дельвига, поэт, считавшийся в Лицее одним из лучших учеников. После окончания Лицея уехал служить в Сибирь, где его отец был губернатором. В 1821 г. он вернулся в Петербург и здесь часто посещал Дельвига, был им введен в дом Пономаревой, а после женитьбы Дельвига был в числе постоянных посетителей его вечеров. Свои стихотворения (почти исключительно переводные эпиграммы и мадригалы) Илличевский издал в 1827 г. под названием «Опыты в антологическом роде». По свидетельству В. Гаевского, знавшего брата Илличевского, «из своих лицейских товарищей Дельвиг был дружнее всех, после Пушкина, с Илличевским» (С, 1853, № 5, стр. 26).

К Шульгину (стр. 115). Впервые — «Труды», 1820, кн. 11, стр. 208, за подписью: Д. Находится в группе беловых автографов ПД. Печ. по исправленному автографу тетради 1819 г., № 35. Датируется маем 1817 г. на основании пометы на рукописи, а также по тем же основаниям, что и два предыдущих стихотворения. *Шульгин* Иван Петрович (1797—1869) по окончании духовной семинарии учился в петербургском Педагогическом институте и еще студентом поступил в 1816 г. гувернером в лицейский пансион. Вскоре он был назначен преподавателем географии в младших классах Лицея, а в 1817 г. — адъюнктом.

К Кюхельбекеру («И будет жизнь не в жизнь и радость мне не в радость...») (стр. 116). Впервые — НС, стр. 40. Печ. по автографу тетради 1819 г., № 40. Обращено к лицейскому товарищу Дельвига В. К. Кюхельбекеру и, по всей видимости, написано как прощальное перед выпуском из Лицея. *Мой друг, вожатый мой в страну, где ослепленный Могу, как Фаэтон, я посрамить себя.* Кюхельбекер несомненно способствовал приобщению Дельвига-лицеиста к поэзии, знакомя его с поэзией немецкой (см. вступ. статью, стр. 10).

Триолет К. Горчакову (стр. 117). Впервые — ПЛ, стр. 154. Датируется маем 1817 г., так как, по-видимому, написано к окончанию Лицея. *Горчаков* — см. стр. 286.

К друзьям (стр. 117). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 2, причем в текст введены поправки, принадлежащие Пушкину. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 26. Датируется по содержанию, как прощальное перед выпуском из Лицея, концом мая 1817 г. На рукописи помета Пушкина: «Просят покорно сохранить». Ему же принадлежат исправления:

ст. 4:

Твоей красой волшебной оживлялось

ст. 8:

И вы, друзья, любили голос мой

ст. 9:

Вам песни в дар от сельского поэта

Стих 13-й отчеркнут и зачеркнут Пушкиным. *Царский сад* — парк Большого Екатерининского дворца в Царском селе (ныне г. Пушкин), примыкавший к зданию Лицея.

В альбаум (стр. 118). Впервые — НЗ, 1820, № 2, стр. 87, в ранней редакции, под заглавием «Элегия (к Яхонтову)». В тетради 1819 г., № 39, помещено под названием «К Яхонтову». Печ. по беловому автографу ПД. Предположительно датируется июнем 1817 г. на основании свидетельства П. А. Плетнева (впрочем, не особенно достоверного), что эти стихи написаны вместо письма на другой день после выхода из Лицея (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, ч. 1. СПб., 1896, стр. 538). Редакция НЗ существенно расходится с автографом ПД, начиная с пятого стиха:

Цветку милей своя поляна
(Там знал он радости одне!),
Чем яркие края стакана,
Где, бедный, вянет на окне.
И пусть при светлой тишине
Небес проснувшихся — Светлана
Не налюбуется цветком
В высоком тереме своем;
Пусть окропит его слезою
И будет нежно прижимать
К груди, не скрытой под фатою,
Моля его — не увядать, —
Увянет! — Я ж скажу прекрасной:
«Что слезы? сожалеть напрасно!
Не нужно было бы срывать!»

Но и эта редакция явилась в результате большой работы. Чтобы охарактеризовать творческую манеру Дельвига, приведем основные этапы этой работы. Самая ранняя, сохранившаяся в рукописях, редакция читалась:

К ЯХОНТОВУ

Не мило мне на новоселье,
В нем всё увяло, там цвело;
Одно и есть мое веселье
Увидеть Царское село.
Вот перевод, мой друг, с Баяна,
Он часто правду говорил:

Цветку милей своя поляна,
Куда он ветром кинут был,
Чем яркие края стакана,
Где, бедный, вянет у окна.
И пусть, оставив ложе сна,
Подруга радости — Светлана
Не налюбуется цветком
В высоком тереме своем,
И сорванную нежно ею
К младой груди прижмет лилею,
Моля ее не увядать, —
Увянет, а Дагода[1] страстный
В сухих листках шепнет прекрасной:
«Что сожалеть, зачем срывать!»

Затем ст. 5-й и 6-й были зачеркнуты, а следующие были переделаны:

Цветку милей своя поляна,
Где впе́рвое он ро́су пил,
Где при твоих зарях, Мерцана,[2]
Восторги бытия вкусил.

После нескольких мелких переделок эти стихи приняли вид:

Цветку милей своя поляна,
Где в первый раз он у ручья
И при твоих зарях, Мерцана,
Вкусил веселья бытия.

После этой редакции следовала вышеприведенная. Из остальных стихов наиболее интересен промежуточный вариант трех последних стихов, которым Дельвиг отчасти воспользовался для позднейшей редакции:

Увянет, я ж Светлане милой
Скажу с улыбкою унылой:
«Не нужно было бы срывать!»

Стихи обращены к Яхонтову Петру Васильевичу (ум. в 1858 г.) — лицеисту второго выпуска, младшему товарищу Дельвига.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817—1831 годов

А. С. Пушкину («А я ужель забыт тобою. . .») (стр. 119). Впервые — «Благонамеренный», 1818, № 4, стр. 13. Автограф в тетради 1819 г., № 27. Дата определяется временем пребывания Дельвига у родителей после окончания Лицея — с июня 1817 г. до первых чисел января 1818 г.

---

[1] Зефир *(Примечание Дельвига);* первоначально в рукописи было «Погода».

[2] Аврора *(Примечание Дельвига).*

Призвание (стр. 120). Впервые — без последней строфы — ОЗ, 1854, № 3, стр. 17. Полностью — ПС, 1934, стр. 394. Автографы в тетради 1819 г., № 37, под названием «К Олиньке», и в группе беловых автографов ПД. Первоначальная редакция стихотворения сильно отличается от окончательной:

К ОЛИНЬКЕ

Олинька, под тень дубравы,
Псол где вьется в берегах,
Приходи! Мне бог забавы
В трех уже являлся снах!

Мрачный, две стрелы на луке
К двум он метил сторонам:
Поспеши! то знак разлуке!
Как таким не верить снам?

Долго ль, милая, на муки
Отвечать невинно мне?
Кинься в пламенные руки,
Сладкой вверься тишине!

Верь тому, что я открою!
Время с крыльями! лови!
Иль оно умчит с собою
Много тайного в любви!

Бойся матерь и Гимена!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена
Быть в венке иль под венцом.

Судя по упоминанию реки Псёл, стихи, вероятно, были написаны во время пребывания Дельвига в Кременчуге, т. е. во второй половине 1817 г.

«В сей книге, в кипе сей стихов...» (стр. 121). Впервые — НС, стр. 29. Автограф в тетради 1819 г., № 1, где помечено 13 ноября 1819 г. Этими стихами начинается названная тетрадь.

К Е. А. Кильштетовой (стр. 121). Впервые — НС, стр. 38. Печ. по автографу тетради 1819 г., № 36. Стихи обращены к Елене Алексеевне *Кильштедт* (ум. 1849), вышедшей замуж за учителя Дельвига Александра Дмитриевича Боровкова 15 сентября 1818 г. Датируется 1818 г., не позднее дня этой свадьбы, так как в лицейские годы Дельвиг не был знаком с адресаткой стихов, а из послелицейской поездки на Украину возвратился в самом начале 1818 г. Дочь штаб-лекаря, Е. А. Кильштедт жила в доме Т. Н. Крикуновского, где происходили заседания Вольного общества любителей российской словесности. Бывая не только при чтениях, но и на частных заседаниях общества, она именно там познакомилась со своим

будущим мужем, а также, очевидно, и с Дельвигом. *Душенька* — героиня одноименной шуточной поэмы И. Ф. Богдановича, богиня Психея, влюбленная в Амура. *Фидий* (IV в. до н. э.) — греческий скульптор.

Моя хижина (стр. 122). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 12. Автограф в тетради 1819 г., № 44. Печ. по беловому автографу ПД. В. Майковым неправильно отнесено к 1830 г.: в альбоме П. Л. Яковлева датировано 1818 г. и имеет разночтения (например, стих 21: «Лицейские песни»). Пушкин отметил, как неудачное, слово «птиц» в сочетании с «хлевах» и, не без иронии, предлагал вместо «подруг» в стихе 10-м поставить: «телиц», а «украдем крылья у веселья» в стихе 22-м заменить: «отрежем крылья».

Осенняя картина (стр. 123). Впервые — НС, стр. 42. Автограф в тетради 1819 г., № 45, между стихотворениями 1818 г. «Моя хижина» и «К Илличевскому». Датируется тем же годом, как, по-видимому, одновременное с «Моей хижиной» или близкое к ней по времени написания.

К Илличевскому («Я благотворности труда...») (стр. 124). Впервые — «Благонамеренный», 1818, № 12, стр. 267. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 46. Датируется 1818 г., как написанное вскоре после отъезда Илличевского в Сибирь, а также по дате публикации (см. примечание к стихотворению «К А. Д. Илличевскому», стр. 289). *Бельт* — на поэтическом языке пролив, соединяющий Балтийское море с океаном.

Утешение бедного поэта (стр. 125). Впервые — «Труды», 1819, кн. 11, стр. 96, в ранней редакции, за подписью: Д. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 53. В не дошедшем до нас альбоме А. Ф. Баратынской было записано под заголовком «Ларец» (см. РВ, 1856, кн. 3, стр. 569; ср. соч. М. Лонгинова, т. 1. СПб., 1915, стр. 114 и 137). В рукописи Дельвигом зачеркнуты две строфы (пропущенные и в альбоме Баратынской):

После строфы 6-й:

Уж покинет вдохновенье
Здешний храм наук,
И стихи мои в забвенье
Мой оставит внук.

После строфы 12-й:

Словом, я от них узнаю,
Лежа в небесах,
То, чего не прочитаю
В Штиллинга мечтах.

Стихи под названием «Мой ларец» Дельвиг читал в Обществе любителей российской словесности, причем в отчете Общества указано, что они заимствованы с немецкого. *Афиней* (Атеней) — название учебных заведений, принятое у древних римлян от имени Афин,

культурного центра античной Греции. *Был ли слеп.* Намек на Гомера, который был слеп. *Зоилы* — придирчивые критики, нарицательное от имени Зоила (IV—III в. до н. э.), греческого оратора и литературного критика.

Эпитафия («Прохожий! здесь лежит философ-человек...») (стр. 127). Впервые — два первых стиха — С, 1853, № 5, стр. 14. Полностью — НС. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 20. Датируется не позднее 1819 г., по наличию в тетради. *Всё суета! всё сон* — несколько измененный афоризм библейского царя Соломона (993—953 до н. э.): «Суета сует, всё суета!»

Песня («Как ни больно сердца муки...») (стр. 127). Впервые — НС, стр. 35, с маленькой неточностью. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 24. Автограф первых восьми стихов в альбоме П. Л. Яковлева (ПД). Датируется, по наличию в тетради, не позднее 1819 г. На рукописи, перечеркнутой Пушкиным, его же надпись: «Сохранить оборот и сделать прелесть», по-видимому означающая, что следует переписать песню заново, сохранив мысль и план развития темы.

В день моего рождения (стр. 128). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 13. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 61. Датируется 6 августа 1819 г., когда Дельвигу исполнился 21 год. *Аи* — сорт шампанского.

Е. А. Б...вой («Когда Амур еще был вашим богом...») (стр. 129). Впервые — «Благонамеренный», 1820, № 2, стр. 118, за подписью: Д. Автограф в тетради 1819 г., № 63, под названием «К Елене». Обращено к Е. А. Кильштедт-Боровковой, находится в прямой связи со стихотворением «К Е. А. Кильштетовой» и датируется первой половиной 1819 г. на основании, указанном в подзаголовке. В. К. Кюхельбекер писал об этом стихотворении: «„Послание к Е. А. Б-вой" легкая прелестная безделица, напоминающая нам хорошие французские послания в сем роде. Вот место, которое нас пленило своим dulce et facetum[1]: «И признаюсь, я часто в восхищеньи..."» (НЗ, 1820, № 2, стр. 126). *Мастика* — душистое курение. *Селадон* — сентиментальный воздыхатель, герой романа «Астрея» французского писателя Юрфе (1607—1671).

К Евгению («За то ль, Евгений, я Гораций...») (стр. 129). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 31, с пропуском седьмого, вероятно не разобранного Гаевским, стиха; полностью — ПС 1934, стр. 303. Автограф в тетради 1819 г., № 55. Стихотворение является ответом на послание Баратынского «К Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»), напечатанное в СО, 1819, № 31, стр. 228. Ответ Дельвига на это послание, несомненно известное ему и до его опубликования, следует датировать также 1819 г. С Евгением Абрамовичем Баратынским Дельвиг был особенно дружен. Первое знакомство двух поэтов состоялось в конце 1818 г., когда Баратынский приехал в Петербург. Дельвиг ввел Баратынского в литера-

---

[1] Сладостью и грацией (лат.) — *Ред.*

турные круги, познакомив его с Жуковским, Пушкиным, Кюхельбекером, Плетневым и др. В феврале 1819 г. Баратынский поступил рядовым в гвардейский егерский полк и поселился в одной квартире с Дельвигом, в доме кофишенка Ежевского, в пятой роте Семеновского полка (см. стихотворение «Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком. . .», стр. 225). Под влиянием Дельвига Баратынский стал писать стихи и печатать их в «Благонамеренном», «Сыне отечества» и других журналах. Дельвиг ввел Баратынского также в оба существовавшие тогда литературные общества (Вольное общество любителей российской словесности, иначе — Соревнователей просвещения, и Общество любителей словесности, художеств и наук, иначе — Михайловское). Ко времени совместной их жизни относится несколько не дошедших до нас вольнолюбивых стихотворений, написанных ими совместно. В январе 1820 г. Баратынский был переведен рядовым в Нейшлотский полк и уехал в Роченсальм, в Финляндию, но часто и подолгу бывал в отпуску в Петербурге и поддерживал связи с Дельвигом и его кружком. На приезды Баратынского написаны стихотворения «Дифирамб» («О радость, радость, я жизнью бывалою. . .») и «К Е.». Вероятно, во время отпуска Баратынского, продолжавшегося с сентября 1822 г. по январь 1823 г., Баратынский был введен Дельвигом в кружок Пономаревой и этим вовлечен в борьбу литературных партий этого салона. Дружеские горацианские интимные послания, которыми обменивались Дельвиг и Баратынский и к которым относится и настоящее стихотворение, подверглись нападкам и осмеянию на страницах «Благонамеренного». Именно в эти годы дружеский кружок Дельвига был осознан как новое литературное направление, иронически названный партией «литературных баловней». Летом 1825 г. Баратынский был произведен в офицеры, вскоре уехал в Москву, где вышел в отставку и женился. В дальнейшем связь с Дельвигом он поддерживал деятельной перепиской. Среди стихотворений Баратынского Дельвигу посвящены: «Где ты, беспечный друг. . .» (1820), «Напрасно мы, Делий, мечтаем найти. . .» (1821), «Дай руку мне. . .» (1822), «Я безрассуден и не диво. . .» (1824), «Ты распрощался с братством шумным. . .» (1825) и «Не славь, обманутый Орфей. . .» (1831). Ср. обращение к Дельвигу в поэме «Пиры» и упоминание в «Элизийских полях» (Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Л., 1957, стр. 225, 65). Баратынский постоянно утверждал, что начал печататься из-за того, что Дельвиг без его ведома послал в печать его стихи (очевидно, имея в виду стихотворения, появившиеся в «Благонамеренном» в 1819 г.). Н. Л. Баратынская писала: «Никогда бы он не удостоился славы, если бы один из его лучших друзей, барон Дельвиг, не напечатал одно из его стихотворений без его ведома. Баратынский часто говорил о сильном и болезненном впечатлении от подобной неожиданности и замечал, что никакой успех не мог искупить страданий этой минуты» (Из рукописной французской статьи, хранящейся в Мурановском архиве). О том же говорил И. С. Тургенев (С, 1854, № 10), но неправильно относил слова Баратынского к упоминавшемуся посланию Дельвигу, которое было уже не первым печатным произведением Баратынского. *Гораций* — Квинт Гораций Флакк (см. стр. 273).

«Друзья, поверьте, не грешно...» (стр. 130). Впервые — ПС 1934, стр. 395, где напечатано по копии М. Л. Яковлева (ПД). Датируется 1819 г. по свидетельству А. И. Дельвига, двоюродного брата поэта, что стихотворение относится ко времени совместной жизни Дельвига и Баратынского (см. примечание к предыдущему стихотворению). Стихи эти «часто певали», и, по-видимому, список Яковлева сделан по памяти. В нем не разбиты стихотворные строки и во втором куплете пропущено «в библии», и тем нарушен размер и единство построения припева. В библейских книгах, приписываемых Соломону, действительно часто упоминается вино. В частности, в книге Екклезиаст говорится: «Пиры устраиваются для удовольствия и вино веселит жизнь» (гл. 10, ст. 19). Что касается упоминания Давида, то оно основано на рассказе второй книги Самуила (гл. 6, ст. 14—16), где говорится, что когда ковчег везли в Иерусалим, царь Давид прыгал перед ним. Ст. 2 и 3 второго куплета пародируют евангельский текст: «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят» (Лука, гл. 23, ст. 34). Мотивы данной песни встречаются в так называемых «вакхических» французских песенках. Так, в куплетах Бразье «Le Pouvoir du vin» (1810) находятся следующие строфы:

Salomon, qu'on chante en chœurs,
S'égayait avec les dames;
Pour attaquer trois cents coeurs,
Il a grisé trois cents femmes

Ce roi qu'on vante beaucoup,
David, pour se mettre en marche,
Avait bu son petit coup
Quand il dansa devant l'arche.[1]

В протоколе лицейской годовщины 1828 г., писанном Пушкиным, имеется пункт: «пели песню о царе Соломоне». Я. К. Грот к этому сделал примечание: «Обыкновенно Дельвиг затягивал торжественно:

О Соломон,
В библии первый певец и первый мудрец!»

(Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 82). Таким образом, певшаяся на лицейских празднествах песня была именно данная песня Дельвига. *Давид* и *Соломон* — отец и сын, библейские цари, жившие на рубеже первого и второго тысячелетия до н. э. Давиду в библии приписывается создание псалмов. Соломон, знаменитый своей мудростью, считается создателем «Песни песней».

---

[1] «Соломон, которого воспевают хором, веселился с дамами; чтобы победить триста сердец, он напоил триста женщин. Царь, которого много хвалят, Давид, перед тем как пуститься в путь, выпил малую толику, когда плясал перед ковчегом».

Видение («В священной роще я видел прелестную...») (стр. 131). Впервые — «Труды», 1820, кн. 3, стр. 314, за подписью: Д. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 65. Датируется 1819 или 1820 г. по месту в конце тетради, законченной Дельвигом в декабре 1820 г. номером 69-м. Стихотворение вызвало жестокую критику в среде литературных противников Дельвига, в частности — статью Сомова в «Благонамеренном». «Видение» обращено к Вильгельму Карловичу *Кюхельбекеру* (1797—1846). С Кюхельбекером Дельвиг был особенно связан. Еще в Лицее Кюхельбекер познакомил Дельвига с немецкой поэзией. После Лицея они постоянно встречались, а во время поездок Кюхельбекера состояли в переписке. Когда Кюхельбекер решительно примкнул к лагерю «славян», Дельвиг, не разделяя его литературных убеждений, уговаривал его вернуться к прежней поэтической манере. Об отношениях Дельвига и Кюхельбекера см. Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929, стр. 334—336. Кюхельбекер посвятил Дельвигу ряд стихотворений: «Дифирамб» (1815), подражание Шиллеру («Dithyrambe»), напечатано в СО, 1817, № 42, стр. 152; «Элегия» (СО, 1817, № 41, стр. 105); «К Пушкину и Дельвигу», помеч. Царское село, 14 июля 1818 г., (СО, 1818, № 33, стр. 129 и «Благонамеренный», 1818, № 7, стр. 133) и «Поэты» («Труды», 1820, № 1, стр. 71). Приведу второе из этих стихотворений:

ЭЛЕГИЯ
К ДЕЛЬВИГУ

Почто так рано изменила
С мечтами, радостью, тоской?
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моих весна златая,
Постой! .. тебе возврата нет.
Летит, молитве не внимая,
И всё за ней умчалось вслед.

Жуковский

Цвет моей жизни, не вянь, о! время сладостной скорби,
Пылкой, волшебной мечты, время восторга — постой!
Чем удержать его, Дельвиг! Дай, о дай мне привыкнуть
К страшной той мысли, чтоб жить с хладной, немою душой —
Жить, переживши себя! — Увы! зачем не угас я
С утром моим златым! Дельвиг, когда мы с тобой
Тайными мыслями, верою сердца менялись, когда мы
В светлом слиянии душ пламенным летом неслись
Там, за пределом миров, в минуты священных восторгов, —
Друг мой! тогда б умереть, с ним съединиться бы, с ним,
Чей перед нами был образ открыт! — О друг мой! мы розно:
С кем мне делиться собой? Дельвиг, теперь ты меня —
В час, когда тяготеет на мне рука беспредельной печали,
С мрачным, с глухим бытием, с грозной судьбой не миришь, —
Брат души моея! затерян в толпе равнодушной,
Твой Вильгельм одинок в мутной столице сует,

Холод извне погашает огонь его сердца: зачем же
Я на заре не увял, весь я еще не лишен
Лучшия части себя — святых благодатных мечтаний?
В памяти добрых бы жил рано отцветший певец!

Вильгельм

СПб. 6 октября 1817.

Несмотря на близкую и долгую дружбу, раздражительный Кюхельбекер, незадолго до разлуки, последовавшей после декабрьских событий 1825 г., рассорился с Дельвигом. В своем письме к матери от 6 июня 1825 г. Кюхельбекер писал: «Люди, которых я видал, мне чужие, или стали чужими за 5 лет разлуки; в числе последних Дельвиг, которого я любил несмотря на то, что я о нем говорил, и который ныне, каждый раз как мы с ним встречаемся, оскорбляет меня в том, что есть самого дорогого и священного для моего сердца. Однако он изменился меньше, чем я сам. Наконец, после тягостной стычки, я принял твердое решение избегать его, так как мы ни в чем друг другу не подходим». (Подлинник по-французски; из неизданных бумаг Кюхельбекера, хранившихся у Ю. Н. Тынянова). Шутки Дельвига касались, по-видимому, неудачного жениховства Кюхельбекера. Эта случайная ссора, как и многие другие ссоры Кюхельбекера, не отразилась на позднейших его отношениях к Дельвигу. Из крепости он писал ему и посылал свои произведения. Дельвиг же помещал их (без подписи автора) в своих альманахах. Наличествующий во второй строфе «Видения» «перенос» (из || ливающей) сделан из подражания древним. По поводу таких переносов А. Востоков писал: «Не говорю ничего о таких переносах, коими рассекаются слова, из одного стиха в другой переносимые, например:

neque purpura ve —
nale nec auro.

Такие, по-видимому, принужденные рассечения, встречающиеся у Пиндара и у Горация, позволял себе иногда Рамлер, и кажется, что сие делал он без нужды, ибо употребил их не в песнях, не в кантатах, а в одах, рассечения же сии принадлежат механизму музыки. В читаемой оде они оскорбляют глаза наши, в пенье неприметны. Мы имеем тому русский пример:

Как проходит дорагая
Мимо кельи,
Мимо кельи, где чернец *бе-*
дной горюет.

Мне кажется, что сии переносы могут и должны случаться только у тех сочинителей, кои в одно время и речи стихов и музыку на оные сочиняют как древние греки» («Опыты лирические», ч. 2, СПб., 1806, стр. 80).

Надпись на статую флорентинского Меркурия (стр. 134). Впервые — НЗ, 1820, № 2, стр. 94, вместе со стихотворением «Купидону» под общим заглавием «Надписи статуям». Авто-

граф в тетради 1819 г., № 41, и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829, стр. 62. Датируется 1819 или 1820 г. по наличию в тетради 1819 г. и по дате первой публикации.

Купидону (стр. 135). Впервые — НЗ, 1820, № 2, стр. 94, под общим заголовком и за общей подписью с предыдущим. Автографы в тетради 1819 г., № 42, в той же редакции, но под заглавием «К Купидону с лирою, сидящему на льве». Датируется 1819 или 1820 г. как по дате публикации, так и по месту в середине тетради, которая заполнялась на протяжении этих двух лет. Возможно, что, создавая в 1836 г. две свои «Надписи» на статуи, Пушкин внутренне связывал их с двумя надписями Дельвига и что последние послужили для него образцом. Такая связь подтверждается и общностью размера всех четырех стихотворений, и стихотворением Пушкина «Художнику», где поэт вспоминает Дельвига:

Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет.
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

Хор из Колиновой трагедии «Поликсена» (стр. 135). Впервые — «Подснежник», 1829, стр. 238. Автографы в тетради 1819 г., № 43, под названием «Плач Кассандры (Хор троянок)», и в группе беловых автографов ПД. Печ. по изд. 1829 г., стр. 59. Датируется 1819 или 1820 г. по наличию в тетради 1819 г., заполнение которой продолжалось и в следующем году. *Коллин* Генрих-Иосиф (1772—1811) — немецкий поэт и драматург. Его трагедия «Поликсена» была напечатана в 1804 г. *В сретенье бога* — т. е. встречая солнце, Гелиоса.

Поэт («Что до богов? Пускай они...») (стр. 136). Впервые — НС, стр. 33. Печ. по автографу тетради 1819, № 22. Датируется не позднее 1820 г. 17 марта 1820 г. А. Крылов дал в цензурный комитет Вольного общества любителей российской словесности следующий отзыв о «Поэте»: «Может быть помещено в сей книжке (очередной выпуск «Трудов» Вольного общества), но я весьма сомневаюсь, чтобы гражданская цензура его пропустила». Очевидно, так и случилось, потому что стихи при жизни Дельвига не были напечатаны. С другой стороны, стихотворение имеет явную связь со стихотворением Кюхельбекера «Поэты», написанным в 1820 г. и являющимся своеобразной репликой на стихи Дельвига. *Аквилон* — латинское название северо-восточного теплого ветра.

Успокоение (стр. 137). Впервые — С, 1854, № 1, стр. 32. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 66. Датируется не позднее 1820 г. по положению в самом конце тетради, законченной, по-видимому, в ноябре этого года номером 69-м. *Гиппократ* (460—377 до н. э.) — знаменитый врач древности, основатель научной медицины.

Переводчику Вергилия (стр. 137). Впервые — НС, стр. 61. Автограф в конце тетради 1819 г., где записано вне нуме-

рации на л. 108. Датируется не позднее 1820 г., на том же основании, что и предыдущее. *Вергилий* — Публий Вергилий Марон (70—19 до н. э.), знаменитый римский поэт, автор героической поэмы «Энеида», дидактической поэмы «Георгики» и многочисленных эклог.

Ф. Н. Глинке (стр. 137). Впервые — НС, стр. 58. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 64. *Глинка* Федор Николаевич (1786—1880) — поэт; был председателем Вольного общества любителей российской словесности. Стихотворение, вероятно, относится ко времени пребывания Дельвига в Обществе, или в «Зеленой лампе», в которой Глинка участвовал как представитель тайного общества, т. е. написано никак не позднее 1820 г. В «Трудах» напечатано обращенное к Дельвигу стихотворение Ф. Глинки «Перелетная птичка» (1820, кн. 4, стр. 307). *Антология.* В X в. до н. э. был впервые составлен под этим названием сборник древних греческих «эпиграмм», мелких стихотворений, главным образом мадригального, эпиграмматического характера.

Евгению («Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела)...») (стр. 138). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 35, неисправно и неполно. Полнее — «Полное собрание стихотворений барона А. А. Дельвига с портретом и биографией». СПб., 1887, стр. 78. Печ. по ПС 1934, стр. 315. Автографы в тетради 1819 г., № 59, и в группе беловых автографов ПД. Обращено к поэту Евгению Абрамовичу Баратынскому и, судя по наличию в тетради, законченной в конце 1820 г., написано или до, или вскоре после отъезда Баратынского в Финляндию, т. е. не позднее 1820 г.

Лекарства от несчастий (стр. 138). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 15. Печ. по автографу в тетради 1819 г., № 60, в конце которой записан ряд произведений 1820 г.

Романс («— Проснися, рыцарь, путь далек...») (стр. 139). Впервые — НС, стр. 59. Печ. по автографу тетради 1819 г., № 67. Возможно, что романс относится к лицейскому периоду. Размер стихотворения был популяризирован балладой Жуковского «Двенадцать спящих дев» 1810 г. Но у Жуковского рифмуется первый и третий стих строфы, оставленные Дельвигом без рифмы. Так как автограф находится рядом с «Эпиграммой рецензенту поэмы „Руслан и Людмила“», написанной несомненно в 1820 г. и в том же году внесенной в тетрадь, есть основания датировать его не позднее 1820 г.

Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслан и Людмила» (стр. 140). Впервые — СО, 1820, № 38, стр. 233, без подписи. Автограф в тетради 1819 г., № 68. Эпиграмма направлена против автора длинной статьи, печатавшейся в нескольких номерах СО: «Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочинение Александра Пушкина» за подписью «В.» (Воейков). Статья вызвала резкие возражения, напечатанные в том же журнале. А. Е. Измайлов в письме к П. Л. Яковлеву 23 сентября 1820 г. (Архив ПД), сообщая о раз-

боре Воейкова, прибавляет: «И Воейкова обругали в двух эпиграммах, из которых одну написал Бар... Дель..., а другую... кто бы вы думали... Крылов!» Датируется летом 1820 г.

Песня («Дедушка, — девицы...» (стр. 140). Впервые — «Труды», 1820, кн. 12, стр. 325, в ранней редакции, под названием «Романс», за подписью: Д.; затем — «Подснежник», 1829, с нотами М. И. Глинки. Автограф в тетради 1819 г., № 69. Печ. по изд. 1829, стр. 148. Датируется 1820 г. по положению в тетради, сразу же после «Эпиграммы рецензенту поэмы „Руслан и Людмила"», и по времени первой публикации. Редакция «Трудов» особенно отличается от позднейшей в строфах 5-й, 6-й и 8-й:

5-я строфа:

Душу всю сжигали
Их уста и очи,
И без сна бывали
Долгие мне ночи.

6-я строфа:

«Дедушка, — толпою
Девушки вскричали, —
Видим мы, тобою
Бабушки играли!»

8-я строфа:

— Вы б любили? сказки!
Веры мне неймется!
Видя ваши ласки,
Дедушка смеется! —

На слова Дельвига, кроме М. И. Глинки, написал романс и А. А. Алябьев.

Ответ (стр. 141). Впервые — СЦ, 1828, стр. 86. Автограф в тетради 1819 г., № 70, в ранней редакции. Данным произведением заканчивается тетрадь 1819 г. После текста приписка рукою Дельвига: «Конец 1-го тома». Печ. по изд. 1829 г., стр. 14. Датируется 1820 г. по дате, проставленной в СЦ. В автографе после строфы третьей (за стихом «Я славой горел!») следовало:

«Сними же повязку, сорви с меня тогу,
Вот с лирой всё бремя жреца пиерид,
Им с детства усердный по воле бессмертных
Я долго служил
И славил даянья сокрытой Изиды
От дерзкого взора покровом святым!
Возьми всё! Я бедный! Я с опытом мрачным
Союз заключил.
Раздрал он, суровый, завес обольщений:
Мой взор прояснился — но скрылись мечты,
и т. д.

Гаевский, вероятно со слов самого Плетнева, сообщает, что «Ответ» вызван посланием к Дельвигу Плетнева. Знакомство состоялось через Кюхельбекера, с которым Плетнев вместе служил в Екатерининском институте. *Плетнев* Петр Александрович (1792—1865) — друг и литературный сотрудник Дельвига, друг и издатель Пушкина и впоследствии профессор и ректор Петербургского университета, академик. В СЦ Плетнев поместил обозрение словесности за 1824 г. По словам Гаевского, «Дельвиг очень часто виделся с Плетневым. У последнего собирался по субботам небольшой литературный кружок, и Дельвиг был постоянным субботним гостем». В СЦ, 1826 г. Плетнев напечатал следующие стихи, обращенные к Дельвигу:

СТАНСЫ К Д***

Дельвиг, как бы с нашей ленью
Хорошо в деревне жить;
Под наследственною сенью
Липец прадедовский пить;

Беззаботно в полдень знойный
Отдыхать в саду густом;
Выдти под вечер спокойный
Перед сладким, долгим сном;

Ждать поутру на постеле,
Не зайдет ли муза к нам;
Позабыть все дни в неделе
Называть по именам;

И с любовью неревнивой
Без чинов и без хлопот,
Как в Сатурнов век счастливый,
Провожать за годом год!

Настоящий «Ответ» Дельвига вызван, вероятно, следующим посланием Плетнева, оставшимся ненапечатанным (автограф хранится в ПД):

ДЕЛЬВИГУ

Дельвиг, где ты учился языку богов?
Жадно ловит мой слух твои песни,
К лире, полной восторга, склоняясь,
И сердце кипит.

Где твой гений приветной улыбкой тебя
Встретил в первом с тобою свиданьи?
Как манил за собой он любимца
На светлый Олимп?

Там тебя обрекли на служенье себе
Вечно-юные девы камены:
Там священные тайны поэту
Открыли они.

Только небо высокие истины шлет,
Душу жаром святым наполняет.
Будит голос и движет устами
Пророков своих.

Тщетно чернь отрясает туман с своих глаз:
Вечно темной стезей она бродит,
Низкой доле судьбой обреченна;
Ей мир без красы.

Чуждо сердце восторгов высоких, святых,
Если небо ему не отверзлось,
Иль с улыбкой ключа не вручило
К загадкам своим.

В низких мыслях погубит с бесславием век,
Целый век свой отверженный небом
Не отделится здесь от земного.
Без жизни умрет.

По поводу этого послания Гаевский, вероятно со слов самого Плетнева, пишет: «П. А. Плетнев, познакомившись с Дельвигом скоро после его выпуска из Лицея, сочинил к нему послание, которое начиналось вопросом:

Дельвиг, где ты учился языку богов?

Дельвиг обыкновенно отвечал на это: «У Кошанского». (С, 1853, № 1, стр. 68, прим. 2).

К ласточке (стр. 142). Впервые — отрывок — С, 1853, № 5, стр. 15, полностью — НС, стр. 62, с разночтением в одном слове. Печ. по автографу в тетради 1820 г., № 1, открывающему эту тетрадь, на титульном листе которой имеется дата: «1820-го года, 1 декабря», очевидно обозначающая, когда Дельвиг начал переписывать в нее стихи. На этом основании датируется 1820 г. *Пафос* — город в Греции, где процветал культ Афродиты. *Эолова арфа* — древний музыкальный инструмент, струны которого приводятся в колебание ветром. Звуки его весьма мелодичны. Назван по имени бога ветров Эола.

Эпитафия («Завидуйте моей судьбе...») (стр. 144). Впервые — «Труды», 1821, кн. 3, стр. 399. Автограф в тетради 1820 г., № 2. Читано и одобрено на заседании Вольного общества любителей российской словесности 13 декабря 1820 г. Датируется 1820 г. и по месту в тетради, и по дате чтения.

Русская песня («Ах ты, ночь ли...) (стр. 144). Впервые — ПЗ, 1823, стр. 109, под названием «Песня». Автографы в тетради 1820 г., № 3, и в тетради, хранящейся в ЦЛМ. Датируется, по месту в тетради, 1820 или 1821 г.

Крылову (стр. 145). Впервые — одновременно НС, стр. 65, и в книге Ю. Н. Верховского «Барон Дельвиг», Пб., 1922, по автографу, принадлежавшему дочери Дельвига и ныне хранящемуся в ЦЛМ. Печ. по автографу в тетради 1820 г., № 4. Датируется 1820 или 1821 г. по положению в тетради и на том основании, что в этот период Дельвиг постоянно общался с А. Крыловым в Вольном обществе любителей российской словесности. *Крылов* Александр Абрамович (1798—1829) — поэт, член Вольного общества любителей российской словесности, где играл активную роль. В свое время поэзию Крылова высоко ставили, и Плетнев, например, в обозрении словесности за 1824 год называет его рядом с Дельвигом и Баратынским. А. А. Крылов до своего отъезда из Петербурга в 1825 г. принадлежал к кружку Дельвига. Его стихи печатались, между прочим, в СЦ.

Гений-хранитель (стр. 146). Впервые — СЦ, 1827, стр. 339. Автограф в тетради 1820 г., № 5. Печ. по изд. 1829 г., стр. 20. Датируется 1820 или 1821 г. по месту в начале тетради.

В альбом П. А. Спа—кой (стр. 147). Впервые — НС, стр. 67. Печ. по автографу в тетради 1820 г., № 6. Стихи обращены, вероятно, к П. Спасской, принадлежавшей к кругу знакомых А. Е. Измайлова, возможно — жене Григория Ивановича Спасского, редактора «Сибирского вестника», литератора, более известного научными трудами по изучению Сибири, одного из старейших членов Общества любителей словесности, наук и художеств, близкого знакомого Измайлова. В альбоме жены Измайлова имеются подписанные П. Спасской стихи. По месту автографа в начале тетради датируется 1820 или 1821 г.

Романс («„Сегодня я с вами пирую, друзья"...») (стр. 147). Впервые — НЛ, 1822, № 11, стр. 174, за полной подписью. Автограф в тетради 1820 г., № 7. Печ. по изд. 1829 г., стр. 140. Датируется 1820 или 1821 г. по месту рукописи в тетради. В НЛ отличается четвертая строфа:

Война запылала, все други мои
К знаменам войны полетели —
Я с ними, — но узы сыновьей любви
Мне с ними расстаться велели.

В строфе 6-й. 4-й ст. читался:

Близ падших, под силой их, башен.

К Е. («Ты в Петербурге, ты со мной...») (стр. 148). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 37. Печ. по беловому автографу ПД.

Стихотворение написано Баратынскому, по поводу его приезда летом 1821 г. из Финляндии в Петербург с полком, в котором он служил. *Гераклит* Эфесский (ок. 530—470 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, один из основоположников диалектики. По учению Гераклита, мир находится в вечном процессе возникновения и уничтожения, ибо все течет, все изменяется. Эта сторона учения и подразумевается Дельвигом. *Орестов* — Орест Сомов (1793—1833), в это время литературный противник Дельвига, впоследствии его ближайший сотрудник по СЦ и по «Литературной газете». Под псевдонимом Житель Васильевского острова Цертелев поместил в «Благонамеренном» в июле 1820 г. «Письмо к г. Марлинскому», в котором придирчиво разбирал стихотворение Дельвига «Видение». Это именно и имеет в виду Дельвиг, описательно называя Васильевский остров в последних стихах (намекая на Университет). *Жанлис* Стефани-Фелисите (1746—1830) — французская писательница, автор детских и педагогических книжек, отличающихся нравоучительностью тона и сентиментальностью.

Дифирамб («О, радость, радость, я жизнью бывалою...») (стр. 150). Впервые — СЦ, 1827, стр. 302, за полной подписью. Автографы в тетради 1820 г., № 11, в тетради № 334 и тетради ЦЛМ. Печ. по изд. 1829 г., стр. 101. Датируется 1821 г., так как написано по поводу встречи с тремя друзьями, съехавшимися в августе этого года: Баратынским, вернувшимся из Финляндии, Кюхельбекером, приехавшим из Германии, и П. Л. Яковлевым, возвратившимся из Бухары.

Домик (стр. 151). Впервые — «Труды», 1822, кн. 3, стр. 351, под названием «Мой домик», за подписью: Д. Автограф в тетради 1820 г., № 7 (ошибочно вместо № 8). 3 октября 1821 г. читано в собрании цензурного комитета Вольного общества любителей российской словесности. Датируется 1821 г. по месту в тетради, начатой 1 декабря 1820 г.

Дамон (стр. 152). Впервые — «Труды», 1824, кн. 3. стр. 246. Печ. по изд. 1829 г., стр. 7. Датируется 1821 г., не позднее даты чтения в собрании цензурного комитета Вольного общества любителей российской словесности 14 ноября 1821 г. *Блестящий бог* — Гелиос, солнце. *Алфей* — древнее название главной реки полуострова Пелопоннеса (ныне Руфия).

На смерть собачки Амики (стр. 155). Впервые — СЦ, 1828, стр. 65. Автографы в тетради 1820 г., № 8, в альбоме С. Д. Пономаревой (ПД) и в тетради ЦЛМ. Печ. по изд. 1829 г., стр. 40. Читано на заседании цензурного комитета Общества любителей российской словесности 22 ноября 1821 г. Датируется 1821 г. по времени чтения и месту автографа в тетради. В СЦ стихи сопровождались примечанием: «Эта шутка была написана в угодность одной даме, которая желала, чтобы я сочинил на смерть ее собачки подражание известной оде Катулла: «На смерть воробья Лесбии», прекрасно переведенной Востоковым». Собачка, о которой здесь идет речь, принадлежала Софье Дмитриевне Пономаревой

(см. стр. 15) и в действительности звалась Мальвиной. Поэтому в рукописном тексте вместо имен Амика и Лидия стояло Мальвина и София. Кроме того, существенно отличались следующие стихи:

ст. 6:

Нет Мальвины, прекрасной и девственной

ст. 9 и 10:

Ах, Мальвина была целомудренней,
Чем все нимфы, богини девичества.

ст. 16 и 17:

И уж к ней вы не смейте приблизиться
(Как и быть неревнивою к Софии?)

Вот начало стихотворения Востокова, которому подражал Дельвиг:

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ
(Подражание Катуллу)

Тужите Амуры и Грации
И всё, что ни есть красовитого!
У Дашеньки умер воробушек!
Ее утешенье, которого
Как душу любила и холила!

Семь люстров. Люстр у римлян — пять лет. *Катулл* Кай Валерий (87—54 до н. э.) — римский поэт-лирик.

В альбом («О, сила чудной красоты!..») (стр. 155). Впервые — НЛ, 1823, № 38, стр. 191, под заглавием «К Лиле». Автографы в тетради 1820 г., № 9, альбоме С. Д. Пономаревой (в Театральном музее имени А. А. Бахрушина) и в тетради ЦЛМ. Печ. по изд. 1829 г., стр. 125. Обращено к С. Д. Пономаревой. Датируется 1821 г. по месту автографа в тетради 1820 г., рядом с адресованным тому же лицу предыдущим стихотворением. В ранней редакции первый стих читался:

О, чародейство красоты!

Музам (стр. 156). Впервые — НЛ, 1825, кн. 11, стр. 28. Автографы в тетради 1820 г., № 10, и в тетради ЦЛМ. Печ. по изд. 1829 г., стр. 121. Датируется 1821 г. по месту автографа в тетради, начатой в декабре 1820 г., рядом со стихотворением «Дифирамб», несомненно написанным в этом году. *Друг Евгений* — Е. А. Баратынский.

Подражание Беранже (стр. 156). Перевод песни П.-Ж. Беранже «Le bon Dieu». Впервые — сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 202. Песня «Le bon Dieu» написана Беранже в 1820 г. В 1821 г. вышел его сборник «Песни», вызвавший всеобщее внимание и навлекший гонения

на поэта, закончившиеся позднее судебным процессом. Вполне возможно, что перевод Дельвига относится к 1821 г. и отражает его тогдашнее настроение. В пользу такой датировки говорит и явно ироническое упоминание петербургского обер-полицмейстера И. В. Гладкова, вступившего в эту должность именно в 1821 г. А. И. Дельвиг пишет в своих воспоминаниях: «Некоторые из стихотворений Дельвига, известных тогда в рукописи, были приписываемы другим поэтам. Мне помнится, что к этому числу принадлежит песня «Давыд», которую часто певали; из нее приведу следующие стихи:

Любил плясать король Давыд,
А что же Соломон?
Он о прыжках не говорит,
Вино всё хвалит он,
Великий Соломон!

и перевод из Беранже с припевом:

Je veux, mes enfants, que le diable m'emporte,

Черт побери меня, ей-богу.

Этот перевод тогда всех очень занимал». *Саваоф* — в Библии у пророков добавление к имени бога, означающее: владыка небесных воинств. *Гладкий* — Гладков Иван Васильевич (1762—1832), обер-полицмейстер, человек, близкий известному архимандриту Фотию, в 1821 г. жестоко подавлял крестьянские волнения, чем, очевидно, и вызван стих:

Прощайте! Гладкого боюсь.

Луна (стр. 157). Впервые — СЦ, 1826, стр. 105, за подписью: Д. Автографы в тетради 1820 г., № 12, и в тетради ЦЛМ. Печ. по изд. 1829 г., стр. 36. Читано и одобрено на заседании Вольного общества любителей российской словесности 13 марта 1822 г. Датируется 1821 или 1822 г. по месту автографа в тетради, начатой в конце 1820 г., и по времени чтения.

Н. И. Гнедичу (стр. 158). Впервые — СЦ, 1826, стр. 55, за подписью: Д. Автографы в тетради 1820 г., № 13, и в ЦЛМ. Датируется 1821 или 1822 г. по месту автографа в тетради. *Гнедич* Николай Иванович (1784—1833) — поэт; сослуживец Дельвига по Публичной библиотеке. Стихотворение, по-видимому, сложилось под впечатлением какого-то отрывка из гнедичевского перевода «Илиады», прочитанного переводчиком либо самому Дельвигу, либо на собрании Вольного общества любителей российской словесности, где Гнедич в эти годы читал отрывки своего перевода по мере работы над ним. Позднее у него с Дельвигом произошла размолвка, о которой пишет А. И. Дельвиг: «В «Северных цветах» на 1829 год были помещены переведенные Жуковским 600 стихов из «Илиады». В это время перевод «Илиады» Гнедича не был еще напечатан. Дельвиг обыкновенно посылал по экземпляру вновь вышедших

«Северных цветов» в подарок некоторым писателям и в том числе Гнедичу. Последний, получив в самый день нового 1829 года «Северные цветы», в которых был помещен отрывок «Илиады», переведенный Жуковским, возвратил его Дельвигу при записке, в которой резко выразил свое неудовольствие на Жуковского и на Дельвига и, сколько помню, писал в ней, что не хочет даже видеться с ними до того времени, пока не будет напечатан его перевод... До этой размолвки Гнедич бывал часто у Дельвига. Он читал превосходно стихи, но как-то слишком театрально. Я помню его декламирующим: «На всё смотрю я мрачным оком», а так как он был крив, то это производило на меня особое впечатление» («Мои воспоминания», стр. 56). После смерти Дельвига в «Литературной газете» (1831, № 4, 16 января) появилось следующее стихотворение Гнедича:

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Милый, младой наш певец! на могиле, уже мне грозившей,
Ты обещался воспеть Дружбы прощальную песнь,[1] —
Так не исполнилось! Я над твоею могилою ранней
Слышу надгробный плач Дружбы, и Муз, и Любви!
Бросил ты смертные песни, оставил ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное светлой душе!
В мир неземной ты унесся, небесно-прекрасного алчный;
И, как над прахом твоим слезы мы льем на земле,
Ты, во вратах уже неба, с фиалом бессмертия в длани,
Песнь несловесную там со звездами утра поешь!

Омер — Гомер. Представление о Гомере Дельвиг получил еще в Лицее из лекций Кошанского.

На смерть*** (стр. 158). Впервые — ПЗ, 1823, стр. 265. Автографы в тетради 1820 г., № 14, и в тетради ЦЛМ. Печ. по изд. 1829 г., стр. 79. Датируется 1821 или 1822 г. по месту в тетради, начатой в декабре 1820 г., и по времени подготовки альманаха.

Элегия («Когда, душа, просилась ты...») (стр. 159). Впервые — НЛ, 1823, № 1, стр. 47, под заглавием «Романс». Автографы в тетради 1820 г., № 15, и в тетради ЦЛМ (вместе со стихотворением «Ах ты ночь ли, ноченька...», под общим заголовком «Песни»). Печ. по изд. 1829 г., стр. 154. Датируется 1821 или 1822 г. по месту в тетради, начатой в самом конце 1820 г., и принимая во внимание дату первой публикации. В НЛ, в тетради ЦЛМ и первоначально в тетради 1820 г. четвертая строфа читается:

Мои седеют волоса;
Цевницу я разбил, —

---

[1] Покойный Дельвиг во время опасной моей болезни, в дружеских разговорах, обещал написать стихи в случае смерти моей (*Примечание Гнедича*).

Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил?

На слова Дельвига написаны романсы М. Л. Яковлевым и А. С. Даргомыжским.

Романс («Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане...») (стр. 160). Впервые — НЛ, 1822, № 14, стр. 31. С изменениями — СЦ, 1829, стр. 183. Автограф в тетради 1820 г., № 16. Печ. по изд. 1829 г., стр. 72. Датируется 1821 или 1822 г. по положению в тетради непосредственно перед следующим стихотворением и по дате первой публикации. Редакция НЛ существенно отличается от окончательной:

РОМАНС

Одинок в облаках месяц плыл туманный,
Одинок воздыхал в поле витязь бранный.

По траве вкруг него конь бродил уныло.
«Добрый конь, верный конь! Понесемся к милой!

Не к добру сердце мне что-то предвещает,
Не к добру грудь моя тяжко воздыхает;

Не к добру, спутник мой, бродишь ты уныло. —
Добрый конь, верный конь! Понесемся к милой!»

Конь вздрогнул. Ты душой смутен, витязь бранный!
Быстро мчит конь тебя к стороне желанной!

Мчись, лети! но настиг рок тебя суровый —
Конь заржал, конь взвился над могилой новой!

На слова Дельвига написаны романсы А. А. Алябьевым и А. Е. Варламовым — «Конь над могилой».

В альбом Б. («У нас, у небольших певцов...») (стр. 160). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 48. Печ. по автографу тетради 1820 г., № 17, где предшествует стихотворению «Вдохновение», читанному на заседании Общества любителей российской словесности в 1822 г. Обращено к Е. А. Баратынскому. Из стихотворения явствует, что оно создавалось в период пребывания адресата в Финляндии, значит могло быть написано в 1821 или 1822 г., либо до поездки Дельвига в Роченсальм летом 1822 г., либо после этой поездки, до приезда Баратынского в Петербург в сентябре того же года.

Петербургским цензорам (стр. 161). Впервые — РА, 1871, № 7—8, стр. 101, в приложении к письмам Измайлова к Дмитриеву, по копии Измайлова, пересланной Дмитриеву. По данным, изложенным ниже, могло быть написано не ранее 1821 и

не позднее 1824 г. А. И. Дельвиг, рассказывая о времени совместной жизни Дельвига с Баратынским в Семеновском полку, сообщает: «Там сочинена пародия на стихотворение Рылеева:

Там в Семеновском полку
Жили они дружно...

К этому же времени принадлежит и пародия на «Славься, славься» с припевом:

Славьтесь цензорской указкой,
Таски вам не миновать».

Время написания данной пародии указано в этих воспоминаниях, по-видимому, ошибочно, но ее литературный фон разъяснен правильно. «Славься, славься» — это, конечно, полонез Державина 1791 г., который на музыку Козловского исполнялся в качестве почти официального русского гимна. Данное стихотворение совпадает по размеру и по строфе со стихами Державина и, вероятно, распевалось на тот же мотив:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрес.
    Славься сим, Екатерина,
    Славься, нежная к нам мать!

Стихотворение написано после выхода в отставку Тимковского, т. е. после 1821 г. Петербургский цензурный комитет состоял в эти годы, до 1825 г., из трех цензоров: Бирукова, Красовского и фон Поля. По поводу изменения состава цензоров Пушкин написал эпиграмму:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух.
Явился Бируков, за ними вслед Красовский, —
Ну, право, их умней покойный был Тимковский!

Цензурный комитет входил в состав Петербургского учебного округа, находившегося в ведомстве Министерства народного просвещения и духовных дел. Министром был князь А. Н. Голицын, президент Библейского общества, мистик и мракобес, известный тем, что его агенты Рунич и Магницкий подавили последние проблески мысли в Петербургском и Казанском университетах. Органом мистического направления Голицына и являлся Цензурный комитет. Стихи Дельвига написаны до падения Голицына (1824), когда он был отстранен от дел по проискам еще более мракобесной клики Фотия и Аракчеева. Вскоре изменился и состав Цензурного комитета: за разрешение к печати мистической книги Госнера Бируков и фон Поль были отданы под суд. *Князь* — А. Н. Голи-

цын. *Член тюремный* — Красовский, который был в числе директоров Общества попечительства о тюрьмах. *Библейский* — вероятно, фон Поль, помощник секретаря Библейского общества. Это был наименее заметный из цензоров, «набожный осел», по характеристике Греча. Он служил также по департаменту, ведавшему делами протестантов, впоследствии перешел в соответствующее отделение Министерства внутренних дел и там занял место директора канцелярии (впоследствии департамента общих дел), на котором и оставался до самой своей смерти (1849). Но наибольшее зло причиняли литературе два других цензора: Красовский и Бируков. О них Пушкин писал: «Бируков и Красовский невтерпеж были глупы, своенравны и притеснительны...» «В последнее пятилетие царствования покойного императора вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову». Особенной тупостью, усердием и чиновническим подхалимством, отличался Красовский, «гнусный вестовщик» (Греч), «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещенье» (Никитенко). Не отличался умом и Бируков, «величайший глупец и подлец» по отзыву Греча. О временах цензорства Бирукова и Красовского сохранилось множество анекдотических преданий. Они придирались к самым благонамеренным писателям. В частности, большую известность приобрели замечания Красовского на стихи Олина «Стансы к Элизе» (1823). Автор назвал улыбку Элизы «небесной», Красовский заметил: «Сильно сказано! Женщина недостойна, чтобы улыбку ее называть небесной». Фраза «Один твой нежный взгляд дороже для меня вниманья всей вселенной» сопровождена замечанием: «Слишком сильно сказано, к тому же старших вниманием дорожить должно». А когда поэт выразил желание проводить время с возлюбленной в пустыне, цензор отметил: «Таких мыслей никогда рассеивать не должно. Это значит, что автор не хочет продолжать своей службы, для того только, чтобы быть всегда с своей любовницей». Олин жаловался на Красовского Руничу, но безрезультатно. О столкновениях Глинки с цензурою писал А. Шишков в записке о цензуре, поданной им в Комитет министров в 1823 г., приводя как пример цензурного курьеза запрещение Бируковым слов «серафим» и «рок» в стихотворении Ф. Глинки «Земная грусть».

Застольная песня («Ничто не бессмертно, не прочно...») (стр. 162). Перевод песни немецкого сентиментального поэта Августа Коцебу: «Es kann doch nicht immer so bleiben...». Впервые — ЦС, 1830, стр. 138, за подписью: Б. Д. Стихотворение написано летом 1822 г., когда Дельвиг, В. А. Эртель и Н. И. Павлищев посетили Баратынского в Финляндии. Эртель в своих воспоминаниях (Russischer Almanach für 1832 und 1833) сообщает, что в переводе этой песни Коцебу принимали участие Дельвиг, Баратынский, Эртель и Д. А. Эристов. Стихотворение это было вписано Дельвигом в альбом П. А. Осиповой с датой: «Село Михайловское, 23 апреля 1825 г.» Эта запись является его единственным автографом. Обращает на себя внимание удивительная близость песни к стихотворению «19 октября 1824 г.», которое можно было бы принять за ее прямое продолжение, если бы оно не было адресовано лицеистам. *Коншин* Нико-

лай Михайлович (1793—1853) — поэт, был ротным командиром в полку, где служил Баратынский, через которого и познакомился с Дельвигом. Впоследствии служил в Царском селе и вместе с бар. Розеном издал альманах «Царское село», в котором помещен портрет Дельвига, несколько его стихотворений и несколько произведений, ему посвященных.

(19 октября 1822) (стр. 162). Впервые — П и С, 1910, вып. 13, стр. 4. *19 октября* — годовщина основания Лицея, ежегодно справлялась лицеистами первого выпуска. Подробности празднования годовщины в 1822 г. неизвестны. Известно лишь, что присутствовало 15 лицеистов и пелись куплеты Илличевского и Дельвига. Из стихов Дельвига явствует, что празднование происходило на квартире у Илличевского, вернувшегося из Сибири (см. примечание к стихотворению «К Илличевскому», стр. 293). *Лицейский мудрец* — рукописный журнал лицеистов, составлявшийся ими в 1815 г. Всего вышло четыре номера. В этом журнале были помещены, между прочим, лицейские «национальные песни». Так назывались сатирические куплеты коллективного творчества, охотно распевавшиеся лицеистами. *Скотобратские сердца.* Скотобратцы — товарищеское шутливое прозвище лицеистов.

Вдохновение (стр. 163). Впервые — ПЗ, 1823, стр. 288, и одновременно — «Труды», 1823, кн. 1, стр. 60. Автограф в тетради 1820 г., № 18, черновик в приходо-расходной книге (ПД). Кроме того, в числе прочих сонетов записано Дельвигом в альбом Пономаревой (ПД). Печ. по изд. 1829 г., стр. 81. Читано и одобрено на заседании Вольного общества любителей российской словесности 11 декабря 1822 г. (под названием «Сонет 1») вместе со стихотворением «Н. М. Языкову» и сонетом «Златых кудрей приятная небрежность...». Датируется 1822 г. по времени подготовки альманаха ПЗ, по дате публикации и чтения и по месту автографа в тетради через номер от стихотворения «Н. М. Языкову», написанного в этом году.

Н. М. Языкову (стр. 163). Впервые — «Труды», 1823, кн. 1, стр. 58, вместе с сонетами «Вдохновение» и «Златых кудрей приятная небрежность...», за общей подписью. Автографы в тетради 1820 г., № 20, и в альбоме Пономаревой (ПД). Печ. по изд. 1829 г., стр. 85. Читано и одобрено на заседании Вольного общества любителей российской словесности 11 декабря 1822 г. Датируется 1822 г. по дате чтения, времени знакомства Дельвига с Языковым и на основании письма Языкова к брату. С поэтом Николаем Михайловичем Языковым Дельвиг познакомился у журналиста А. Ф. Воейкова в Петербурге. Языков был тогда начинающим поэтом, и Воейков ему покровительствовал. Дельвиг деятельно сотрудничал в журнале Воейкова «Новости литературы» и был посетителем его вечеров. По поводу этого сонета Языков писал брату из Дерпта 11 февраля 1823 г.: «Поблагодари от меня Дельвига за сонет, ко мне адресованный. Я видел его в «Соревнователе» у Перевощикова. Скажи почтеннейшему барону, что я постараюсь ответить тою же, хотя и не одинаковой, низшей пробы, монетою на

его сонет, хотя оный и не вопросительный» (Языковский архив, вып. 1, стр. 49; ср. стр. 51 и 52). Позднее из Дерпта Языков прислал следующее послание:

БАРОНУ А. А. ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон;
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!

. . . .

Ну так, барон! Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласно
Я возвещу, что я поэт —
И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

После смерти Дельвига Языков посвятил его памяти два стихотворения: «А. А. Дельвигу» и «Песня», напечатанные в СЦ, 1832. *Певец Пиров* — Е. А. Баратынский, автор поэмы «Пиры» (1820).

Сонет («Златых кудрей приятная небрежность...») (стр. 164). Впервые — «Труды», 1823, кн. 1, стр. 59, вместе с двумя предыдущими сонетами, за общей подписью. Автографы в тетради 1820 г., № 21, и в альбоме С. Д. Пономаревой (ПД). Печ. по изд. 1829 г., стр. 83. Читано и одобрено на заседании Вольного общества любителей российской словесности под заглавием «Сонет II» 11 декабря 1822 г. Датируется 1822 г. на тех же основаниях, что и сонет «Вдохновение» (см. стр. 312).

Сонет («Я плыл один с прекрасною в гондоле...») (стр. 164). Впервые — НЛ, 1823, № 1, стр. 95, за подписью: Б. Д-х. Печ. по автографу в тетради 1820 г., № 24. Находится в альбоме С. Д. Пономаревой. Датируется 1822 г., как и вся группа сонетов, задуманная, по-видимому, как цикл, и написанная более или менее одновременно.

«София, вам свои сонеты...» (стр. 165). Впервые — НС, стр. 68. Печ. по автографу в альбоме С. Д. Пономаревой, где служит посвящением к переписанным туда сонетам. *София* — см. стр. 15.

Роза (стр. 165). Впервые — ПЗ, 1823, стр. 377, под заглавием «Песня». Автографы в тетради 1820 г., № 22, под заголовком «Венок», и в альбоме Пономаревой. Печ. по изд. 1829 г., стр. 109. Датируется 1822 или 1823 г. по положению в тетради между сонетами этого года и по времени публикации альманаха.

Жалоба (стр. 166). Впервые — НЛ, 1825, кн. 11, стр. 150. Автограф в тетради 1820 г., № 23. Печ. по изд. 1829 г., стр. 71. Датируется 1822 или 1823 г. по положению в тетради между стихами этого года.

К А. Е. И. (стр. 166). Впервые — С, 1854, № 9, стр. 44. Печ. по автографу тетради 1820 г., № 19, где записано непосредственно перед стихотворением «Н. М. Языкову», относящимся к 1822 г. Так как стихотворение обращено к А. Е. *Измайлову*, редактору «Благонамеренного», в котором особенно в 1822 и 1823 гг. помещались эпиграммы и сатирические статьи против Дельвига, написанные Сомовым, Федоровым, Цертелевым и др. и, по-видимому, послужившие поводом для написания данного стихотворения, есть основания датировать его 1822 или 1823 г. В названных эпиграммах Дельвиг фигурировал чаще всего под кличкой поэта-баловня (намек на стихи Баратынского в двух его посланиях Дельвигу: «Вольный баловень забавы», «А баловня забав еще покоит день»). *Плод невинного веселья* — не дошедшая до нас стихотворная шутка Дельвига. В ней нельзя видеть пародию на «Смальгольмского барона», написанную несомненно позже. *Литературные карбонары* — кличка, данная Дельвигом своим противникам и имеющая, по-видимому, не политический смысл, так как Бориса Федорова никогда нельзя было заподозрить в политическом карбонаризме. Очевидно, в этом скрывается иронический намек на тактику карбонаров, выражавшуюся в политическом терроре: в убийствах, обставлявшихся таинственностью, в мести противникам и изменникам и вообще к конспирации, которая в эти годы пользовалась большой популярностью и окружалась легендами под влиянием отчасти преувеличенных рассказов их политических противников, отчасти романтических повестей типа «Сбогара» Нодье, в которых стиралась грань между политическим заговорщиком и «благородным разбойником». Дельвиг намекает на прозрачную анонимность литературных нападений на него на страницах «Благонамеренного» и дружный характер действий, свидетельствовавший как бы о заговоре.

«До рассвета поднявшись, извозчика взял...» (стр. 166). Впервые — ПЛ, стр. 196, где пародия напечатана по автографу Дельвига. Стихотворение пародирует балладу Жуковского (перевод из В. Скотта) «Смальгольмский барон» («Дунканов вечер»). Перевод Жуковского относится к 1822 г., а по воспоминаниям А. И. Дельвига, пародия Дельвига была создана при жизни С. Д. Пономаревой (умерла 4 мая 1824 г.). Таким образом, вероятное время создания пародии — между 1822 и 1824 г. О происхождении пародии А. И. Дельвиг рассказывает: «Когда Жуковский написал «Замок Смальгольм», все прельщались этим стихотво-

рением[1] и, между прочим, Пономарева, которая сказала Дельвигу, что он не в состоянии написать ничего подобного. Дельвиг, конечно в шутку, отвечал, что, напротив, ничего нет легче и, ходя по комнате с книгою, в которой был напечатан «Замок Смальгольм», он его пародировал очень удачно». В. Гаевский, основываясь на словах А. И. Дельвига и Д. А. Эристова, рассказывает несколько иначе: «Беспрестанные выходки Измайлова, на которые, впрочем, Дельвиг мало обращал внимания, не всегда оставались без ответа. На этот раз случай посмеяться над Измайловым представился сам собою. Разговор (на собрании у С. Д. Пономаревой) обратился к пародиям, которые в то время входили в моду и предметом которых нередко были сочинения Карамзина и Жуковского. Измайлов, любивший пародию, придавал этому роду особенную важность; Дельвиг, напротив его, утверждал, что не может быть ничего легче, как сочинить пародию на любое стихотворение. Измайлов потребовал, чтобы Дельвиг в доказательство этой легкости немедленно написал пародию на переведенную Жуковским сказку Вальтер Скотта «Замок Смальгольм», в то время известную еще немногим. Все общество выразило то же самое желание, и Дельвиг через несколько минут прочитал следующее: «До рассвета поднявшись, извозчика взял...» Добродушный Измайлов, разумеется, не обиделся этой невинной шуткой, первый смеялся над ней от души и потом часто читал ее своим приятелям. Впоследствии, года через три, Дельвиг, на одном из своих литературных вечеров, читал эту пародию Жуковскому, который слушал ее с большим удовольствием, потом часто говорил о ней, и даже вспоминал об этой шутке еще за несколько лет до своей смерти, встретившись с двоюродным братом поэта» (С, 1854, № 2, стр. 39). Другую редакцию пародии сообщил Измайлов в письме к И. И. Дмитриеву (см. РА, 1871, № 7—8, стр. 1007; ср. РС, 1890, № 6, стр. 677, где пародия приведена по копии Измайлова, находящейся в архиве Д. Хвостова):

РУССКАЯ БАЛЛАДА

До рассвета поднявшись, извозчика взял
 Журналист наш Измайлов с Песков,
И без отдыха гнал он с Песков чрез канал
 В желтый дом, где живет Бируков.
Не с Цертелевым он совокупно спешил
 На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
 За романсы, баллады путем;
Но во фраке был он, пылью фрак занесен, —
 Какой цветом — нельзя распознать;
Оттопырен карман; в нем торчит, как чурбан,
 Двадцатифунтовая тетрадь.[2]

---

[1] Успеху баллады содействовала ее цензурная история: в 1822 г. баллада была запрещена Бируковым, который счел ее безнравственной.

[2] До зде барон Дельвиг *(Примечание А. Е. Измайлова)*.

Соскочив у ворот, как с полка жирный кот,
    Кошелек из кармана достал;
Расплатившись с возницей, в ворота идет
    И Бориса в очках повстречал.
«Ты скажи мне, Борис, что твой носик повис?
    Откровенен всегда ты душой;
Намекни мне врагов; разгоню будто крыс;
    Безопасен ты будешь со мной».
— «Пусть Фаддей замолчит, как Цербе́р не ворчит:
    Защити от него ты меня.
А с бароном я слажу. Барон только спит
    Среди ночи, средь белого дня».
— «Но скажи наконец, что задумал пришлец?
    Он, клянуся очками, — пропал. . .»
— «Он кое́-что в «Записках» нашел, мой отец!
    И тебя он в «Листочках» задрал!»
И Измайлов тогда, изумлен, поражен,
    И хладел, и бледнел, и дрожал. . .
«Успокойся, Борис, будешь мною спасен», —
    И Борису он руку пожал.

* * *

Есть писатель на Мойке; в огромных стенах,
    Он под кровлю бежит от людей;
Не видали, как прячет фонарь на глазах,
    И писатель сей, кто он? — Фаддей.
Есть другой, по друзьям знаменитей, — кто он?
    Он в просоньи лишь смотрит на свет:
То поэт молчаливый и мрачный — барон,
    Для Плетнева он лучший поэт.
И Измайлов доволен: барон и Фаддей
    Насмешили досыта людей.

В такой редакции (с незначительными разночтениями) это стихотворение включено в собрание сочинений Дельвига под ред. В. Майкова. Между тем оно не только ему не принадлежит, но явно против него направлено, и исходит из лагеря Измайлова и Федорова. Об этом свидетельствует, во-первых, помета Измайлова после 12-го стиха: «До зде <т. е. досюда> барон Дельвиг», указывающая, что только это начало принадлежит Дельвигу (в чем легко убедиться из сличения текстов), а дальнейшие стихи ему не принадлежат; во-вторых, в сопроводительном письме к Дмитриеву Измайлов указывает и автора: «Изволили, ваше высокопревосходительство, читать пародию Жуковского баллады «Дунканов вечер», написанную баловнем бароном Дельвигом? Не знаю наверное, окончил ли он ее, потому что я читал одно только начало. На прошедшей неделе получил я от Остолопова окончание, которое в совокупности имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству» (6 апреля 1825. — РА, 1871, №№ 7 и 8, стр. 989). Выражение «от Остолопова» можно толковать двояко: или Остолопов был автором, или он только передал эти стихи. Совпадение некоторых выражений с выпадами против Дельвига,

появлявшимися на страницах «Благонамеренного», заставляет допустить причастность к пародии Б. Федорова. Возможно также, что Измайлов скрыл и собственное участие в этой пародии. То, что Измайлову было известно содержание подлинной пародии Дельвига, доказывает его письмо к П. Л. Яковлеву 16 января 1825 г.: «Дельвиг сделал очень удачную пародию из «Дунканова вечера»:

На рассвете поднявшись, извозчика взял
Александра Ефимыч с Песков

Как досадно! не припомню далее, и Княжевичи тоже. Содержание Баллады (впрочем, еще не конченной): я еду во фраке, который з а п ы л е н, и никто не знает, какого цвета о н, а в боковом кармане у меня 2 0 - ф у н т о в а я т е т р а д ь — еду в ж е л т ы й д о м, г д е ж и в е т Б и р у к о в... потом вижу Борьку и кличу его:

Ты поди ко мне, Борька, мой трагик плохой!

Сажаю его к себе на брюхо... Борька доносит на Панаева, что тот мне изменяет, начинает предаваться романтизму. — Далее не знаю». Последние слова показывают, что пародия Дельвига имела продолжение, быть может только импровизированное. Несмотря на совершенно ясное свидетельство Измайлова и на точный смысл стихов, сообщенных им И. И. Дмитриеву, эти направленные против Дельвига стихи упорно приписывались самому Дельвигу. Подлинная пародия Дельвига приведена была в воспоминаниях Керн, но и комментатор ее «Воспоминаний», под влиянием ложной традиции, счел нужным отметить: «Эта пародия барона Дельвига в другой и более исправной редакции приведена в собрании его сочинений, изд. под ред. В. В. Майкова» (П и С, вып. V, 1907, стр. 147). А. Керн пишет в своих воспоминаниях: «Вскоре после того, как мы читали эту прекрасную пародию, барон Дельвиг ехал куда-то в санках через Конную площадь; подъезжая к будке, он сказал очень серьезно: «Вот на этом самом месте соскочил с саней Александр Ефимыч с Песков, и у этой самой будки он крикнул Бориса Федорова». Мы очень смеялись этому точному указанию исторической местности» («Воспоминания», стр. 336). *Александр Ефимыч с Песков* — А. Е. Измайлов (1779—1831), издатель журнала «Благонамеренный», автор многочисленных басен, жил в районе Петербурга, называвшемся Пески. *В желтый дом, где живет Бирюков.* Намек на глупость цензора Бирукова; «желтым домом» назывался дом сумасшедших. *Моденова дом* — дом Моденовых, в котором жил Измайлов. *Красовский* — см. примечание к стихотворению «Петербургским цензорам», стр. 310. *Олин* Валентин Николаевич (1788—1840) — мелкий поэт и беспринципный журналист. *Фон Поль* — см. примечание к стихотворению «Петербургским цензорам», стр. 310. *Ерофеич* — водка, настоенная на душистых травах. *Конная* — Летняя Конная площадь, находилась в Песках в районе 1—8 Рождественских (ныне Советских) улиц и Греческого проспекта. *Борис-раб* — Борис Михайлович Федоров (1799—1875), журналист, сотрудник Измайлова (см. также примечание к стихотворению «Федорова Борьки...», стр. 321).

К Морфею (стр. 168). Впервые — СЦ, 1832, стр. 4, среди других посмертных публикаций стихов Дельвига. В предисловии редактора (вероятно, О. Сомова) сказано: «Элегия „К Морфею“ сочинена была еще до 1824 года». На этом основании датируется не позднее 1823 г.

К Софии («За ваше нежное участье...») (стр. 169). Впервые — «Труды», 1824, кн. 1, стр. 6. Автограф в тетради 1820 г., № 29, под заглавием «К С. Д. П-ой». Обращено к С. Д. Пономаревой (см. вступ. статью, стр. 15) и относится к болезни Дельвига в феврале 1823 г. По поводу этой болезни А. Измайлов 16 февраля 1823 г. писал П. Л. Яковлеву: «Барон Дельвиг был при смерти болен и во время болезни своей написал стихи, в которых, между прочим, есть пляшущий покой» (Ср. Соч. Измайлова, т. 2, СПб., 1849, стр. 607, где упоминается «Пляшущий покой», элегия Г. Вралева, пятистопными ямбическими стихами, состоящая только из осьми стихов»).

«Анахорет по принужденью...» (стр. 170). Впервые — НС, стр. 70. Печ. по черновому автографу ПД в приходо-расходной книге. По-видимому, написано во время болезни Дельвига в феврале 1823 г.

К ошейнику собачки Доминго (стр 171). Впервые — С, 1854, № 1, стр. 34. Печ. по автографам в тетради 1820 г., № 30. Вероятно, имеется в виду собака С. Д. Пономаревой. Стихотворение записано в тетради между стихами «К Софии» и «К птичке, выпущенной на волю». По-видимому, как и эти стихи, его можно отнести к 1823 г.

К птичке, выпущенной на волю (стр. 171). Впервые — «Литературные листки», 1823, № 4, стр. 52, под заглавием «На выпуск птички». Автограф в тетради 1820 г., № 31, после стихотворения 1823 г. «К Софии». Печ. по изд. 1829 г., стр. 106. По поводу этого стихотворения Ю. Верховский пишет: «Эта пьеса является интересной параллелью «Птичке» Пушкина; за ними следует известная «Птичка» Ф. А. Туманского. Напечатанные в разное время, эти пьесы написаны, как оказывается, одновременно. Об обстоятельствах их создания нам посчастливилось найти авторитетное свидетельство Льва Сергеевича Пушкина — в неизданном альбоме графини Ростопчиной» (Ю. Н. Верховский. Барон Дельвиг. Пб, 1922, стр. 97). Однако свидетельство Л. Пушкина не является столь авторитетным. Оно относится к 1849 г. и принадлежит, собственно, руке Ростопчиной (Л. Пушкиным только переписаны цитируемые стихи). Содержание его не согласуется с действительностью. Это «свидетельство» заключается в том, что стихам предшествует заголовок: «Стихи в роде конкурса или пари или стипльчеза, написанные на заданную тему, в собрании молодых поэтов наших в Петербурге». На этом основании Верховский датирует все три стихотворения 1822 г. Но в этом году ни Пушкин, ни Туманский не были в Петербурге; а автобиографический характер стихотворения Пушкина не позволяет отнести его

ко времени до ссылки его на юг, что исключает возможность подобного состязания. Таким образом, запись Ростопчиной приходится признать ни на чем не основанной и датировку Верховского отвергнуть.

Романс («Вчера вакхических друзей...») (стр. 171) Впервые — НЛ, 1823, кн. 4, № 18, стр. 78. С изменениями — СЦ, 1829, стр. 183. Автограф в тетради 1820 г., № 25. Печ. по изд. 1829 г., стр. 69. Повидимому, относится к 1823 г. М. Л. Яковлев написал музыку на слова Дельвига.

Романс («Не говори: любовь пройдет...») (стр. 172). Впервые — ПЗ, 1824, стр. 315. Автограф в тетради 1820 г., № 26. Печ. по изд. 1829 г., стр. 128. По-видимому, относится к 1823 г., так как цензурное разрешение альманаха: 20 декабря 1823 г. Романсы на слова Дельвига написали А. А. Алябьев и М. И. Глинка.

Романс («Прекрасный день, счастливый день...») (стр. 173). Впервые — ПЗ, 1824, стр. 201. Автограф в тетради 1820 г., № 27. Печ. по изд. 1829 г., стр. 126. По-видимому, написан, как и два предыдущие, в 1823 г., На слова Дельвига написали романсы: П. П. Булгаков, А. С. Даргомыжский, В. Жданов и И. Рупини.

Романс («Только узнал я тебя...») (стр. 173). Впервые — НЛ, 1823, № 31, стр. 80. Печ. по автографу в тетради 1820 г., № 28. По-видимому, написан вслед за тремя предыдущими, в 1823 г., так как в тетрадь внесен непосредственно перед стихотворениями, заведомо созданными в 1823 г. (например, «К Софии»). На слова Дельвига написали романсы: М. И. Глинка, А. А. Алябьев, Ф. С. Акименко, П. П. Шенк и В. А. Золотарев.

С. Д. П—ой («В Испании Амур не чужестранец...») (стр. 174). Впервые — ПЗ, 1824, стр. 25. Автограф в тетради 1820 г., № 32, с заголовком: «Сонет (пятый)». Печ. по изд. 1829 г., стр. 87. Датируется 1823 г., так как книга Ф. Булгарина, указанная в подзаголовке, вышла в 1823 г. и цензурное разрешение ПЗ помечено 20 декабря 1823 г. Обращено к С. Д. Пономаревой.

Русская песня («Голова ль моя, головушка...») (стр. 174). Впервые — ПЗ, 1824, стр. 91. Автограф в тетради 1820 г. № 33, под названием «Мелодия 2-я». Печ. по изд. 1829 г., стр. 107. Датируется 1823 г. по месту в тетради после стихотворения, заведомо написанного в этом году («С. Д. П—ой») и по дате цензурного разрешения альманаха ПЗ (20 декабря 1823 г.).

Русская песня («Что, красотка молодая...») (стр. 175). Впервые — ПЗ, 1824, стр. 22, под названием «Песня». Автограф в тетради 1820 г., № 34, под заглавием «Мелодия 3-я». Печ. по изд. 1829 г., стр. 89. Датируется 1823 г. на тех же основаниях, что и предыдущее. М. И. Глинка написал романс на текст Дельвига.

Русская песня («Скучно, девушки, весною жить одной...») (стр. 176). Впервые — СЦ, 1825, стр. 295, вместе с пес-

ней «Пела, пела пташечка...». Автограф в тетради 1820 г., № 35, под названием «Мелодия 4-я». Печ. по изд. 1829 г., стр. 134. Датируется началом 1824 г. по месту в тетради и по времени подготовки СЦ на 1825 г. Первый стих почти буквально повторяет начало популярной в то время песни: «Скучно, матушка, весною жить одной...». Ср. также стихотворение Д. Глебова: «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной...» (1817).

Русская песня («Пела, пела пташечка...») (стр. 177). Впервые — СЦ, 1825, стр. 296, вместе с песней «Скучно, девушки, весною жить одной...». Автограф в тетради 1820 г., № 36, с подзаголовком «Мелодия 5-я». Печ. по изд. 1829, стр. 34. Датируется 1824 г. по положению в тетради 1820 г. и по времени подготовки альманаха. Стихотворение является явным подражанием народной песне:

Цвели, цвели цветики!
Да поблекли!
Любил меня милый друг,
Да покинул.

На слова Дельвига в разное время написали музыку: А. Г. Рубинштейн (для хора), П. П. Шенк, С. Донауров, В. Соколов, Н. Нелинский, Н. Дмитриев.

Песня («Наяву и в сладком сне...») (стр. 177). Впервые — СЦ, 1825, стр. 276. Автографы в тетради 1820, № 37, и в тетради № 334. Печ. по изд. 1829 г., стр. 67. Датируется 1824 г. по положению в тетради 1820 г. и по времени подготовки альманаха. В текст внесено исправление, сделанное Дельвигом в уже отпечатанном экземпляре, изд. 1829 г. (хранится в библиотеке ПД). В строфе 3-й, стих 6-й был напечатан: «У груди моей прекрасной». На слова Дельвига написаны романсы: А. А. Алябьевым, М. Л. Яковлевым и А. С. Даргомыжским под названием «Кудри».

Романс («Друзья, друзья! я Нестор между вами...») (стр. 178). Впервые — СЦ, 1825, стр. 340. Автограф в тетради 1820 г., № 38. Печ. по изд. 1829 г., стр. 30. Датируется 1824 г. на основании переписки поэта, а также по времени подготовки к изданию альманаха. В письме Пушкину от 10 сентября 1824 г. Дельвиг пишет: «„И нас тогда пленяли эполеты" — я переменю; но скажи: одно ли бледное слово «пленяли» тебе не нравится, и не почитаешь ли ты эполеты анахронизмом, которые при Екатерине тоже носились? Впрочем, я их всячески не оставлю» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1937, стр. 108). Романс этот Дельвиг любил петь в приятельском кругу, о чем сообщил в своих воспоминаниях М. А. Максимович. *Мелецкий* — Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1805), поэт сентиментального направления. Его любовные песни имели большой успех, и творчество его и Мерзлякова с их стилизацией народных песен оказало влияние на поэзию Дельвига.

Разочарование (стр. 179). Впервые — «Труды», 1824, кн. 1, стр. 68. Автограф в тетради 1820 г., № 39. Читано и одо-

брено на заседании Вольного общества любителей российской словесности 17 марта 1824 г. Печ. по изд. 1829 г., стр. 77. Судя по дате чтения и по месту в тетради, вслед за предыдущим «Романсом», относится к 1824 г. Первый стих представляет собой легкое видоизменение начальных стихов «Песни» Жуковского 1816 г.: «Минувших дней очарованье, Зачем опять воскресло ты?»

«Твой друг ушел, презрев земные дни...» (стр. 179). Впервые — ПС 1934, стр. 399. Автограф в тетради ПД № 334. По месту среди черновиков в этой тетради относится к одному времени с предыдущим стихотворением. К кому обращены эти незаконченные стихи и по какому поводу они написаны — неизвестно.

Мы (стр. 180). Впервые — СЦ, 1826, стр. 66. Автографы в тетради 1820 г., № 40, и в альбоме Воейковой, с вариантом во втором стихе: «по морю чудному слез», под заглавием «Земной удел». Печ. по изд. 1829 г., стр. 104. Может быть отнесено к 1824 г., так как в тетради помещено между стихами этого года, непосредственно перед «Эпитафией», вызванной смертью Пономаревой.

Эпитафия («Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой...») (стр. 180). Впервые — СЦ, 1826, стр. 66. Автограф в тетради 1820 г., № 41. Печ. по изд. 1829 г., стр. 26. Написано по поводу смерти С. Д. Пономаревой 4 мая 1824 г. (см. вступ. статью, стр. 15—16). А. С. Даргомыжский написал на слова «Эпитафии» вокальный квартет «Над могилой».

Купальницы (стр. 180). Впервые — СЦ, 1825, стр. 346. Черновик в счетной книге. В приходо-расходной книге сохранился прозаический план. В письме к Пушкину от 10 сентября 1824 г. Дельвиг писал: «Пришлю тебе и моих „Купальщиц"» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1937, стр. 108). Стихотворение, по-видимому, следует отнести к 1824 г. *Илис* — маленькая река, протекающая вблизи Афин.

19 октября 1824 (стр. 185). Впервые — П и С, вып. 13, 1910, стр. 41. Печ. по автографу ПД. В 1824 г. празднование годовщины открытия Лицея происходило на квартире Вольховского, Стевена и М. Л. Яковлева, живших вместе. К. Я. Грот пишет: «В заключение ужина Дельвиг сочинил экспромт, пропетый тут же хором на голос известной песни Коцебу: „Es kann doch nicht immer so bleiben"». (П и С, вып. 13, 1910, стр. 41). *Лицейские песни* — см. стр. 312. *Милый начальник*. Видимо, на этой годовщине присутствовал Е. А. Энгельгардт.

«Федорова Борьки...» (стр. 185). Впервые — «Мои воспоминания», стр. 49. Судя по письму А. Измайлова к П. Яковлеву 4 декабря 1824 г. (Архив ПД), относится к 1824 г. Говоря о пародии на «Смальгольмского барона», А. И. Дельвиг пишет: «Борька в последнем приведенном куплете пародии на «Смальгольмский замок», — это Борис Михайлович Федоров. В свое время он писал всякого рода стихи очень плохо и заслужил следующую эпиграмму от Дельвига:

У Федорова Борьки...

На эту эпиграмму Федоров отвечал:

У Дельвига Антонки
Скверны стишонки.

Из приведенных стихов я, может быть, некоторые перековеркал, и нетрудно: прошло более 40 лет» (писано в 1872 г.). Первый стих эпиграммы, нарушающий размер, исправлен по другим спискам. Эпиграмма эта в несколько измененном виде приписывалась Пушкину:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

Однако доносами Федоров стал заниматься позднее. (В этом варианте эпиграмма включена в соч. С. А. Соболевского). На принадлежность эпиграммы Дельвигу указал Гербель в 1861 г. («Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее издание его сочинений». Берлин, 1861, X). По поводу этой эпиграммы А. Измайлов рассказывает в письме П. Л. Яковлеву 4 декабря 1824 г. следующий анекдот: «Вчера обедал с Виллие и Кайдановым у директора Рос<сийско>-Ам<ериканской> Комп<ании> Прокофьева... Обедало довольно литераторов: Греч, Булгарин, Батенков, китаец Тимковский, Завирашка Бестужев, Алексашка Боровков и Сомов... За столом рассказывали, между прочим, что во время наводнения плыла по Невскому проспекту кошка и подле нее крыса. Ни та, ни другая не ссорились между собою. «А в самое то время, — подхватил Греч, — ехали же по Невскому проспекту на спинах мужиков Борис Федоров и барон Дельвиг. Последний кричал: «Федорова Борьки Мадригалы горьки и проч.», — а первый: «Дельвига баронки пакостны стишонки» и т. д.» (ср. литературную обработку этого анекдота в фиктивных письмах П. Л. Яковлеву. Сочинения А. Е. Измайлова, т. 2. СПб., 1849, стр. 505). Вот образец эпиграмм Федорова против Дельвига, печатавшихся под псевдонимами:

К ПОРТРЕТУ NN

Он, говорят, охотник спать —
Однако ж в сто одном посланье
Он доказать имел желанье,
Что он охотник усыплять.

Д.

Эпиграмма помещена в «Благонамеренном», 1822, № 39, стр. 515. Сам Федоров сообщал Гаевскому, что он ее автор. В другом стихотворении, цитируемом Гаевским и на том же основании приписанном им Федорову (С, 1854, № 9, стр. 43; С, 1853, № 5, стр. 17),

Дельвиг так характеризуется (автор перечисляет, чем он отличается от Дельвига):

Мои стихи — вода водою;
Не мне затейливо писать!
Я не блистал в них мишурою,
Их даже можно понимать.
Друзей моих с Анакреоном
Во фронт к бессмертью не равнял
И дико-мрачным важным тоном
Моих бессмыслиц не читал.

Гаевский к этому делает примечание: «Дельвиг читал стихи торжественно-мрачным тоном, следуя в этом отношении примеру Гнедича». [1]

В альбом С. Г. К—ой (стр. 186). Впервые — СЦ, 1826, стр. 14. Автограф в тетради 1820 г., № 42. Печ. по изд. 1829 г., стр. 29. Кому адресовано — неизвестно. По месту в тетради и времени подготовки альманаха можно отнести к 1824 или 1825 г.

Две звездочки (стр. 186). Впервые — СЦ, 1826, стр. 129. Автограф в тетради 1820 г., № 43. Печ. по изд. 1829 г., стр. 17. По положению в тетради и времени подготовки альманаха можно отнести к 1824 или 1825 г.

19 октября 1825 (стр. 187). Впервые — П и С, вып. 13, 1910, стр. 43. К. Я. Грот сообщает: «На этом собрании пелись опять импровизированные стихи Дельвига (записанные Яковлевым на голос песни из «Волшебного стрелка»)» («Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него». П и С, вып. 13, 1910, стр. 41). См. также примечания к стихотворениям «19 октября 1822» и «19 октября 1824» (стр. 312 и 321). *В третий раз.* Это третье стихотворение, посвященное Дельвигом лицейским годовщинам. *Яковлев-проказник* — Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1868), лицейский товарищ Дельвига, талантливый музыкант, сочинивший музыку ко многим стихотворениям Дельвига. Отличался остроумием и веселостью, за что был прозван «паясом» и «комедиантом». Как выбранный «староста», следил за соблюдением лицейских годовщин.

Русская песня («Соловей мой, соловей...») (стр. 188). Впервые — СЦ, 1826, стр. 127. Автограф в тетради 1820 г., № 45, под заголовком «Русская мелодия 6-я». Черновик в приходо-расходной книге. Датируется 1825 г. по времени подготовки альманаха. По поводу этого стихотворения в газете «Молва» (1880, № 170, 22 июня) появилась статья А. Н. Сальникова «К воспо-

---

[1] В одной эпиграмме Измайлова чтение Дельвига характеризуется так:

...нахмурившись гудит,
Как пес рычит и воет...

минаниям о Пушкине (история песни «Соловей, мой соловей...»)»: «Если верить книгопродавцу, известному Мафусаилу петербургской книжной торговли, знавшему на своем веку многих писателей первого пятидесятилетия нынешнего века, то оказывается, что под словом «Соловей» барон Дельвиг разумел нашего бессмертного поэта А. С. Пушкина. Г. Лисенко сообщил нам, что будто бы песенка эта, как передавал ему «лично сам автор», была написана последним по поводу разлуки его с Пушкиным, высланным из Петербурга в Бессарабию». Однако других оснований, подтверждающих это свидетельство, нет. На слова Дельвига А. А. Алябьев написал романс «Соловей». М. И. Глинка, в свою очередь, написал вариации на музыку Алябьева. Оба эти обстоятельства сделали песню Дельвига едва ли не самым известным из его стихотворений.

Друзья (стр. 188). Впервые — СЦ, 1827, стр. 311. Автограф в тетради № 334. В рукописи первоначально посвящалось Ираклию Абрамовичу Баратынскому, брату поэта. Печ. по изд. 1829 г., стр. 113. Датируется не позднее 1826 г. по времени подготовки альманаха.

В альбом А. Н. В—ф (стр. 192). Впервые — СЦ, 1827, стр. 329. Автографы в тетради 1820 г., № 44, и в альбоме А. Н. Вульф, где датировано 20 января 1826 года. Черновик в приходо-расходной книге. Печ. по изд. 1829 г., стр. 27. Адресовано Анне Николаевне *Вульф* (1799—1857), старшей дочери П. А. Осиповой, соседке по имению А. С. Пушкина, которого Дельвиг посетил во время его ссылки в Михайловское в апреле 1825 г. «Во время пребывания своего в Петербурге старуха П. А. Осипова с своими дочерьми посещала Дельвигов» («Мои воспоминания», стр. 73). А. Вульф известна по обращенным к ней стихам Пушкина «К имениннице». По-видимому, по поводу этого своего стихотворения Дельвиг писал П. А. Осиповой 5 июня 1825 г.: «Альбома Анне Николаевне не посылаю, доставлю его прямо в Ригу со стихами Баратынского и моими» («С.-Петербургские ведомости», 1866, от 31 мая, стр. 2). *Блеск Гименовых свечей.* Дельвиг говорит о своей свадьбе, состоявшейся 30 октября 1825 г.

«Снова, други, в братский круг...» (стр. 193). Впервые — П и С, вып. 13, 1910, стр. 45. Стихи для лицейской годовщины 1826 г. Упоминаемые здесь двое отсутствующих друзей, отделенные «твердым камнем», — декабристы Кюхельбекер и Пущин, сосланные в Сибирь.

Утешение (стр. 193). Впервые — СЦ, 1828, стр. 93. Автограф в тетради 1820 г, № 46. По-видимому, относится к 1826 или 1827 г., так как в тетради следует за стихами «В альбом А. Н. В—ф» 1826 г., а СЦ на 1828 г. подготавливались в 1827 г. *К солнцу впоследнее взор обрати, как Руссо.* Известно предание, что перед смертью Руссо просил открыть окно, чтобы в последний раз взглянуть на ясное небо. Во время Дельвига была популярна гравюра на эту тему, в подписи к которой приводились слова, будто бы произнесенные Руссо перед смертью.

Смерть (стр. 194). Впервые — СЦ, 1828, стр. 96. Автограф в тетради 1820 г., № 47. Печ. по изд. 1829 г., стр. 124. Датируется 1826 или 1827 г., как и предыдущее. Это двустишие подвергалось нападкам современников. В «Галатее» Раич не находил в нем и «тени древнего», намекая, очевидно, на слово «халат» («Галатея», 1829, № 19, стр. 189), а Полевой написал два пародических двустишия: «Сходство», где судьба изношенного фрака сравнивается с бренностью всего в мире, и «Судьба человека», где предметом сравнения является трубка (см. «Мнимая поэзия». М.—Л., 1931, стр. 230—231).

Эпиграмма («Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилья...») (стр. 194). Впервые — СЦ, 1828, стр. 95. Автограф в тетради 1820 г., № 50. Печ. по изд. 1829 г., стр. 123. Датируется 1826 или 1827 г. по тем же основаниям, что и два предыдущих.

А. Н. Карелиной (стр. 194). Впервые — РА, 1885, № 3, стр. 461. Написано Александре Николаевне Карелиной при посылке альманаха СЦ на 1827 г., который вышел в начале 1827 г., что и определяет время написания стихов. *Карелина*, урожденная Семенова, подруга жены Дельвига по пансиону, находилась в это время в Оренбурге. Стихотворение напечатано по сообщению ее дочери, Софьи Григорьевны Карелиной. *Гафиз* (1300—1339) — псевдоним Шамседдин Махаммеда, знаменитого персидского лирического поэта. *Сади* (Саади) (1184—1263) — знаменитый персидский поэт, автор сборника «Гюлистан». В персидской лирике поэт и соловей традиционные поэтические синонимы.

На смерть В...ва (стр. 194). Впервые — СЦ, 1828, стр. 24. Стихотворение это было вписано в альбом Керн (см. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 249). Автограф в тетради 1820 г., № 48. Печ. по изд. 1829 г., стр. 23. Стихотворение вызвано ранней смертью поэта Дмитрия Владимировича *Веневитинова* (род. в 1805, ум. 15 марта 1827 г.) Веневитинов приехал в Петербург незадолго до своей смерти и часто бывал у Дельвига. На текст Дельвига А. С. Даргомыжский написал романс «Дева и роза».

Сонет («Что вдали блеснуло и дымится...») (стр. 195). Впервые — СЦ, 1832, стр. 6. Датируется июлем 1827 г. на основании пометы под текстом. В предисловии редактора альманаха сказано: «Сонет к российскому флоту, написанный в Ревеле в 1827 году, до самой кончины поэта был тайною даже для друзей его».

Идиллия («Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов...») (стр. 195). Впервые — СЦ, 1828, стр. 95. Автограф в тетради 1820 г., № 49. Печ. по изд. 1829 г. стр. 65. Датируется 1827 г. по положению в тетради (рядом со стихотворением «На смерть В...ва») и по времени подготовки альманаха.

«Хвостова кипа тут лежала...» (стр. 196). Впервые — П и С, вып. 5, 1907, стр. 146. Печ. по «Воспоминаниям»

А. П. Керн, стр. 286. «Дельвиг занимался в маленьком полусветлом кабинете, где и случилось несчастие с песнями Беранже, внушившее эти стихи:

Хвостова кипа тут лежала...

Эти стихи, в числе прочих, пелись хором по вечерам». Датируется 1827 г., по свидетельству А. И. Дельвига. Он же уточнил и обстоятельства написания эпиграммы: «Читая лежа на диване, Соболевский часто засыпал. Раз он заснул, читая песни Беранже. Книга выпала из его рук и была объедена большою собакою Дельвига» («Мои воспоминания», стр. 73). *Хвостов* Дмитрий Иванович, граф (1757—1835) — бездарный, но чрезвычайно плодовитый стихотворец, предмет многочисленных шуток и эпиграмм.

«Друг Пушкин, хочешь ли отведать...» (стр. 196). Впервые — П и С, вып. 5, 1907, стр. 157. Печ. по «Воспоминаниям» А. П. Керн, стр. 284. Время написания неизвестно. Относим к периоду между 1827 и 1831 г., т. е. ко времени, когда Пушкин и Дельвиг жили и постоянно встречались в Петербурге. По словам Керн, Дельвиг, «кроме прелести неожиданных удовольствий без приготовлений, любил в них и хорошее вино, оживляющее беседу, и вкусный стол; от этого он не любил обедать у стариков Пушкиных, которые не были гастрономы, и в этом случае он был одного мнения с Александром Сергеевичем. Вот по случаю обеда у них что раз Дельвиг писал Пушкину: „Друг Пушкин...“».

«Я в Курске, милые друзья...» (стр. 196). Впервые — П и С, вып. 5, стр. 146. Печ. по «Воспоминаниям» А. П. Керн (стр. 334), которая писала: «Пока барон был в Харькове, мы переписывались с его женою, и она мне прислала из Курска экспромт барона». Относится к поездке в Харьков в 1828 г. *Дама Керн* — Керн Анна Петровна (1800—1879), известная по стихам Пушкина, жившая в это время в одном доме с Дельвигом. *Дева Лиза* — Елизавета Петровна Полторацкая, сестра А. П. Керн, бывшая впоследствии замужем за чиновником Решко.

Хор для выпуска воспитанниц Харьковского института (стр. 197). Впервые — СЦ, 1829, стр. 176. Автограф в тетради 1820 г., № 51. Написано во время командировки в Слободско-Украинскую губернию на следствие о заготовке провианта в 1828 г. *Мария* — императрица Мария Федоровна; в ее ведомстве и под ее покровительством состояли все институты для благородных девиц.

В альбом Е. П. Щербининой (стр. 197). Впервые — сб. «Молодик» ч. 1, СПб., 1843, стр. 105. По-видимому, относится ко времени пребывания Дельвига в Харькове (8 февраля — 10 июля 1828 г.). О Щербининой С. М. Дельвиг (жена поэта) писала своей подруге А. Н. Карелиной, что она «поистине очаровательна» и ее «невозможно не любить» (Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л. 1929, стр. 221).

Конец золотого века (стр. 198). Впервые — изд. 1829 г., стр. 156. Черновой, неполный автограф в счетной книге. По-видимому, относится к 1828 г., так как в дневнике А. Н. Вульфа имеется запись от 30 сентября 1828 г.: «Последняя его (Дельвига) пастушеская идиллия также очень хороша».

Русская песня («И я выйду ль на крылечко. . .») (стр. 204). Впервые — СЦ, 1832, стр. 7, где опубликована вместе со стихотворением «Как за реченькой слободушка стоит. . .», под общим заголовком «Русские песни». Автограф в приходо-расходной книге. В предисловии редактора по поводу этого и следующего стихотворения сказано: «Две «Русские песни» — из коих одна не кончена — хранились в портфеле сочинителя более двух лет: он все еще хотел отделать их окончательно». На основании этого свидетельства песни, по-видимому, можно отнести к 1828 г. *За турецкой за границей* и т. д. Имеется в виду война с Турцией (1828—1829).

Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит. . .») (стр. 204). Впервые — СЦ, 1832, стр. 8, вместе с предыдущим и под общим с ним заголовком «Русские песни». Автограф в счетной книге. *Закавказские молодцы.* Песня была написана в годы Персидской (1826—1828) и Турецкой (1828—1829) кампаний, что подтверждает вероятность датировки обеих песен 1828 г.

Сон (стр. 205). Впервые — СЦ, 1829, стр. 47. Автограф в тетради 1820 г., № 52. Печ. по изд. 1829 г., стр. 74. По месту в тетради и времени подготовки альманаха можно отнести к 1828 г. В «Московском телеграфе» 1830 г. в отделе «Отрывки из нового альманаха: „Литературное зеркало"» были помещены пародии Полевого на стихи Дельвига за подписью Феокритов. Среди них находится и пародия на данную песню:

По улице, по улице
Метелица, метелица,
Наш дед седой, старик лихой
Не женится, не женится. . .

Пародиям предпослано предисловие, направленное против Дельвига, Баратынского, Пушкина и вообще группы «Литературной газеты»: «Смело в путь! Если же нас не станут хвалить, не будут читать, мы сами себя назовем Горациями, Гамлетами, Феокритами, Шольё; напишем друг к другу по посланию, по надписи, по загадке (при посылке какой-нибудь чучелы, книги, альбома); напишем «Обозрение словесности», где расхвалим себя, разругаем других». — А. С. Даргомыжский написал на текст стихотворения романс.

Русская песня («Сиротинушка девушка. . .») (стр. 206). Впервые — «Подснежник», 1829, стр. 153. Автограф в тетради 1820 г., № 53. По-видимому, относится к 1828 г., так как в тетради записано перед стихотворением, завершающим сборник 1829 г., который подготавливался в 1828 г.

Эпилог (стр. 206). Впервые — изд. 1829 г., стр. 173. По-видимому, относится к 1828 г. — времени подготовки сборника, который это стихотворение завершает. К изд. 1829 г. приложено оглавление, где стихотворения даны не по порядку, а сгруппированы по жанрам. Ввиду значительного интереса, какой представляет авторская классификация произведений, приводим ее:

Идиллии

«Дамон», «Купальницы», «Титир и Зоя», «Цефиз», «Друзья», «Конец золотого века».

Песни и романсы

«Друзья, друзья! я Нестор между вами...», «Соловей мой, соловей...», «Пела, пела пташечка...», «Други, други! радость...», «Наяву и в сладком сне...», «Вчера вакхических друзей...», «Одинок месяц плыл...», «Что, красотка молодая...», «Ах ты ночь ли, ноченька...», «Голова ль моя, головушка...», «Только узнал я тебя...», «Прекрасный день, счастливый день...», «Не говори: любовь пройдет...», «Сиротинушка девушка...», «Скучно, девушки, весною жить одной...», «Сегодня я с вами пирую, друзья...», «„Дедушка! — девицы..."»

Сонеты

«Вдохновение», «Златых кудрей приятная небрежность...», «Н. М. Языкову», «С. Д. П-ой».

Разные стихотворения

«Ответ», «Две звездочки», «Гений-хранитель», «На смерть В—ва», «Н. И. Гнедичу», «Эпитафия», «В альбом А. Н. В—ф», «В альбом С. Г. К—ой», «Луна», «На смерть собачки Амики», «К Лилете», «К Дориде», «Хор», «Надпись на статую флорентинского Меркурия», «К Амуру», «Жалоба», «Сон», «Разочарование», «На смерть ***», «Домик», «Дифирамб», «Мы», «Утешение», «К птичке, выпущенной на волю», «Роза», «Музам», «Эпиграмма», «Смерть», «В альбом», «Эпитафия», «Вакх», «Пушкину», «Хата», «К мальчику», «Первая встреча», «К Диону», «Элегия», «Эпилог».

Русская песня («Пó небу...») (стр. 206). Впервые — «Денница», 1830, стр. 166. *Пули турецкие.* Стихотворение написано во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Вообще же образ турка-врага поддерживался постоянными войнами между Россией и Турцией, которые велись на протяжении XVIII и XIX вв.

Отставной солдат (стр. 207). Впервые — СЦ, 1830, стр. 25. Автограф в тетради № 334. Прозаический план в счетной книге. Датируется не позднее 1829 г. по времени выхода СЦ, 1830 г. (в конце предыдущего года). Об этом стихотворении Пушкин писал: «Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожи-

данными. Таким образом Русская его Идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первой раз рассказана мне еще в лицейском зале, после скучного математического класса» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. 12. М.—Л., 1937, стр. 243). Относительно времени написания «Русской идиллии», напечатанной в 1829 г., Пушкин ошибся. Но в стихотворении отразилась характерная для времени его замысла патриотическая тематика, связанная с войной 1812 г. (пожар Москвы, отступление французов, картины их бедствий во время ранних морозов, вступление союзных войск в Париж в марте 1814 г.). В то же время заметно, что к литературной обработке сюжета Дельвиг приступил сравнительно поздно: об этом свидетельствует стих — белый пятистопный ямб, стих романтических трагедий, придающий идиллии характер драматического отрывка. В ЦГАЛИ хранится копия стихотворения с замечаниями Баратынского. Приводим их полностью (ср. их публикацию в Полн. собр. соч. Баратынского, т. 2. СПб., 1914, стр. 267—268). Стихи, подчеркнутые Баратынским, печатаются здесь курсивом. У Дельвига было:

Да, верст пятнадцать
Я в вечер сделал!

Баратынский надписал как в окончательном тексте:
«Ушел я в вечер».
К стихам:

Помолодел я, вволю надышавшись
Теплом и запахом целебным! Любо,
Легко мне в воздухе, как рыбке
В реке студеной!

«*Целебным* для солдата слишком важно, да и сравнение *Как рыбка в студеной воде* сбивает с толку воображение, следуя тотчас за *теплом,* которым служивый надышался».

К стихам, читающимся в рукописи:

В иных краях земля благоухает,
Как офицер гвардейский на параде,
Как в светлый праздник ручка генеральши —
И дорого, и чудно, да не мило,

«Нельзя ли другое сравнение. Обыкновения нет целовать ручки г. в светлый праздник».
К следующему стиху:

Не так, как тут! *Здесь целым телом дышишь*

«Изысканно».

Через стих:

Простой, но сладкий, теплый воздух.

«Не просто».

К стихам:

Да лих — нельзя! Село далеко! *Стадо ж*
Покинуть без присмотра, положившись
На верных псов, опасно, сам ты знаешь!

«Тон не русский, а греческий».

К стиху:

И маленьких людей, живущих там

«Опять греческий тон. Надобно этому помочь какими-нибудь русскими вставками и совершенно избежать этого оборота».

После стиха:

Крючок иль гвоздь и свой кафтан повесить.

«Прекрасно».

К стиху:

Вздор мелешь, *малый!* Уши вянут! Смолкни!

«Брат *малый* à la Gneditsch».

Стих «И раннюю зиму послал нам в помощь» в копии читался:

И в помощь нам послал зиму лихую.
Зиму с морозами

К нему примечание:

«Надобно сказать, что эта зима стала в октябре, а без того нет ничего удивительного».

К стиху:

Сожженного их *буйством!*

«Слишком возвышенно».

К стиху:

Когда б *не лица их и не молчанье*

«Оборот слишком просвещенный».

К стиху:

Вонзили как враги!

«Весь рассказ прекрасен».

К концу этого стиха:

Ух! страшно! *страшно!*

«Довольно один раз».

К следующему стиху:

А между тем курьерский колокольчик

«Несколько стихов перед этим нужно бы прибавить вообще о победах, а колокольчик будет служить довершением описания».

К стихам, читавшимся в копии:

Помоги
Мне встать: *я вытянусь пред офицером*

«Вместо *я* лучше: *надо вытянуться»*.

К последнему стиху:

Не совершаются ль пред нами явно!..

«Эти стихи немного вяло оканчивают пьесу, по крайней мере сделай последний стих с цезурой, потешь мое классическое ухо». Некоторые стихи поправлены карандашом, по-видимому рукой Пушкина. Поправки эти обведены чернилами рукой Дельвига.

Изобретение ваяния (стр. 211). Впервые — СЦ, 1830, стр. 126. Автограф в тетради № 334, прозаический план — в счетной книге. Датируется не позднее 1829 г. по времени выхода СЦ. *Григорович* Василий Иванович (1792—1865) — секретарь Академии художеств. В СЦ, 1826 была помещена его статья «О состоянии художеств в России». Сохранилось письмо к нему Дельвига от 10 октября 1825 г., напечатанное в журнале «Голос минувшего», 1917, № 1, с комментарием Н. Лернера. В СО, 1830, № 17, 25 апреля в составе сатирического альманаха «Альдебаран» была помещена пародия на эту идиллию за подписью «Аполлон Зевесов». Пародия повторяла традиционные в это время насмешки над выражением И. В. Киреевского, сказавшего о Дельвиге, что он «на классические формы» своей музы «набросил душегрейку новейшего уныния» (И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1911, стр. 31).

К П*** при посылке тетради стихов (стр. 214). Впервые — «Литературная газета», 1830, № 55, 28 сентября, за подписью: Z. Автограф на экземпляре «Стихотворений» Дельвига, изд. 1829 г., подаренном Плетневу, хранящемся в ПД. Стихотворение обращено к П. А. Плетневу (см. стр. 302). *Субботы* — собрания у Плетнева.

«Увижу ль вас когда-нибудь...» (стр. 214). Впервые — «Воспоминания» А. П. Керн, стр. 309. Шуточный экспромт, сочиненный Дельвигом во время поездки на водопад Иматру (Финляндия) в конце июня 1829 г. *Свадрик* — напиток вроде кваса. *Плоховина* — лоховина, рыба.

Четыре возраста фантазии (стр. 214). Впервые — СЦ, 1830, стр. 10. Автограф в тетради 1820 г., № 54. По положению в тетради и времени подготовки альманаха можно отнести к 1829 г.

«Не осенний частый дождичек...» (стр. 216). Печ. по сб. «Песни русских поэтов», Л., 1950, стр. 147, с заменой в первом стихе слова «мелкий» на «частый», согласно редакции М. И. Глинки. Датируется 1829 г. на основании свидетельства М. И. Глинки: «Помнится, что вскоре по возвращении из Иматры... Дельвиг написал мне романс: «Не осенний частый дождичек...» Музыку на эти слова я впоследствии взял для романса Антониды «Не о том скорблю, подруженьки...» в опере „Жизнь за царя"» (М. И. Глинка. Записки. М.—Л., 1939, стр. 95). Один из самых популярных романсов Дельвига и Глинки.

Грусть (стр. 217). Впервые — СЦ, 1830, стр. 52. Автограф в тетради 1820 г., № 55. Датируется 1829 г. по положению в тетради и по времени подготовки альманаха.

Малороссийская песня (стр. 217). Впервые — СЦ, 1830, стр. 65. Автограф в тетради 1820 г., № 56. Датируется 1829 г. по положению в тетради и по времени подготовки альманаха.

Русская песня («Как у нас ли на кровельке...») (стр. 217). Впервые — СЦ, 1830, стр. 64. Автограф в тетради 1820 г., № 57. Датируется 1829 г. по положению в тетради и по времени подготовки альманаха. Положено А. Т. Гречаниновым на музыку.

Слезы любви (стр. 218). Впервые — СЦ, 1830, стр. 53. Автограф в тетради 1820 г., № 58. Датируется 1829 г. по положению в тетради и по времени подготовки альманаха.

Удел поэта (стр. 218). Впервые — СЦ, 1830, стр. 76. Автограф в тетради 1820 г., № 59. Датируется 1829 г. по положению в тетради и по времени подготовки альманаха. *Тасс* — см. стр. 333. *Камоэнс* Луис (1524—1580) — португальский поэт, автор поэмы «Лузиады», прославляющей подвиги португальцев. В 1553 г. был сослан в Ост-Индию, где перенес множество злоключений. *Так и Сервантес со мной скорбь и тюрьму забывал.* Сервантес прожил сложную жизнь, полную приключений, лишений и несчастий; он не раз попадал в тюрьму.

«За что, за что ты отравила...» (стр. 219). Впервые — ПС 1934 г., стр. 384, где напечатано по тщательно зачеркнутому, но достаточно ясно читаемому автографу ПД в тетради № 334. Датируется последними годами жизни Дельвига — 1829 или 1830, носит автобиографический характер и, очевидно, обращено к жене.

Поэт («Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли...») (стр. 219). Впервые — «Литературная газета», 1830, № 48, 24 августа, без подписи. Принадлежность Дельвигу указана в оглавлении 2-го тома газеты.

«Смерть, души успокоенье...» (стр. 219). Впервые — ПС 1934 г., стр. 380, где напечатано по черновому автографу ПД в тетради № 334. Это одно из последних стихотворений Дельвига 1830 или 1831 г.

Русская песня («Я вечор в саду, младешенька, гуляла. . .») (стр. 221). Впервые — ОЗ, 1839, № 1, стр. 93, с примечанием: «Эта песня незабвенного А. А. Дельвига нигде еще до сих пор не была напечатана. Она сохранилась, писанная его рукою, у одного из лицейских его товарищей, М. Л. Яковлева».

«Пусть нам даны не навсегда» (стр. 221). Впервые — ПС 1934, стр. 399, где напечатано по черновому автографу в тетради № 334.

«Удались, ты так же всё сияешь. . .» (стр. 222). Впервые — ПС 1934, стр. 383, где напечатано по автографу в тетради № 334. Последняя строфа черновая. Стихотворение оставлено без названия. *Тассо* Торквато (1544—1595) — знаменитый итальянский поэт, автор «Диалогов», поэмы «Освобожденный Иерусалим». Жил при дворе герцога Феррарского Альфонса II. Вследствие придворных интриг и якобы любви его к сестре герцога Элеоноре был заключен в тюрьму и всю жизнь терпел гонения.

«От души ль ты, господин служивый. . .» (стр. 222). Впервые — ПС 1934, стр. 398, где напечатано по автографу в тетради № 334. По-видимому, фрагмент более крупного замысла.

«На теплых крыльях летней тьмы. . .» (стр. 223). Впервые — СЦ, 1832, стр. 9, с примечанием: «Отрывок заключает в себе хор духов из драмы, в которой барон Дельвиг хотел дать полное развитие свободной фантазии. План сей драмы был уже набросан, и вместе с оным уцелело несколько хоров, по большей частью недоконченных». Печ. по автографу в счетной книге. Возможно, что этот отрывок имеет отношение к незаконченной драме «Ночь на 24 июня».

«Мы весело свои кончали дни. . .» (стр. 223). Впервые — С, 1853, № 5, стр. 13. Печ. по беловому автографу ПД.

«И вещего баяна опустили. . .» (стр. 223). Впервые — ПС 1934, стр. 399. Черновая рукопись в тетради № 334. Печ. по беловому автографу ПД. То, что стихи эти встречаются в рукописях Дельвига дважды, показывает, что они связаны с каким-то замыслом, которому поэт придавал некоторое значение. Вероятно, этот замысел находился в связи с другими «славянскими» мотивами в творчестве Дельвига, занимавшими его еще в лицейскую пору. Сюда относится не дошедшая до нас песня о Всеславе, упоминаемая Гаевским, программа «Рождения Леля», носящая подзаголовок «Песни молодого Баяна». Произведения эти построены на представлении о «Вещем Баяне», упоминаемом в «Слове о полку Игореве», как об исторической личности, первом русском поэте; образ Баяна воссоздавался по аналогии с полулегендарными пред-

ставлениями о древних скальдах и бардах. На зависимость замысла от «Слова о полку Игореве» указывает как эпитет «вещий», так и упоминание соловья, гармонирующее с другим эпитетом «Слова» — «соловей старого времени».

«Когда крылам воображенья...» (стр. 223). Впервые — ПС 1934, стр. 400, где напечатано по автографу в приходо-расходной книге. Возможно, что это черновой набросок, связанный с замыслом стихотворения «Вдохновение», так как оба стихотворения написаны на одном листе, причем «Когда крылам воображенья...» зачеркнуто и дальше следует «Вдохновение».

«Певец Онегина один...» (стр. 224). Впервые — ПС 1934, стр. 387, где напечатано по черновому автографу в тетради № 334, тщательно зачеркнутому, но поддающемуся прочтению. Вероятно, предназначалось для записи в альбом, но к кому именно обращено, неизвестно.

«Нет, я не ваш, веселые друзья...» (стр. 224). Впервые — НС, стр. 69. Автографы в счетной и приходо-расходной книгах. Печ. по беловому автографу ПД.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...» (стр. 225). Впервые — «Исторический вестник», 1883, № 2, стр. 468, где приписано Пушкину (См. также Соч. и письма А. С. Пушкина под ред. П. О. Морозова, т. 2. СПб, 1903, стр. 359). Печ. по ПС 1934, стр. 429. Стихотворение написано совместно с Баратынским. О принадлежности этих стихов Дельвигу и Баратынскому сохранились два свидетельства: А. П. Керн и К. А. Полевого. Первая писала П. В. Анненкову: «Я вспомнила еще стихи, сообщенные мне женою барона Дельвига и сложенные когда-то вместе с Баратынским: „Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком...“» (П и С. вып. 5, 1907, стр. 146). Полевой рассказывает следующее: «Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата был литературный вечер... Пушкин... вспоминал шутливые стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гекзаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые „в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)“» (Кс. Полевой. Записки. СПб., 1888, стр. 209). В. П. Гаевский со слов Д. А. Эристова описывает совместную жизнь Баратынского и Дельвига (см. вступ. статью, стр. 19—20).

Певцы 15-го класса (стр. 225). Впервые — Баратынский, Полн. собр. стихотворений. «Библиотека поэта», Малая серия. Л., 1957, стр. 311. В собрание сочинений Дельвига вводится впервые.

Печ. по списку, хранящемуся в ПД. Написано совместно с Баратынским в 1822 г., в ответ на выпады А. А. Измайлова, О. М. Сомова, В. И. Панаева в «Благонамеренном» против поэтов пушкинского круга. Авторство Баратынского и Дельвига устанавливается направленными против них и написанными на списке тою же рукой «Куплетами, прибавленными посторонними»:

Барон я, баловень Парнаса,
В лицее не учился, спал,
И с Кюхельбекером попал
В певцы 15-го класса.

Я унтер, но я сын Пегаса;
В стихах моих: былое, даль,
Вино, иконы... очень жаль,
Что я 15-го класса.

Остер, как унтерский тесак;
Хоть мыслями я не обилен,
Но в эпитетах звучен, силен —
И Дельвиг сам не пишет так.

В том же списке находится и эпиграмма на Баратынского Ореста Сомова «Он щедро награжден судьбой...», озаглавленная «Надпись к портрету сочинителя куплетов». *Певцы 15-го класса* — т. е. не имеющие права именоваться поэтами. В табели о рангах самым низшим был 14-й класс. *Князь Шаховской согнал с Парнаса И мелодраму, и журнал.* В пьесе А. А. Шаховского «Новости из Парижа, или Торжество муз» (поставлена 10 июля 1823 г.) Водевиль, Журнал и Мелодрама, пытающиеся состязаться с музами, с позором изгоняются с Парнаса. *Не мог он оседлать Пегаса; Зато Хвостова оседлал.* Речь идет об издателе «Благонамеренного» А. Е. Измайлове, умевшем извлекать выгоду из расположения к себе Д. И. Хвостова, по протекции которого он стал председателем Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. *Я перевел по-русски Тасса.* Подразумевается Н. Н. Остолопов (1782—1833) и его переводы из Тассо — «Тассовы мечтания», переизданные в 1819 г. *Но я идиллии писал.* Имеется в виду В. И. Панаев (1792—1859), «Идиллии» которого вышли отдельной книгой в 1820 г. *Поймав в Париже Сен-Томаса, Я с ним историю скропал.* Подразумевается О. М. Сомов (1793—1833) и его корреспонденции из Парижа, печатавшиеся в «Благонамеренном». *Навоз Расинов подгребал И по Федоре я попал.* Направлено против М. Е. Лобанова (1787—1846), в числе других сочинений Расина переведшего «Федру». *Я сам, Княжевич, от Пегаса.* Имеется в виду Д. М. Княжевич (1788—1844), литератор и поэт круга «Благонамеренного». *Хотел достигнуть я Парнаса, Но Феб мне оплеуху дал.* Речь идет о бездарном поэте — Д. И. Хвостове, издававшем свои произведения на собственные деньги. *Я цензор — сиречь — я подлец.* Направлено против А. М. Бирукова (1772—1844), приятеля

Измайлова, с 1821 г. цензора Петербургского цензурного комитета (см. примечание к стихотворению «Петербургским цензорам», стр. 309).

Элегия на смерть Анны Львовны (стр. 227). Впервые — С, 1854, № 9, стр. 18. Стихотворение написано во время пребывания Дельвига у Пушкина в Михайловском в 1825 г. Написано оно от имени Пушкина, но в письме своем к Вяземскому, посылая эти стихи, Пушкин подписался: «Я да Дельвиг» и упорно утверждал, что написал эту «элегию» вместе с Дельвигом. Ввиду категорического утверждения Пушкина помещаем здесь эти стихи, хотя нам кажется справедливым следующий рассказ Гаевского, несмотря на некоторые неточности в деталях: «Дельвиг, по просьбе Пушкина, принял эту шалость на себя, сказав, что он сочинил ее только от имени Пушкина, написал к Василью Львовичу объяснительное письмо и таким образом восстановил мир между дядей и племянником. Не знаем, поверил ли вполне этому объяснению Василий Львович, но во всяком случае Дельвиг прослыл автором элегии, ходившей тогда по рукам в многочисленных списках» [1] (С, 1854, № 9, стр. 18). Гаевский ссылается на свидетельство Д. А. Эристова, товарища Дельвига по Лицею второго выпуска. Самая элегия вызвана смертью Анны Львовны Пушкиной, тетки поэта, умершей в Москве 14 октября 1824 г. Василий Львович Пушкин поместил стихотворение, посвященное ее памяти, в ПЗ, 1825 Альманах в этом году появился в конце марта и к приезду Дельвига в Михайловское (апрель 1825) был еще новинкой. Вот начало стихов В. Л. Пушкина:

К НЕЙ

Где ты, мой друг, моя родная,
В какой теперь живешь стране?
Блаженство райское вкушая,
Несешься ль мыслию ко мне?

Ты слышишь ли мои рыданья?
Ты знаешь ли, что в жизни сей
Мне без тебя нет ясных дней
И нет на счастье упованья?..

«Наш приятель, Пушкин Лёв...» (стр. 227). Впервые — РВ, 1842, № 1, стр. 22, без подписи и с заменой «Пушкин Лев» на «Пустяков» в первом стихе. Печ. по ПС 1934, стр. 430.

---

[1] Это подтверждается письмом Дельвига Пушкину от середины июня 1826 г.: «Вяземский у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил Василья Львовича, что «Ах тетушка, ах Анна Львовна!» написано мною и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13. М.—Л., 1937, стр. 285).

А. И. Дельвиг в своих воспоминаниях пишет: «Лев Пушкин вел не только рассеянную, но и дурную жизнь, причем издерживал более, чем позволяли средства. Он любил много есть и пить вина, вследствие чего Дельвиг в одном из своих стихотворений, написанных им вместе с Баратынским, начал следующей строфою:

Наш приятель Пушкин Лёв...

За этою строфою следовала строфа о поэте Федоре Николаевиче Глинке, известном тогда перелагателе в стихи псалмов царя Давида:

Федор Глинка молодец...

Затем следовали строфы о других лицах, и, между прочим, о Соколове, непременном секретаре бывшей Российской Академии:

Непременный секретарь
Соколов Российской,
О, запачканная тварь
С харей фарисейской
и т. д.»

Стихи о Соколове очень близки к соответствующей строфе из «Дома сумасшедших» А. Воейкова. Строфы о Льве Сергеевиче Пушкине (брате поэта) и о Ф. Глинке встречаются в списках как отдельные стихотворения; оба они приписывались А. Пушкину. Первая из них была напечатана в РВ при жизни Льва Пушкина, чем и объясняется замена имени. В «Библиографических записках», 1853, № 12, стр. 370, она напечатана вторично и приписана А. Пушкину. Стихи эти находятся в копии рукописного сборника, принадлежавшего Лонгинову (в Москве, в Библиотеке им. Ленина), под № LXIX, и там они сопровождены надписью Соболевского в копии Полторацкого: «Дельвига, Баратынского, Плетнева, самого Льва и компании». Относительно второй строфы Гербель сообщал в 1861 г. («Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». Берлин, 1861, стр. X), что она «сочинена целою компаниею: Дельвигом, Баратынским и другими». В том же сборнике Лонгинова этот куплет помещен под № LXXII и сопровожден надписью Соболевского: «Той же компании, что и № LXIX». Куплеты эти сочинены на мотив старинной французской песенки («La bonne aventure»).

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДЕЛЬВИГУ

На игру артистки госпожи Колосовой, м<ладшей> (стр. 229). Впервые — СО, 1819, № 50, стр. 179, за подписью: Д.....ъ, с примечанием издателя: «Кто не почувствует силы последнего стиха!» В собр. соч. не включалось, хотя число точек подписи соответствует числу опущенных букв фамилии Дельвиг и за принадлежность стихотворения ему говорит выделен-

ный издателем стих, в котором упоминается мифологический образ Амфиона, часто встречающийся в стихах Дельвига. Могло быть написано только в 1819 г., так как Колосова младшая дебютировала 16 декабря 1818 г. в трагической роли Антигоны, и называть ее дочерью Талии тогда еще не было оснований. Следует думать, что поводом для стихотворения послужило вызванное дебютом разделение театралов, в том числе молодых театралов кружка «Зеленая лампа», на два лагеря. Одни увидели в дебютантке соперницу Ек. Семеновой, другие по-прежнему считали Семенову несравненной трагической актрисой русской сцены. Пушкин принадлежал к последним, Дельвиг, по-видимому, — к первым. Александра Михайловна *Колосова,* впоследствии Каратыгина-Колосова (1802?—1880), довольно скоро отказалась от амплуа трагической актрисы и перешла на комедийные роли, не оправдав оценки, данной ей Дельвигом.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

Медея. Действие II (стр. 233). Перевод из трагедии Лонжпьера «Médée». Впервые — ПС 1934, стр. 403, по цензурованному списку Гос. Театральной библиотеки имени А. В. Луначарского. Трагедия Лонжпьера «Медея» была переведена коллективно несколькими авторами. Действие первое перевели С. Н. Марин и И. А. Озеров, второе — Дельвиг, третье — Н. И. Гнедич, четвертое — П. А. Катенин, пятое — А. П. Поморский. Авторство засвидетельствовано Н. Бахтиным в редакторском примечании к изд. «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», ч. 2, СПб., 1832, стр. 189. Там же указаны даты частей перевода. Датируется 1818 г. Перевод дозволен к представлению 29 января 1819 г. «Медея» (1694) — трагедия Лонжпьера (1659—1721), второстепенного французского поэта-трагика, подражавшего Расину, — единственное его произведение, удержавшееся в репертуаре В Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского хранится два списка ее коллективного перевода: в полной и в несколько сокращенной редакциях. Судя по цензурному разрешению, полный список дает исходную редакцию 1818 г. Текст переведенного Дельвигом второго действия, в котором опущены 11 стихов подлинника, испещрен в этом списке следами позднейшей правки и вымарками, носящими, скорее всего, характер режиссерских купюр. Карандашная правка в отдельных местах обведена чернилами, по-видимому рукой переписчика. Полуистершийся карандаш не позволяет с полной уверенностью судить по почерку об авторах правки, но два стиха, кажется, заменены рукою Дельвига. В настоящем издании полный список предпочтен более позднему сокращенному на том основании, что последний, возможно, является не столько литературной, сколько сценической режиссерской редакцией текста пьесы, значительно отклоняющейся от французского подлинника благодаря купюрам. Вполне возможно, что Пушкин имел в виду коллективный перевод «Медеи», когда писал: «В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все

сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается поодиночке» (Полн. собр. соч., т. 12. М.—Л., 1937, стр. 287). Вот вкратце содержание пьесы. Действие первое. В разговоре Язона с наперсником Ифитом дается экспозиция: Медея, жена Язона, совершившая из любви к нему ряд злодеяний, отомстила Пелию, фессалийскому тирану, за смерть отца Язона, хитростью добившись смерти Пелия. Скрываясь от мести Акаста, сына Пелия, Язон и Медея с двумя детьми нашли приют у коринфского царя Креона. Здесь Язон влюбился в дочь Креона Креузу и решил оставить Медею для нового брака, тем более что Креон тяготился присутствием у него Медеи. После короткого разговора Язона с Креузой является Креон, который требует удаления Медеи во избежание войны с Акастом. Здесь же Креон предлагает Язону покинуть Медею и жениться на Креузе. Второй акт, переведенный Дельвигом, дает экспозицию чувств и намерений Медеи. Он является сюжетно наиболее законченным. Это самое большое действие трагедии. Короткий третий акт дает разговор Язона с Креузой, а затем с Медеей, которая притворно покоряется своей участи. Однако в разговоре с своей наперсницей Родопой она открывает свое решение мстить Креузе. Четвертое действие протекает в подготовке к мести. Медея посылает Креузе отравленное платье; замышляя месть Язону, она решается убить собственных детей. Пятый акт — катастрофа: из рассказов Родопы мы узнаем о действии волшебного отравленного платья. Креон умирает, Креуза появляется на сцене и здесь умирает в присутствии Язона. Наконец приходит Медея, только что зарезавшая собственных детей; благодаря чарам она лишает Язона сил, и тот не в состоянии ей отомстить. Медея улетает на колеснице, запряженной драконами. Язон закалывается. Рецензент СО (1819, № 21, стр. 85) писал: «Второе и третье действие показались мне лучше всего переведенными: язык в них чище и стих плавнее». Впервые пьеса была поставлена на сцене Большого театра в Петербурге в бенефис Е. С. Семеновой 15 мая 1819 г. и до 1826 г. шла с ее участием в заглавной роли, после чего не возобновлялась.

Маккавеи. Акт III (стр. 245). Перевод начала третьего действия трагедии Александра Гиро «Les Macchabées». Впервые — ПС 1934, стр. 416, где напечатано по автографу в тетради № 334. В рукописи перевод без названия и указания оригинала. Трагедия Гиро была впервые поставлена в Париже, в театре Одеон 14 июня 1822 г. Перевод датируется началом 1824 г., судя по письмам Баратынского к Рылееву и Бестужеву (начало 1824 г.) и к Лобанову (май 1824 г.), в которых говорится о коллективном переводе трагедии. В переводе должны были принять участие, кроме Дельвига, М. Е. Лобанов, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, Е. А. Баратынский. Однако сохранился только перевод данного отрывка. Сюжет заимствован из библейского рассказа о братьях из рода Маккавеев, их матери (по Библии — Соломонии) и их учителе Елеазаре. Все они не подчинялись требованиям и увещеваниям сирийского царя Антиоха, не отказались от обычаев своего народа и были казнены. Тираноборческие идеи трагедии придавали ей политическую окраску. См. также вступ. статью, стр. 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рождение Леля (стр. 249). Впервые — ПС 1934, стр. 423 Автограф — листки, вложенные в счетную книгу. Представляет собою, вероятно, программу стихотворения. Дельвиг иногда набрасывал свои стихотворения в форме прозаических программ, которые затем перелагал в стихи. См. также примечание к стихотворению «И вещего баяна опустили. . .», стр. 333.

Ночь на 24 июня (стр. 252). Впервые — НС, стр. 71. Печ. по черновому автографу ПД. Предположительно датируется концом 1820-х гг. Начало незаконченного произведения. Написано размеренной прозой, почему и было отнесено Гофманом к стихотворным произведениям Дельвига. *Ночь на 24 июня* — ночь на Ивана Купалу, связанная с различными народными преданиями, поверьями, приметами и гаданьями.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Настоящий словарь содержит объяснение мифологических имен и названий, встречающихся в тексте. Словарь составлен с учетом особенностей употребления этих имен и названий Дельвигом.

Для Дельвига в греческой мифологии не являлось особенно существенным отражение мировоззрения и культуры того времени, в которое создавалась и разрабатывалась мифологическая система древности, а также поэтический вымысел и сюжеты отдельных мифов. В системе древних богов Дельвиг искал главным образом аллегорий. Мифологические имена являются для Дельвига системой поэтического языка, заимствованной им по традиции у классиков XVIII века. Мифологические имена занимают свое место в системе иносказательного перифрастического языка, который свойствен был не столько самому Дельвигу, сколько его литературным предшественникам и учителям. При этом у Дельвига эта система уже приходила в упадок, шаблонизировалась. Мифологические имена стали поэтическими синонимами других слов. Для Дельвига характерен узкий круг ассоциаций и смысловых связей, соединяемых им с отдельными именами. Морфей для него значит «сон», и ничего более; Марс — война; Бахус, Бассарей — вино, опьянение; Венера, Киприда — любовь. Единственно, о чем заботится Дельвиг, это о том, чтобы одно божество называть в разных местах разными именами, сохраняя во всех случаях одинаковое аллегорическое значение. Для того чтобы разнообразить имена, Дельвиг пользуется прозвищами богов, римскими и греческими их наименованиями (Арей—Марс, Меркурий—Эрмий и т. п.) и даже двумя системами произношения греческих начертаний — рейхлиновским и эразмовским (Гера—Ира, Прометей—Промефей); отсюда получаются синонимические ряды: Афродита—Венера—Киприда—Киферея—Цитерея или Бахус—Бассарей—Вакх—Либер—Лиэй.

Для понимания текста достаточно было бы дать простую справку об аллегорическом значении слова. Но следует обратить внимание и на другую сторону дела. Греческие мифы были предметом школьного преподавания. Представление о греческих и римских богах возникало не только на основе условного употребления их имен в русской и французской поэзии, но и в результате класс-

ного ознакомления с ними. Система поэтического применения мифических имен вполне сложилась у Дельвига еще в Лицее и не изменялась в дальнейшем. Поэтому в данном словаре даны именно те сведения, которые Дельвиг получал в Лицее. Здесь преподавателем его был Н. Кошанский, который издал руководство: «Ручная книга древней классической словесности, собрания Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским». Санкт-Петербург. 1816. По мере возможности характеристики богов давались по этой книге, которая, вероятно, вполне соответствовала лицейским лекциям Кошанского.

Дельвиг сделал попытку применения к поэзии и славянской мифологии в прозаическом наброске «Рождение Леля».[1] Эта мифология вполне фантастична. Дельвиг строил ее на основе весьма произвольных представлений о древних славянских богах, обычных в литературе XVIII века; кроме того, он вносил свое творческое начало, попросту сочиняя мифы. Система славянской мифологии для него являлась лишь своеобразной номенклатурой тех же греко-римских богов. Это обнаруживается, например, его примечаниями к одной из черновых редакций элегии, обращенной к Яхонтову. Так, к имени Догода им сделано примечание: «Зефир». «Местный колорит», который Дельвиг внес в эту славянскую мифологию, кажется более соответствующим скандинавским сказаниям. Знакомство со славянской мифологией относится еще к лицейскому периоду. К тому же времени относится знакомство со скандинавской мифологией, о чем можно заключить по упоминанию имени Фенриса в одном из ранних стихотворений. У Пушкина в лицейских стихах тоже находятся отголоски скандинавских мотивов, причем пушкинское начертание имени главного скандинавского бога «Оден» обнаруживает французское происхождение сведений о скандинавских богах. Вероятно, из того же источника заимствовал свои сведения и Дельвиг. Возможно, что и данные о славянских богах он нашел в каком-нибудь французском справочнике по «языческому баснословию», каких в то время издавалось много.[2] Во всяком случае, обычный источник представлений о славянских божествах, книга Михаила Попова «Описание древнего славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями» 1768 г. не заключает в себе всех сведений, которыми располагал Дельвиг.

Поэзии Дельвига свойственны условные имена в стиле древнегреческих. Эти имена обязательны в идиллиях. Обычны они и в элегической, и в горацианской лирике. Имена эти в словарь не вошли. Таковы Амарилла, Дорида, Дафна, Дафнис, Дамон, Дион, Делия, Темира, Лила, Ниса и т. п. Правда, за некоторыми из этих

---

[1] Кроме того, славянские боги упоминаются в ранней редакции стихотворения «К Яхонтову». В Лицее Дельвигом была написана не дошедшая до нас песнь о «Всеславе», упоминаемая Гаевским.

[2] Эти справочники имели своим источником французскую «Историю древней и новой России» Леклера (1783—1785) и разные немецкие сочинения, вроде «Опыта славянской мифологии» Кайсарова (1804).

имен утвердилась довольно прочная литературная традиция, придающая им некоторую характеристичность. Таков, например, Дафнис, известный по роману Лонгуса «Дафнис и Хлоя» и по мифу о сыне Гермеса, изобретателе буколической поэзии. Но никогда нет уверенности, что у Дельвига преобладали именно эти литературные ассоциации. Имена эти могли попасть в сферу его поэзии гораздо более близким путем: даже не через эклоги Вергилия или оды Горация (которого, впрочем, Дельвиг знал и ценил), а через стихи французских эротических поэтов — Парни, Бернара или Леонара, через идиллии Геснера и даже через отечественные произведения Панаева. Большинство этих условно-греческих имен мы находим в несомненно знакомых Дельвигу идиллиях Геснера в уже стертом виде, безразлично обозначающих общий образ идеальной молодой красавицы пастушки и влюбленного пастуха. Впрочем, Дельвиг не был одинок в этом отношении в среде своих сверстников. Ранние стихи Баратынского и Пушкина содержат те же имена и в той же функции. Только в поэзии 30-х годов наблюдается реакция против этой системы имен.

Аврора (римск.) — «Эос, или Аврора, была богиня утренней зари, или рассвета. Аврору представляли посланницею солнца и предвестницей дня: по сей причине назвали ее Имера. Поэты представляли ее прелестнейшей богиней, коей колесница запряжена была четырьмя белыми или багряными конями. Она розовыми перстами отворяла дню врата Востока» (Кошанский). Сын Авроры Мемнон пал в битве под Троей от руки Ахилла, и прах его был оплакан матерью на берегах реки Эсепа в Малой Азии.

Адонис (греч.) — сын кипрского царя, равный по красоте бессмертным богам; возлюбленный Афродиты. Погиб во время охоты на вепря, но, оплаканный Афродитой, по воле Зевса ежегодно воскресает весной, а осенью вновь возвращается в царство мертвых.

Аид или *Айдес* (греч.) — подземное царство Плутона (Гедеса). «Сие подземное царство было жилищем теней, или душ человеческих, которые по смерти получали там награду или казнь за свои деяния в жизни» (Кошанский). Аидом и Айдесом называли и самого Плутона (Гедеса).

Актеон (греч.) — охотник, который за то, что смотрел на купавшуюся Диану, был превращен ею в оленя и растерзан своими собаками.

Аматузия (греч.) — так древние иногда называли Венеру — по имени горы Амата на южном берегу Кипра, где, по преданию, обитала богиня.

Амврозия (греч.) — пища богов, делающая их бессмертными.

Амур (римск.) — «Вместе с Венерою обыкновенно представляли сына ее Эрота или Амура и Купидона. Он располагал любовью и возжигал ее в сердцах пламенными стрелами. Его изображают с луком и колчаном; часто также с горящим пламенником в руке» (Кошанский).

Амфион (греч.) — сын Зевса и Антиопы. Так искусно играл на кифаре, что, повинуясь ее звукам, даже камни сами собой складывались в несокрушимую стену вокруг города Фив. Поэтический символ могущества искусства.

Аониды (греч.) — то же, что музы.

Аполлон (греч.) — «Аполлон был сын Юпитера и Латоны. Его почитали богом муз и наук, особенно поэзии, музыки и врачевания. В то же время приписывали ему великое искусство метать стрелы... Для поэтов и художников вид сего бога был совершенным идеалом мужской красоты, стройного, величественного роста и вечной, божественной юности» (Кошанский). Считался также богом солнечного света. Как покровитель поэзии и искусства, предводительствовал хором муз.

Аргус (греч.) — многоглазое чудовище, бессонное и всевидящее. По поручению Геры, ревнивой супруги Зевса — Юпитера, страж Ио, возлюбленной Зевса. Имя Аргуса стало нарицательным, в значении бдительного стража.

Арей или *Арес* (греч.) — см. Марс.

Атлантиды (греч.) — по мифу, рассказанному Платоном, жители громадного острова в Атлантическом океане, величиной будто бы превосходившего Азию.

Афродита (греч.) — «Мысль о высочайшей красоте женщины и о любви к ней родила в восточном воображении небесное создание, в котором соединились оба сии понятия и которое греки назвали Афродитой, а римляне Венерою. По общему, народному, преданию, сия богиня родилась из морской пены... Счастливец, получивший Венеру в супружество, был Вулкан. Но она любила еще Марса и Меркурия, а особенно Адониса, который не отвечал на любовь ее и коего безвременную смерть оплакивала очень горестно. Она вступила в спор с Юноною и Палладою о награде красоты: Парис решил в пользу Афродиты. Вот причина ее благодарности и покровительства троянам» (Кошанский).

Бассарей (греч.) — фригийское прозвище Вакха, по лисьей шкуре (по-гречески бассара), которую он носил.

Бахус (римск.) — Вакх, Дионисий или Бассарей — бог вина и веселья. «Греки и римляне равно почитали изобретателя вина, под именем Вакха, коего первые часто называли Дионисием» (Кошанский).

Борей (греч.) — у древних название северного, бурного ветра.

Вакх — см. Бахус.

Вакханки (римск.) — жрицы бога вина и веселья, прославлявшие Вакха в неистовых плясках во время вакханалий.

Венера (римск.) — см. Афродита.

Вулкан (римск.) — бог огня, кузнец. «По причине безобразия он свергнут с Олимпа матерью... Упал на остров Лемнос, который потом и сделался обыкновенным местом его пребывания, и в падении переломил себе ногу. Вулкану приписывали употребление всех искусств, производимых с помощью огня...» (Кошанский).

Гамадриады (греч.) — нимфы леса.

Гармония (греч.) — прекрасная дочь Афродиты и Ареса, присутствовавшая на пирах олимпийских богов, пока боги не отдали ее в жены Кадму, основателю Фив.

Геба (греч.) — богиня юности, дочь Зевса и Геры, служительница богов, разносящая им нектар.

Гелиос (греч.) — бог солнца, изображался в золотой колеснице,

с головой, окруженной лучами. В позднейшей мифологии отождествлялся с Аполлоном.

Гений (римск.) — «В самой древней греческой мифологии есть следы невидимых существ, известных под именем духов, или божеств, покровительствующих людям, кои назывались Гениями. Их обыкновенно представляли присутствующими или носящимися над головою и вокруг тех особ, коим покровительствовали и коих поступками и судьбою они управляли» (Кошанский).

Гера (греч.) — «Супруга и сестра Юпитера, дочь Сатурна и Реи, и вместе с ним владычица богов и людей, называлась у греков Ира, а у римлян Юнона. Главнейшую черту ее характера составляла любовь к владычеству, а наипаче ревность» (Кошанский).

Геркулес (римск.) — «Из всех греческих героев никто столько не возбудил удивления и не наслаждался столь общим поклонением, как Иракл или Геркулес, сын Юпитера и Алкмены, которому еще в детстве древность приписывала чудесную силу. Царь Миценский возложил на него множество трудных предприятий, которые все совершил он с великим успехом. Сверх сих подвигов ему приписывают еще и другие, в коих оказал он необычайную физическую силу и явил себя мстителем и защитником угнетенных» (Кошанский).

Гиганты (греч.) — «По народному преданию, они имели рост и силу сверхъестественную: полагали, что у них по сту рук и ноги драконов. Известнейший подвиг их — нападение на Олимп, жилище Юпитера и других богов. Для приступа к нему они взгромоздили гору на гору, Эту, Пелион, Осу, Родоп и проч., но Юпитер отразил их и разгромил перунами. Некоторых низверг в Тартар, других покрыл развалинами сих самых гор» (Кошанский).

Гимен или *Гименей* (греч.) — бог браков, изображавшийся в виде крылатого мальчика, с факелом в руках.

Гипербореи (греч.) — жители полусказочной, лежащей на крайнем севере страны (за Бореем).

Горгоны (греч.) — ужасные чудовища в образе трех крылатых медноруких сестер, олицетворявших ужасы ада. Из них Медуза, которую по преимуществу называют Горгоной, была самой ужасной. Взгляд ее обращал все живое в камень. Из сестер она одна была смертной. Герой Персей отсек ей голову волшебным мечом.

Грации (римск.) — «В свите Венеры находились грации как прислужницы и подруги сей богини, которые вместе с нею разливали повсюду радость и очарование. Числом их было три. На древних памятниках часто представляли их вместе, рука с рукою и без одежды» (Кошанский).

Дафна (греч.) — дочь аркадского речного бога, любимая одновременно Аполлоном и Левкиппом, сыном царя Эномая. Спасаясь от преследования Аполлона, была превращена своим отцом в лавровое дерево. Впоследствии — популярное женское имя в идиллической поэзии.

Дафнис (греч.) — прекрасный юноша, сын Гермеса и нимфы, любимец богов. Он пас стада по склонам горы Этны и пел песни.

Его внезапную смерть оплакивали пастухи, стада и вся природа. Имя Дафниса было популярно в идиллической поэзии.

Диана (римск.) — «От Латоны, дочери Юпитера, родилась в одно время с Аполлоном на острове Делосе Артемида, или Диана. В виде Аполлона почитали солнце, а в лице Дианы поклонялись луне. Она покровительствовала также звериной ловле, которая с юных лет сделалась любимою ее забавой. Как богине охоты, Юпитер дал ей лук и стрелы и шестьдесят нимф для свиты. Диана получила от него совершение обета своего остаться навсегда девою; и сделалась богинею непорочности и невинной юности» (Кошанский).

Догода (слав.) — «Славенский Зефир, которого признавали богом, производителем тихого и приятного ветра и ясной погоды» (Попов). В черновиках стихотворения «Не мило мне на новоселье...» и в «Рождении Леля» первоначально вместо Догода было: «Погода». Это доказывает, что Дельвиг знал истинное имя божества древних поляков: Погода — бог ясного времени. Во французских справочниках по мифологии сообщается: Погода — гений ясной погоды и весны, парил на крыльях в длинном одеянии и в венке из голубых цветов. Был постоянно около Зимцерлы. Таким образом, Дельвиг соединяет данные Попова с указаниями французских мифологий.

Дриады (греч.) — см. нимфы.

Елисейское царство (Елисейские сады, Елисейские поля) — см. Элизиум.

Закоцитный — расположенный по ту сторону Коцита, то есть в царстве мертвых.

Зевс (греч.) — «Первый и самый могущественный из богов назывался у греков Зевс, а у римлян Юпитер. В виде сего бога сперва представляли вообще природу, потом высший воздух и, наконец, высочайшее существо. Он низверг с трона отца своего Сатурна и разделил царство с двумя братьями; сам взял небо и землю, Нептуну отдал море, а Плутону ад» (Кошанский).

Зефир — у древних греков название западного теплого ветра.

Зимцерла (слав.) — «Богиня Киевская, какие ей качества приписывались, о том ничего не известно; разве изломанное ее название произвесть от имени зима и глагола стерть, так назовется она Зимстерлою и будет походить на Аврору или Флору, богиню цветов» (Попов). Во французских мифологических словарях Зимцерла трактуется как Флора, причем на нее механически переносится латинский миф о любви Флоры и Зефира, популярный по стихам Овидия и по многочисленным картинам нового времени: «Зимцерла была богиней цветов и любовницей Погоды, бога весны; она развевала в воздухе запах лилий, и пояс ее был свит из роз». Дельвиг изображает Зимцерлу именно славянской Флорой, тем более что соответствует Авроре у него Мерцана. Радищев в «Бове» упоминает Зимцерлу в качестве Авроры.

Игея или *Гигея* (греч.) — богиня здоровья, дочь Эскулапа, изображаемая с чашей, из которой пьет змея.

Ира — см. Гера.

Ифест или *Гефест* — см. Вулкан.

Камены (римск.) — соответствуют греческим музам.

Кастор (греч.) — Кастор и Поллукс, сводные братья, сыновья Леды, знаменитые своей неразлучной дружбой. Кастор прославился как укротитель коней.

Кипра или *Киприда* (греч.) — одно из имен Афродиты по названию острова Кипр, бывшего центром ее культа.

Киферея — см. Цитерея.

Коцит (греч.) — река в подземном царстве мертвых.

Кронид (греч.) — см. Зевс.

Кронион (греч.) — Кронионы — сыновья Крона и Реи: Зевс, Посейдон и Плутон. У Дельвига имеется в виду Зевс.

Лада или *Ладо* (слав.) — божество любви. По Попову, «Лада — славная богиня Киевская, подобящаяся во всем Венере. Славяне признавали ее богинею браков и веселия любовного». Лада считалась матерью Леля и Полеля, богов любви и супружества. В поэме Радищева «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам» Лада — «мать рождения», жена Зинча.

Лаэртид — сын Лаэрта, Одиссей.

Лед (слав.) — древнепольский бог войны — Ляд. «*Леда* — под сим именем почитали некоторые славяне бога войны. Имя его произведено, кажется, от слова лед или леденеть» (Попов).

Леда (греч.) — спартанская царица, которую полюбил Зевс, явившись к ней в образе лебедя. От него у нее родилась дочь Елена, виновница Троянской войны.

Лель (слав.) — бог любви. «Леля или Лелё, сын Ладин, нежный божок воспаления любовного. Видно по всему, что он возбуждал любовь, так как брат его Дид отвращал, а в доказательство сего во всех старинных любовных песнях имена их положены по свойству оных, как и матери их Лады» (Попов).

Лета (греч.) — река забвения в подземном мире, из которой тени умерших пили, чтобы забыть земные страдания.

Либер — одно из многочисленных наименований Вакха — Диониса.

Лиэй — то же, что Вакх—Дионис. В буквальном переводе: «освободитель от забот».

Марс (римск.) — «Сей бог брани и сражений был сын Юпитера и Юноны, воспитанный во Фракии. Его представляли покровителем войны и приносили в жертву <ему> первые плоды добычи. Любовь его с Венерою, спор с Нептуном за единственного сына Галлиротия и смерть сего юноши — вот все главнейшие происшествия в истории сего бога» (Кошанский).

Медея (греч.) — см. Язон.

Медуза — см. Горгоны.

Меркурий (римск.) — «Главнейшие качества сего бога — ловкость и проворство, в коих он отличался с юных лет, но кои не всегда употреблял законным образом. Он изобрел гитару и под-

нес ее Аполлону, который в награду дал ему жезл вестника богов, или кадуцей; Меркурий носил его в виде посланника и вестника богов; сим жезлом производил он сновидения и сгонял души в царство теней. Ибо его служение простиралось от Олимпа до земли; и от земли до подземного царства» (Кошанский). Меркурий (у греков — Гермес или Эрмий) сделал кифару из щита морской черепахи.

Мерцана (слав.) — имя, явившееся в результате сближения слова «мерцание» с именем древнего славянского божества Марцана. О последнем Попов пишет: «Сие славянское божество почиталось от некоторых наших древних однородцев богинею жатвы, которыя свойства имела у еллинов Димитра <Деметра>». У Дельвига имя Мерцана находится в одном из черновиков стихотворения «Не мило мне на новоселье» («В альбаум»), причем он сопроводил его примечанием: «Аврора». В том же значении богини зари выведена она и в «Рождении Леля».

Мидас (греч.) — фригийский царь, которому Аполлон дал в наказание ослиные уши, так как он предпочел его игре — игру Пана.

Мом или *Момус* (римск.) — сын сна и ночи, бог насмешки, иронии.

Морфей (римск.) — бог сна и сновидений. Изображался с головками мака в руках, с волшебным жезлом, вызывающим сновидения, и рогом, наполненным снотворным напитком.

Музы (греч.) — богини покровительницы искусства и наук, дочери Зевса — Юпитера. «Вначале их полагали только три; но по общему народному преданию, считают их девять, как-то: Клио, муза истории; Каллиопа — эпической поэзии; Мельпомена — трагедии; Талия — комедии; Эрато — танцев и музыки; Эвтерпа — игры на флейте; Терпсихора — цитре; Полигимния — пения и Урания — астрономии» (Кошанский).

Нарцисс (греч.) — прекрасный юноша, сын речного бога Кефиса. Гордясь своей красотой, он отверг любовь нимфы Эхо, и боги в наказание заставили его влюбиться в собственное отражение. В отчаянии Нарцисс умертвил себя, и был превращен в цветок смерти, названный его именем.

Наяды — см. нимфы.

Нектар (греч.) — напиток олимпийских богов.

Немезида (римск). — богиня мщения.

Нептун (римск.) — «Верховное владычество над водами досталось по разделу брату Юпитера Посидону или Нептуну. В нем древние с трепетом поклонялись виновнику наводнений и землетрясений, которые воздвигал он и укрощал своим трезубцем» (Кошанский).

Нестор (греч.) — мудрый и старейший из греческих предводителей в Троянской войне, очевидец многих событий и хранитель житейского опыта. Один из героев «Илиады» Гомера.

Нимфы (греч.) — «В баснословии почитались существами средними между богов и человеков... Обыкновенное жилище их было пещеры. Должности каждой из них были весьма различны и составляли между ними множество отделений и названий, по раз-

ным предметам, коим покровительствовали, и по местам, где жили. Таким образом, были ореады или нимфы гор, наяды, нереиды и потениды — нимфы вод, морей, рек; дриады — нимфы лесов» (Кошанский).

Океан (греч.) — «По общему народному преданию, верили, что, сверх Сатурна, Уран имел еще шесть сынов, кои все назывались Титанами, а именно: Титан, Гиперион, Кей, Япет, Криос и Океан» (Кошанский). Титан Океан, обтекающий землю, и богиня Фетида породили на свет всех речных божеств.

Олимп — гора в Греции. Вершина ее покрыта вечным снегом. Греческая мифология считала ее обиталищем богов.

Орест (греч.) — сын Агамемнона, героя Троянской войны. Из многих преданий о нем наиболее известна его неразлучная дружба с Пиладом. В дружбе этой первое место занимал Орест.

Орк (римск.) — одно из названий Плутона, бога подземного царства.

Орфей (греч.) — мифический поэт и музыкант, очаровывавший своей игрой на лире хищных зверей и даже неодушевленную природу.

Паллада (греч.) — «Мысль о величайшем благоразумии в баснословии древних превратилась в лицо и в божество, которое греки назвали Афиною и Палладою, а римляне Минервою. Она была дочь Юпитера и вышла во всем вооружении из его мозга. Греки приписывали сей богине изобретения бесчисленных искусств и наук, имевших великое влияние на устройство и образование обществ. Ее почитали изобретательницею Флейты, Оливы, Пряжи и Оружия; наконец, виною всего, в чем предполагается высший разум» (Кошанский).

Пан (греч.) — «Бог стад, лесов, полей и пастушеской жизни. Самое любимое место его пребывания была Аркадия. Пан сделался изобретателем пастушеской свирели с шестью дудочками» (Кошанский).

Парки (римск.) — «Они были три сестры, рожденные Нощию, коим вверена судьба, или, лучше, продолжение жизни смертных. Из них одна, Клото, зачинала нить, другая, Лахезис, пряла ее; а третья, Атропа, отрезывала, когда исполнялась мера жизни человеческой. Всех их представляли неумолимыми» (Кошанский).

Парнас (греч.) — горный хребет в Греции, в древности посвященный Аполлону и музам. Отсюда Парнас — символ поэзии и литературы.

Пегас (греч.) — крылатый конь, считающийся конем муз, так как ударом копыта он открыл на склонах Геликона источник муз — Гиппокрену. Символ поэтического вдохновения — крылатый конь поэтов, уносящий их в мир фантазии.

Пиэриды (греч.) — музы, покровительницы пения, живущие в Пиэрии (горной местности Греции).

Плутон (римск.) — «Плутон, второй брат Юпитера, получил в удел царство Ада. Под сим Адом древние представляли себе подземную область, которой входом служили отдаленные и опустошенные страны земли, ведущие в царство Плутона» (Кошанский).

Поликсена (греч.) — троянская царевна, назначенная в жертву тени Ахилла, в жены которому она некогда предназначалась. Добровольно приняла смерть для того, чтобы избавить себя от унизительного рабства в доме Агамемнона, которому она досталась после падения Трои.

Поллукс или *Полидевк* (греч.) — см. Кастор.

Помона (римск.) — богиня плодов.

Приап (греч.) — бог плодородия, полей, садоводства, виноделия и покровитель чувственных наслаждений.

Прометей (греч.) — Титан, сын Урана или Япета. Покровитель людей, спасший их от гнева Зевса, желавшего истребить человечество. За похищение божественного огня для людей Прометей был богами прикован к скале, и орел каждый день пожирал его печень, выраставшую ночью снова. Впоследствии Геракл освободил его и убил орла.

Промефей — см. Прометей.

Проно (слав.) — видоизменение имени Перуна: божество, идол которого находился в одном из городов балтийских славян; по Попову: «*Прове* или *Проно* — божество вендских и померанских славян, живших при варяжском море. Сей бог у них считался на втором степени по Святовиде, начальном их божестве; стоял на высоком дубе, около коего расставлено было до тысячи идолов с двумя, с тремя лицами и более. Пред Проном же стоял алтарь для приношения ему жертв». По французским указателям, *Проно* — бог справедливости в Померании.

Психея (греко-римск.) — по-гречески — душа; молодая прекрасная девушка, которую полюбил Эрос (Амур). История Психеи рассказана в «Золотом осле» Апулея.

Рея (греч.) — Титанида, дочь Урана и мать Зевса. Излюбленным местом ее пребывания считался остров Крит.

Сатиры (греч.) — «Сатиры у греков и фауны <фавны> у римлян отличались от обыкновенного вида человека козьим хвостом и острыми ушами; они принадлежали к свите Вакха» (Кошанский).

Святовид (слав.) — «Между богами добрыми славился более прочих Святовид, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене. Он предсказывал будущее и помогал на войне» (Карамзин). По Попову, «Святовид — бог солнца и войны». Мих. Чулков сообщает, что в немецком мифологическом словаре этот бог назван Свантовидом. Подобное же имя (Suantowith) приписывается ему и во французских мифологических справочниках, в которых он фигурирует как «бог солнца в Померании». Таков он и у Дельвига.

Семела (греч.) — мать Вакха.

Сизиф (греч.) — царь, основатель Коринфа, отличавшийся жестокостью и хитростью. Был убит Тезеем и после смерти осужден катить на гору тяжелый камень, который постоянно скатывался вниз.

Силен (греч.) — всегда пьяный, веселый и добродушный сатир, сын Пана и учитель Вакха.

Скилийские сирены (греч.) — сирены, которые живут в Сциллическом водовороте, чудовищные полуженщины-полуптицы, зама-

нивающие своим чарующим пением мореплавателей на свой остров и губящие их. Удалось избежать их чар лишь аргонавтам (с помощью Орфея) и Одиссею, приказавшему привязать себя к мачте.

Стигийские берега (греч.) — берега Стикса, реки в подземном царстве; переносно — ад, загробный мир, смерть.

Стикс — см. Стигийские берега.

Урания (греч.) — муза астрономии.

Фавны (римск.) — то же, что сатиры у греков.

Фаэтон (греч.) — сын Гелиоса, выпросивший у отца на один день солнечную колесницу. Не сдержав огненных коней, он зажег небо и землю. Зевс поразил его молнией, чтобы спасти мир.

Феб (греч.) — см. Аполлон.

Фемида (греч.) — «В числе Титанид, или дочерей Урана и Титеи, славнее всех была Фемида, богиня Правосудия» (Кошанский).

Фенрис (сканд.) — чудовищный волк, прикованный цепями к скале, который должен перед концом мира сорваться с цепи и поглотить главного бога Одина.

Фетида или *Тетис* (греч.) — дочь Урана, титанка, супруга Океана, божество водной стихии.

Филомела (греч.) — дочь царя Афин Пандиона. Принужденная мужем своей сестры Прокны Тереем стать его наложницей, вместе с сестрой отомстила Терею, убив его сына. Спасаясь от ярости Терея, обе сестры были обращены: Прокна — в соловья, а Филомела — в ласточку. В поэзии под именем Филомелы постоянно разумеется соловей, как и у Дельвига.

Флора (римск.) — богиня цветов, садов и деревьев.

Фортуна (римск.) — богиня судьбы, олицетворение удачи, неожиданности, счастливой случайности. Изображалась с повязкой на глазах.

Фурии (римск.) — богини-мстительницы.

Хаос (греч.) — первобытная бесформенная материя, породившая ночь.

Хариты (греч.) — «В свите Венеры находились грации... (хариты) как прислужницы и подруги сей богини... Они назывались дочерями Юпитера и Эвриномы или дочерями Вакха и самой Венеры, и числом были три: Аглая, Талия и Евфросина» (Кошанский).

Харон (греч.) — старец, переправлявший через реку Стикс в обитель мертвых тени умерших.

Хрон или *Хронос* (Крон) (греч.) — «Один из самых древних богов, которого почитали сыном Урана и Титеи, или Неба и Земли, и которому приписывали первое правление мира, назывался у греков Хроном, а у римлян Сатурном. Из греческого названия Сатурна, которое значит то же, что Хронос (время), следует заключить, что в виде Сатурна представляли собственно бога времени» (Кошанский).

Цербер или *Кербер* (греч.) — «При входе в царство теней, в преддверии Плутона летал Цербер, пес с тремя головами, кото-

рый воспрещал теням возвратиться в подлунные страны» (Кошанский).

Цинтия (римск.) — одно из поэтических названий луны.

Цирцея (греч.) — волшебница. В «Одиссее» рассказывается, как Цирцея напоила спутников Одиссея волшебным напитком, от которого они обратились в свиней.

Цитерея (греч.) — Венера. «Ее называли Цитереей или Кифереей, так как она после рождения удалилась в Цитеру» (Кошанский).

Эвмениды (греч.) — «В числе адских божеств еще были три дочери Плутона и Прозерпины, коих должность состояла в том, чтобы мучить преступников в Тартаре, а часто наказывать и жителей земли... Греки называли их эриннии, а в отношении к их характеру, в некотором ироническом смысле, — эвмениды (божества благотворные)» (Кошанский).

Элизиум (римск.) — «Сие подземное царство было жилищем теней или душ человеческих, которые по смерти получали там награду или казнь за свои деяния в жизни. Место награды называлось Элизиум» (Кошанский).

Эндимион (греч.) — прекрасный юноша, любимый богиней Селеной-луной, но погруженный в вечную дремоту и потому не отвечавший на ее любовь.

Эрмий — см. Меркурий.

Эрот или *Эрос* (греч.) — бог любви, то же, что Амур и Купидон у римлян. См. Амур.

Юнона (римск.) — См. Гера.

Яга — сказочная баба-яга. Попов пишет: «Ягая баба. Сие страшилище описывает суеверие страшною, сухощавою и огромною бабою наподобие остова, с костяными ногами, держащею в руке железную палицу, которою она действует, понуждая катиться железную свою махину, в коей она разъезжает. По таковым приметам можно думать, что она у славян имела должность Беллоны или какой ужасной адской богини». Во французских мифологических словарях яга-баба именуется «богиней войны, старой колдуньей, попеременно благосклонной и жестокой». Как богиню войны Дельвиг называет ее женой Леда, бога войны.

Язон или *Ясон* (греч.) — главный герой мифа об аргонавтах, искателях золотого руна; супруг колхидской царевны Медеи, бежавшей с ним из дома своего отца Эета (Аэта), сына Гелиоса.

Япетовы дети (греч.) — человеческий род, названный так древними греками по имени титана Япета, отца Прометея, от которого произошли люди.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Портрет Дельвига работы В. П. Лангера. 1829. Рисован карандашом. Хранится в ИРЛИ.

2. *Стр. 33.* Титульный лист второго тома «Литературной газеты» (1830) с виньеткой, гравированной Томпсоном.

3. *Между стр. 96 и 97.* Портрет Дельвига работы неизвестного художника. Воспроизведено по копии, вероятно сделанной автором портрета. По-видимому, относится к 1817—1818 гг. Копия хранится в ИРЛИ. Под оригиналом портрета имеется четверостишие Пушкина «Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил. . .»

4. *Между стр. 128 и 129.* Карикатура на Дельвига П. Л. Яковлева. Рисована тушью. 1818. Находится в альбоме П. Л. Яковлева, хранящемся в ИРЛИ.

5. *Стр. 167.* Рисунки Дельвига из тетради № 334, лист 63. Под рисунками подпись Дельвига: «добрые физиогномии».

6. *Между стр. 176 и 177.* Титульный лист альманаха «Северные цветы» на 1829 год. Заглавная виньетка работы С. Галактионова.

7. *Стр. 191.* Черновой автограф стихотворения Дельвига «Друзья» из тетради № 334, хранящейся в ИРЛИ <1826>.

8. *Стр. 215.* Обложка книги «Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1829) с посвятительной надписью П. А. Плетневу. Экземпляр хранится в ИРЛИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Стихотворения

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА 1812—1817

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1817—1831 ГОДОВ

НАБРОСКИ, ОТРЫВКИ И СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПРИПИСЫВАЕМОЕ ДЕЛЬВИГУ

Драматические отрывки

Приложение

Дельвиг Антон Антонович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *В. В. Успенский*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 25/III 1959 г. Подписано в печать 10/VII 1959 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. $11^7/_8$ (19,48). Уч.-изд. л. 19,87. Тираж 30 000 (1-й завод 1—10 000). Зак. № 294. Цена 7 р. 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
69	13 сн.	нежных	нежной
85	14 св.	пришлец	прошлец
119	15 сн.	пленять	пленить
137	1 сн.	1820	<1820>
222	18 св.	Чтоб тобой	Что тобой